

• ПОЛЧАСА •

ЛЮДМИЛА ФЕДОРОВА

16+

Людмила Вячеславовна Федорова

Полчаса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67891989

SelfPub; 2022

Аннотация

Дорогие мои любимые читатели, я вам сейчас дарю сразу два любовных романа под одной обложкой. В первом мы узнаем историю любви гордой полячки княжны Варшавской и замкнутого поэта Евгения. Сначала он считал юную княжну кислой избалованной девицей, но всего полчаса изменили ход истории. Будут ли они счастливы? Герои второй истории это купеческая дочка красавица Агнесса и граф Долгопятов, которым пришлось вступить в неравный брак, что выберет героиня: любовь пожилого графа, свой долг быть ему верной, или возможность родить ребенка?

Людмила Федорова

Полчаса

... И снова, здравствуйте, дорогие любимые уважаемые читатели! Снова я с радостью послужу вам своим писательским пером, чтобы удивить, вдохновить, подарить незабываемые эмоции от прочтения художественной литературы, зарядить позитивом и напомнить, что мир лучше и добрее, чем нам кажется. Кто-то взялся читать моё сочинение в первый раз, а кто-то знаком с моими различными работами давно, но мне всегда есть, что сказать нового и удивительного.

Ответьте, дорогие многоуважаемые мои читатели, на один вопрос: верите ли вы в то, что жизнь человека может измениться в любой миг, и что для жизненных перемен на все 360 градусов может понадобиться всего полчаса?

Я не знаю, к сожалению, вашего ответа, но мне кажется, что большая часть читателей ответили «нет», как и я ответила бы раньше. Что ж, тогда эта история любви из золотого 19 века именно для вас. Я, как писательница, хочу подарить вам одну из самых неординарных, нежных и захватывающих историй любви, которая бы не случилась, если бы главный герой и его избранница не поменяли предвзятого высокомерного отношения к друг другу всего за полчаса...

... Каких-то всего полчаса изменят их мир и станут для

всех героев истории роковыми, а я смогу подарить вам одну из самых красивых историй любви...

И так, если у меня получилось заинтересовать вас, мои любимые читатели, то я начну повествование.

Действие этой истории происходило в Российской Империи, в Санкт-Петербурге, во времена восхитительного ампира, в 1804 году...

Глава «Повеление графа Шустрова»

...В этот день, как и в другие дни впрочем, в богатой усадьбе графа Иннокентия Александровича Шустрова было тихо и скучно, как будто и не в роскошном Санкт-Петербурге, а на деревенской дачке.

По крайней мере, так думал Евгений Дубов, племянник пожилого графа. В прочем, если все представляют 19 век, как время беспрестанных балов, литературных салонов, маскарадов, званых обедов и театров, то это явно идеализация, всё это присутствовало в жизни молодого дворянина, но не так уж часто.

Евгению не хватало этого точно. Чаще всего молодой дворянин проводил время в имении, где кроме прислуги и крепостных, Евгений жил со своим двоюродным братом, ровесником по имени Николая и дядей, стареньким сморщенным, но очень бодрым духом графом Шустровым.

Когда-то давно так печально сложилось, что отец Евгения, доблестный офицер и настоящий патриот России, граф Дубов, погиб на войне с турками, а его молодая супруга, гра-

финя Дубова, а в девичестве Шустрова, родная сестра Иннокентию Александровичу, отошла ко Господу из-за оспы, а маленькому Евгению было всего три года.

Граф Иннокентий же очень любил свою сестру, переживал тяжело её уход.

А тут графу Шустрову прибавило страданий то, что от чашотки ушла и его любимая супруга, оставив лишь маленького трёхлетнего Николая. Тогда у графа и родилась идея усыновить осиротевшего любимого племянника и воспитать самому вместе с Николаем, как родных братьев, ни в чём не делая различий. Так граф Евгений Петрович Дубов и вырос вместе с двоюродным братом здесь в молодого человека двадцати трёх лет. Надо признать, Николай и Евгений были сейчас совершенно несхожи ни внешностью, ни характером, что не мешало Евгению по-родственному любить и уважать Николая, их связывала весьма тёплая дружба. И заслуга это была именно добродушного и скромного Евгения, который умел подстроиться под лучшего друга.

... Внешность Евгений унаследовал от маменьки, и в свои двадцать три года красотой не блистал. Одет в модные фасоны, сюртуки и фраки поверх рубашки с жилетом, снизу белые брюки, но простые цвета и ткани, скромно, до истинных денди он явно не дотягивал. Вдобавок, был обладателем высокого роста и лишнего веса, из-за чего казался грузным, неповоротливым, как медведь. Евгений не хотел никому озвучивать, но в тайне стеснялся своей неуклюжести.

На носу, как и у многих любителей чтения, носил пенсне, лицо светлое с веснушками, но ничем не примечательное, а волосы рыжие. Единственное, что в самом себе Евгений считал красивым, так это глаза. Они у молодого человека и впрямь были удивительно красивые. Большие, тёмные, как сочные вишни, а во взгляде кипела вся юношеская энергия. Пожалуй, такой взгляд, полный жизни, мог бы очаровать любую мадмуазель. Жаль, что сам Евгений недооценивал своего обаяния и смущался своей внешности...

Николя же блистал красотой, был прославленным на любовном фронте победителем и сердцеедом, благодаря bravому военному виду и галантным изысканным манерам. В свои двадцать три года он имел значительный «донжуанский список» побед, обесчестил не одну юную наивную дворянскую девушку, имел романы и с красивыми крестьянками, и к «актрисочкам» (так называли тогда не только актрис, но и обычных куртизанок) часто ездил. Везде он был сразу своим человеком из-за умения красиво говорить и быстро заводить новые знакомства, томного взгляда и приятного тембра голоса. Его светло-русые волосы были не просто пострижены, а уложены в модную причёску и довершались светло-русыми бакенбардами, а уж идеально ровная белоснежная улыбка сводила дам с ума. А модный гардероб с офицерским мундиром и вовсе делали его главным светским львом Санкт-Петербурга.

... Унять или пристыдить Николая за разгульный образ

жизни мог только отец, и то, не всегда.

Конечно, Евгению тоже хотелось иметь столько друзей и ездить в театры и на балы часто, как Николая, но он несколько не завидовал двоюродному брату, а только искренно желал тому счастья, и, когда надо, заступался перед графом за него. Евгений Петрович, считая себя слишком простеньким, давно смирился с тем, что двоюродный брат для него слишком недостижимый идеал во внешности.

Однако не только внешне одинаково воспитанные молодые люди были разными, очень различия у них и характер.

... Евгений был стеснительный, набожный, тихий, чрезмерно необщительный, замкнутый в себе человек. Из него было тяжело лишнее слово вытянуть, если он сам был не в настроении общаться. Зато к жизни имел серьёзный подход, любил честность в общении, ценил интеллектуальные занятия. Он много читал, как православной церковной литературы, жития святых, поучения известных богословов, так и светскую литературу, труды писателей, драматургов и поэтов разных времён, в его круг чтения входили и Гюго, и Шиллер, и Шекспир, и Гомер. И это только в общих чертах, книголюб Евгений был славный. И даже пытался сам что-то сочинять, однако, получив высшее образование, служить не пошёл и оставался у дяди, за что получил от графа прозвище «повеса», а он просто не мог определиться с тем родом деятельности, который бы его увлёк.

Евгений был так же большим ценителем театра, класси-

ческой музыки, оперы и балета.

Ну, и молодой человек уделял много внимания духовной жизни: молитве и церковным таинствам исповеди и причащению, как и следует православному христианину.

Николя же числился в полку офицером, однако свои обязанности исполнял «спустя рукава», а, точнее, никак. Всё, что в жизни увлекало его, так это любовные похождения, игры в карты, шампанское, балы, маскарады и весёлые кутежи с многочисленными друзьями-гусарами. Пожалуй, Иннокентий Александрович был недоволен родным сыном ещё больше, чем Евгением.

...Вот и сегодня ни у Николя, ни у Евгения не было вечером дел, и они расположились в гостиной за популярной в свете карточной игрой.

– Ску-у-учно... – протянул Евгений, неловко поправляя сюртук, маловатый для такой крупной фигуры – Ты хоть на балы, в театры часто ездишь, а я всё с книгами, а ты ни одной книги толком не прочёл, с тобой только в карты хорошо поиграть, хотя мне карты уже надоели. Скучно...

Николя зло тихо похихикал и язвительно ответил:

– Ну, влюбись! Или иди на службу чиновником, или, как я, в армию! Хочешь, свожу к куртизанкам тебя!

– Да ну,... ещё грешить блудом с куртизанкой. Не хорошо. Если уж влюбиться, тогда, как положено благочестивому человеку, жениться надобно. А на ком? В свете все молодые сударыни, как одна, избалованные изнеженные глупые раз-

наряженные жеманницы. Их не за что любить, с ними не создашь семью. Чиновником я быть не хочу, нудная, не творческая работа, в армию тоже не хочу, у меня слишком доброе сердце для жестокости военной службы. А мне бы хотелось, чтобы дядя разрешил мне стать писателем, я бы смог пробиться, но он и слушать не желает. Ты хоть мне сочувствуешь? – честно признался Евгений.

Тут дверь в гостиную открылась внезапно с грохотом, и появился пожилой граф Шустров со словами:

– Так, ребята мои дорогие, чем заняты? Опять игрой в карты? Ну, до чего ж вы у меня балбесы вышли что один, что второй, хотя я думаю, Евгений у меня боле сознательный и быстро исправится. Тем боле я принял важное решение: вам пора жениться и остепениться. И я найду вам подходящие партии. И для тебя, Евгений, у меня приятная новость: я уже нашёл тебе достойную невесту, мы с её маменькой уже договорились обо всём, это – прелестная княжна Людмила Борисовна Варшавская!

Евгений молча с презрением на лице схватился за рыжие кучеряшки и брезгливо поморщился, как только вспомнил о княжне Людмиле Варшавской.

... Нет, не подумайте, дорогие мои читатели, что юная княжна была последней дурнушкой в свете. Наоборот, Людмила Варшавская в свои шестнадцать лет успела в высшем дворянском свете прославиться, как истинная красавица.

Личико Людмила юное, нежное, белокожее, с тонким но-

сиком, маленькими аккуратными губками, большими распахнутыми глазами травяного цвета. Её белокурые волосы были всегда собраны в простую, но модную нынче в свете причёску. Изящные аристократичные худенькие ручки и плечики приводили мужскую часть знати в восторг. Фигуркой же Людмила была худенькая, маленького роста, как девочка, но зато на такой худощавой фигурке идеально сидели ампирные модные платья, длинные в пол, зауженные по фигуре, с рукавом-фонариком и завышенной талией под самой грудью.

Почему же так сильно сейчас был разочарован Евгений, если избранница была столь хороша собой? Потому что он несколько раз общался с ней во время бала, да и слышал от других холостых юношей и мужчин в свете, что княжна не отличалась умом. Все друзья Евгения единодушно признавали мадмуазель Варшавскую чрезмерно жеманной, манерной, капризной и избалованной, чрезмерно эмоциональной и горделивой девицей. Евгений и Никола называли же Людмилу между собой «жеманной мартышкой», «кислой дурочкой» и «глупой ломакой».

Вот, представив, что его женой будет столь недалёкая капризная кислая девица, Евгений и схватился за голову со словами:

– Дядя! Ну, ты и сделал выбор, ничего не скажешь! Самый худший вариант выбрал! Нет уж, вели, дядя, жениться на какой угодно девице, хоть дворянке, хоть крестьянке, хоть гра-

фине, хоть кухарке, но только не на сударыне Варшавской!

Но Иннокентий Александрович строго посмотрел старческими бесцветными глазками на племянника и ответил:

– Так, Евгений милый мой, тебе уже двадцать три года, пора жениться, а у тебя на личном фронте явно... тихо, поэтому я по своему усмотрению выбрал тебе достойную партию, родовитую, с хорошим приданым и образованием девицу, которая ещё и внешне весьма милейшая особа, а он ещё кочевряжится!!! А насчёт её тяжелого характера хочу тебя предупредить, что первое впечатление может быть очень обманчивым. Я давно знаком с её маменькой, почтенной вдовой и благочестивой христианкой, и знаю, что мадмуазель Людмила образована, умна, обладает широкой чистой душой, а её эксцентричное манерное поведение это не её черта характера, это лишь временное последствие переживаний, я надеюсь, что ты позже поменяешь ещё своё мнение о ней. И, вообще, я сказал, что женишься на княжне Варшавской, значит, женишься и точка!

Евгений с грустью протёр платочком пенсне и тихо возмутился:

– Дядя, я недоволен такой ситуацией, раньше ты никогда не позволял себе так бесцеремонно командовать, но только из-за уважения к тебе и благодарности за то, что ты когда-то заменил мне родителей, я послушаюсь и женюсь на княжне Варшавской...

– Знаешь, Евгений, дорогой, раньше и ты был как-то бли-

же ко мне... общительней, сговорчивее что ли, и командовать не хотелось. Но, поверь, я знаю, что делаю. Будь готов завтра вечером ехать на бал к графу Вишневскому, где вы и увидите с мадмуазель Людмилой, и танцевать в этот раз только со своей невестой... – закончил разговор Иннокентий Александрович, и, побряхтывая по-старчески, неспешно ушёл...

... Евгений сидел расстроенный и раздосадованный, а как дядя ушёл, сразу обратился к Николаю:

– Николай, будь настоящим другом, подскажи, как избежать свадьбы с этой глупой мартышкой и кислой дурочкой! Терпеть её не могу, а завтра весь бал с ней надо теперь танцевать! Как вспомню, так в затылке скверно!

– Ну,... – протянул с деловым видом Николай – можно расторгнуть помолвку, солгав, что слышал о её любовной интрижке с офицером... да хоть со мной. Клевета, зато точно помолвку расстроишь, предлог серьёзный. А можно веси себя с ней так грубо, негалантно, кокетничать с другими дамами при ней, а потом перебрать с шампанским, чтобы она и её маменька сами расторгнули помолвку...

– Нет, что-то ни первая, ни вторая твои идеи мне не по духу. Подлю как-то по отношению к Людмиле Борисовне. Она хоть и кислая девица, но всё равно так зло с ней поступать не хочется... – ответил Евгений.

– Тогда один вариант: жениться! – со злорадным смехом объявил Николай.

Евгений не выдержал насмешки, фыркнул, неуклюже бросил карты на стол и поднялся в свою спальню.

... Евгений иногда, когда ему не спалось или накрывала тоска, как сейчас, доставал из-под кровати маленький сундучок, в котором хранил памятные о счастливом детстве и дружбе с дядей вещицы. Вот тут лежит и Детская Библия с яркими иллюстрациями, их с дядей любимая книга. А вот тетрадь Евгения, где он так хорошо написал сочинение на французском на тему «Что такое милосердие?», что дядя долго восхищался Евгением. А вот сусальный Ангелочек, которого дядя подарил Евгению на Рождество...

... Почему Евгению захотелось ещё раз перебрать эти вещицы именно сейчас, он и сам не понимал, просто после такого командирского тона дяди Евгений чувствовал себя... одиноко...

Глава «Мадмуазель Людмила Варшавская»

... В это время в имении князей Варшавских в своей спальне при свете свечи готовилась ко сну Людмила. В уютной девичьей светлице была изысканная обстановка, горели свечи, стояли разнообразные книги и изысканные фарфоровые вазы с пионами, что приятно благоухали, в красном углу заняли место иконы Христа, Богородицы и святого Пантелеймона. На столе лежало всё для рукоделия. Сама девушка тихо молилась, когда в белую дубовую дверь постучали, и Людмила узнала ласкающий голос своей любимой заботли-

вой маменьки:

– Доченька, радость моя, можно? Мне нужно сообщить тебе важное известие...

– Ах, конечно же, моя милая драгоценная маменька, заходите, я внимательно слушаю! – прощebetала Людмила.

Мама Людмилы, княгиня Зоя Витальевна Варшавская, миловидная приятная смуглая молодая женщина тридцати пяти лет с большими карими глазами, во взоре которых читались нежнейшая любовь к дочери и библейское смирение, зашла, села на вшитый диванчик рядом с дочерью, приглубила её и начала тихо разговор:

– Доченька милая, знаешь, мы с тобой уже давно обсуждали проблемы с поиском жениха, а тут недавно ко мне наносил визит его сиятельство граф Шустров, мой давний знакомый, он просил твоей руки для своего племянника, графа Евгения Петровича Дубова, я хорошо знакома с их семьёй и... . Извини меня, пожалуйста, Солнышко, я помню, что мы договаривались, что ты сама будешь выбирать жениха, по любви, а я уже, если всё благополучно, благословлю, но я подумала, что таких хороших женихов мало, и, прости, нарушила слово, дала уже согласие. Ты не обиделась на меня? Как ты примешь эту новость?

Людмила слегка манерно, но изящно артистично сложила свои маленькие ручки, закатила взор больших изумрудных глаз, и со вздохом ответила:

– Ах, милая маменька, я право, не могу обижаться на вас

или перечить, потому что слишком люблю вас и мы слишком душевно близки, и меня нисколько не задело, что вы сделали выбор и дали согласие в обход меня, я прекрасно понимаю ваши мотивы. Я согласна, что мало, кто сватается ко мне, я не пользуюсь популярностью в свете, хотя возраст же уже позволяет выйти замуж, а тут ещё и папенька ко Господу отошёл, и моё замужество стало ещё боле желанным для нас, а серьёзным препятствием является моя болезнь. Но я, честно, разочарована вашим выбором! Граф Евгений Петрович – самый скучный, молчаливый, нелюдимый и высокомерный молодой человек в дворянском свете Санкт-Петербурга! Мы несколько раз виделись на балах, и танцевали, и, мало того, что он очень высокомерный в общении, что я терпеть не могу, так ещё оказался очень скучным собеседником, неуклюжим в танцах, неказистый внешне. Ну, и выбор вы сделали, милая маменька! Может, пока не поздно, расторгнем помолвку?

Зоя Витальевна с сочувствием и нежностью взглянула на доченьку и ласково и ответила:

– Солнышко, доченька, если ты так категорично против, мы, конечно, расторгнем помолвку, никто ни в коем случае не будет заставлять силой тебя идти под венец, но прислушайся, пожалуйста, ко мне, почему я считаю, что пока лучше этого не делать. Во-первых, вы с Евгением виделись на балах всего пару раз, и тогда ограничились чисто официальным формальным общением во время бала, зачем же ты так

быстро уже делаешь выводы о его характере, что он, якобы, высокомерный и скучный? Первое впечатление может быть очень обманчивым. Да, и насчёт красоты признаюсь, что в молодости я была далеко не первая красавица, самая настоящая простушка деревенская, однако это не помешало твоему папе, первому красавцу в дворянском свете, ты в него пошла и внешностью, и нравом, полюбить именно меня. Я думаю, если ты дашь ему шанс проявить себя в общении, твоё мнение ещё изменится. Во-вторых, ты сама же признала, что не в нашей ситуации, кровиночка моя ненаглядная, ждать идеальной любви. Мы богаты, но всё равно желательно, чтобы в доме был мужчина, глава семьи, который лучше разбирается в экономике и сможет добиться процветания имения, женихов у тебя не так уж много. Ну, кто сватался? Тот бравый гусар Хорьков? Так я тебя за этого нищего пьяницу сама не пущу, да и ты говорила, что он тебе совершенно не интересен. Герцог Мишель Флёр? Ну, если тебя не смущает, во-первых, то что он с большой неохотой собирался принимать православие, а сперва вообще уговаривал сделать наоборот, чтобы ты приняла католичество, и только, когда понял, что уговоры бесполезны, сказал, что из одолжения тебе примет православие. Во-вторых, его многочисленные дети от первого брака и его солидный возраст шестьдесят лет. Мне кажется, что герцог Флёр тоже не вариант. И за кого ты будешь выходить замуж? И, между прочим, болезнь сильно усложняет поиски жениха...

Тут Зоя Витальевна нежно взяла дочь за ручку и воскликнула со слезами в голосе:

– Доченька, милая, это что такое?! Опять? Опять, когда вышивала, нарочно себе иголочкой ладошку колола?! Да что же случилось у тебя в душе после ухода отца?

Людмила нежно облокотилась на маму и заплакала:

– Mamочка, я и сама не знаю, не знаю, что это со мной, я хочу выздороветь, я... стараюсь делать что-то, но у меня не получается... четыре месяца уже нет папы, а никак ещё не могу смириться и принять, не могу поверить в это и отпустить...

Кроткая и мягкая Зоя Витальевна стала обнимать, целовать дочку в белокурую макушечку, гладить и ласково утешать:

– Ничего, Солнышко, кровиночка моя, не оправдывайся, ты не виновата, не переживай, молись. Господь Христос обязательно поможет, и я молюсь неустанно только о здоровье твоём, вот увидишь, всё наладиться, нужно лишь приложить ещё чуть-чуть больше стараний, я всегда готова помочь. И быть может, если бы у тебя появился желанный жених, тебе было бы легче выздороветь, поэтому я и прошу тебя отвлечься от книг и обратить внимание на Евгения. Что скажешь? Завтра бал у их сиятельств Вишневы. Граф Евгений и его дядя тоже будут там. Ты сможешь?

– Смогу... – тихо протянула Людмила, уткнувшись матери в плечо и перестав плакать.

Людмила вовсе и не думала спорить с любимой маменькой, просто сейчас ей очень нужна была поддержка, и только мама понимала её лучше всех...

Глава «Всё изменяет в жизни полчаса,... всё перевернут...»

... Следующим вечером пожилой сморщенный граф Шустров вместе с сыном и племянником прибыл на бал. Признаться честно, настроение у Евгения было испорченное: перспектива весь вечер провести в обществе «избалованной жеманницы» «мартышки» княжны Варшавской ни капли не нравилась ему, а в модном наряде он чувствовал себя неловко, будто на медвежонка фрак надели. Особенно на фоне красавца Николая в военной форме.

Собственно, бал ещё не начался, все только ещё готовились. Оркестр занял своё место в роскошной бальной зале с мраморными колоннами, крестьянки ставили на столики сладкие десерты, чай, кофе, шампанское, гости подъезжали в больших грохочущих каретах...

... Евгений увидел среди прибывших гостей и мадмуазель Людмилу с её маменькой княгиней Варшавской.

Надо отметить, что Людмила была сегодня особенно хороша. Белоснежное, украшенное кружевом и жемчугом узкое платье красиво подчёркивало стройность девушки, изящность хрупких плечей и ручек, на тоненькой шейке дополняла образ жемчужная нить, в маленьких ушках красиво

смотрелись крупные изумрудные серёжки, на ручках были лилейные перчатки. А заканчивала образ высокая причёска из блондинистых волос с лавровым венком из серебра...

«Вырядилась, как фарфоровая кукла! Как будто лучше других молодых особ! Тьфу! – с пренебрежением подумал Евгений, хотя не смог не признать в мыслях – Но её красавицей не даром считают, она – сударыня редкой красоты. Эх, если бы при такой внешности приятной ей бы ума...».

... Потом начался сам бал. Гости развлекались, играли в «змейку», «ручеек», угощались, слушали романсы в исполнении известной французской певицы, и танцевали. Полонезы, вальсы, галопы, котильоны, кадрили...

... Евгений танцевал с Людмилой, и молодые люди пытались тщетно разговорить друг друга и сдружиться, но пока искры летели не от любви, а от ненависти, а все попытки сблизиться терпели фиаско.

– А что же вы, сударь Евгений, такой неразговорчивый? Или вам так-с не нравится бал? – кокетливо попыталась начать беседу Людмила, настороженно поглядывая изумрудными глазками на Евгения.

Пока его угрюмый вид не привлекал, а пугал девушку. А Евгений тем временем был раздражён её кокетством и подумал: «Ну, и о чём можно поговорить с безмозглой красивой дурочкой?», но с неохотой ответил:

– Да-с, мадмуазель, я не большой любитель балов и маскарадов. Предпочитаю, чаще всего, более серьёзные занятия,

например, чтение, изучение наук...

– Я тоже-с большая любительница высокой литературы, часто, тронутая до глубины души при чтении, могу заплакать, люблю и театр, музыку. А вы когда-нибудь плакали от искусства? – попыталась наладить общий язык с Евгением Людмила. Однако Евгений на это с явным презрением буркнул:

– Мадмуазель, прозвольте-с заметить, то я не считаю любовные французские романы, подобнее работам Ричардсона и Руссо, высокой литературой, напротив, отмечаю примитивность таких бульварных книг, и уж тем более не вижу там повода прослезиться. И повышенную эмоциональность считаю чисто дамской чертой характера, и уж никогда над чтением не плакал, хотя тоже люблю театр, классику...

Людмила манерно повела ручкой и с томных вздохом изрекла:

– Извините-с меня, Евгений, но, право, вы ужасный зануда и чёрствый сухарь, и я, сказав о слезах от искусства, имела в виду никак уж не Ричардсона или Руссо. Мне неприятно, сударь, что вы недооцениваете меня и смотрите с высоко, будто бы кавалер лучше и умнее мадмуазель только уже из-за принадлежности к определённом у полу...

Евгений рассердился, разочаровался совсем и ответил:

– Мадмуазель Людмила, попрошу-с заметить, что мне тоже обидно слышать о себе «зануда и чёрствый сухарь», и что меня задевает ваша-с горделивость, и я вовсе не хотел

сказать, что мужчина обязательно умнее дамы, просто меня ужасно раздражает именно ваша чрезмерная манерность и разговорчивость. А ещё я хотел-с высказать своё мнение, что быть начитанным и умным не означает одно и то же, книга книге рознь...

Людмила поняла прекрасно намек Евгения на то, что он считает её не очень умной девушкой, несмотря на то, что она любит читать и явно считает, что лучше разбирается в литературе. Этот момент совсем вывел из себя юную зеленоглазую мадмуазель, и она рассерженно спросила:

– Скажите, сударь, вы действительно считаете себя настолько лучше остальных, что позволяете так дерзить или я что-то не понимаю в вашей чёрствой натуре, и вы с пренебрежением относитесь только ко мне?!

Евгений, который уже сильно утомился и от танцев, и от словесных дуэлей с княжной, заметив снова, как она театрально заламывает свою худенькую ручку в белой перчатке и томно жеманно вздыхает, раздосадовано буркнул:

– Мадмуазель, прошу-с прощения, ничего подобного я не имел в виду, просто меня, как джентльмена высоких нравов выводит из себя ваша манерность, любовь к спорам, жеманные жесты и обычная дамская склонность слишком много говорить о всяких пустяках!

Людмила не выдержала, разжала ручку и со слезами в огромных изумрудных глазах отправилась к маме, Зое Витальевне, которая сидела с другими пожилыми дамами и вдо-

вами на изящном мягком диванчике.

– Ах, драгоценная маменька, вы говорили, что я отнеслась предвзято к своему жениху! Как бы не так! Он просто до нельзя заносчивый эгоистичный и чёрствый, я еле выдерживаю его присутствие! Ах, милая маменька, я так надеялась хоть на кой-то интерес с его стороны, но он видит только себя, мне же сейчас продемонстрировал, что жениться только из-за одолжения дяде! Это что-то возмутительное! – начала тихо жаловаться Людмила.

– Ну, подожди, доченька, радость моя, не кручинься, отказать всегда успеем, дай ему ещё шанс... – шёпотом, ласково и с библейской кротостью на смуглом лице и во взгляде карих глаз...

... И тут дирижёр оркестра неожиданно громко произнёс:

– Следующий танец – полька! Ангоже мадам!

Все знатные гости тут же впали в замешательство и были сконфужены по той причине, что этот танец только входил в моду и никто не умел его танцевать, однако честно признать это было бы настоящим стыдом в высшем свете, поэтому все с лёгким испугом стали изображать. Что хотят пропустить этот танец по причине усталости. Все женщины и девушки сразу же заняли мягкие тахты, обмахиваясь веерами, старательно разыгрывая усталость или недомогания от духоты, кавалеры скорее пошли угощаться или играть в карточные игры.

Людмила, конечно, догадалась об истинной причине за-

мешательства. Надо сказать, что, хотя сама Людмила была православной христианкой, как и её родители, жила в России с детства, привыкла к русскому быту и нравам, но у неё в родословной были польские князья. Она изредка просто гостила в Польше у дальних родственников и хорошо знала обычаи не только русских, но и поляков, в том числе она блестяще танцевала польку.

Людмила вышла вперёд вся блистая белизной своего платья с жемчугом и серебряным лавровым венком в белокурой причёске и эксцентрично изрекла:

– Уважаемые дамы и господа, а что это все так резко устали? Может, просто боимся признаться в незнании такого танца?

Какой-то бывалый усатый гусар выкрикнул:

– Мадмуазель, прошу-с прощения за бестактность, но вы как будто умеете польку танцевать!

– Да-с, умею! – воскликнула кокетливо княжна Людмила
– Показать вам красоту польки?

Все гости бала оживились, зашумели, стали перешёптываться, аплодировать азартно Людмиле с возгласами:

– Ваша светлость, просим, просим-с, станцуйте!

– А сколько танцевать? – азартно уточнила Людмила.

Народ, явно входящий в кураж, крикнул:

– Полчаса!

Джентльмены дрожащими от восторга руками достали свои карманные часы и дали команду начать...

... Что тут пошло!!! Людмилу будто подменили! От нежной кокетливой игривой девчушки не осталось и следа! Чем сильнее нарастали и громкость, и темп, и ритм музыки за полчаса, тем более резкими, эмоциональными, сложными, быстрыми, грациозными, гибкими были движения Людмилы. Будто не просто польку танцевала она, а экспрессивно рассказывала какую-то историю о любви, дружбе, предательстве, радости и боли...

... деревянная жёсткая подошва её обуви так и стучала во время очередного па этой повести, словно это так учащённо стучало её сердце...

... И все гости не могли оторвать восхищённых взоров от танцевального рассказа-исповеди Людмилы, по залу стоял звук восторженного придыхания в такт стуку обуви экспансивной танцовщицы. Никто не смел проронить и слова.

... Евгений стоял рядом с Николая, и молодого человека тоже, словно подменили. Молодой граф дубов нервно теребил пенсне, взгляд его больших, тёмных, как сочные вишни, вежд светился восторгом, светлое, покрытое веснушками лицо Евгения покрылось приятным розовеньким стыдливым румянцем, он с немим экстазом любовался танцем Людмилы, пытаясь разгадать: «Ну, что за историю она сейчас танцует? Эсмеральда? Нет. Может, какая-то польская легенда? Или история любви, известная в литературе? Ромео и Джульетта? Тристан и Изольда? Нет...». Он совсем забыл, что несколько минут назад терпеть не мог молодую княжну,

а её жеманство здорово нервировало его...

... Тут из зала раздался ликующий голос того самого бравого усатого гусара:

– Всё! Полчаса истекли! Браво, браво, мадмуазель Варшавская!!!

Гости разразились оглушительными аплодисментами и одобрительными криками:

– Белисимо, мадмуазель Людмила!!!

– Великолепно!!! Брависсимо, вам, сударыня Варшавская!!!

И вдруг тот самый бравый гусар- усач воскликнул:

– Мадмуазель, прошу-с прощения, а можете ещё немного продлить всем удовольствие от такого танца?

...А юная хрупкая нежная Людмила стояла посреди шикарного мраморного бального зала и чувствовала жуткую, просто нестерпимую боль стоп, которые из-за деревянной грубой подошвы стёрлись до крови за полчаса польки. Людмиле казалось, что горячая кровь текла так сильно, что уже перепачкала чулочки и обувь...

Она сделала глубокий вдох, собралась с силами и, не подав вида, весело и мило кокетливо спросила:

– А в обуви или без неё можно-с?

– Да можно и без обуви, сударыня!

– Тогда – громко объявила Людмила с блеском в больших травянистых глазах – Ещё полчаса засекайте!

Гости ахнули и восторженно, почти благоговейно, затих-

ли, Людмила же скинула туфельки, и тут кто-то из кавалеров с джентльменскими часами объявил, что засёк время...

... И всё, снова вместе с быстрой яркой экспрессивной музыкой Людмила начала свой странный танец польку, в бешеном ритме которого она грациозно, в такт музыке, резко, эмоционально, быстро, ловко, во всей силе юношеской экспансивности, рассказывала свою странную танцевальную повесть, будто Кармен...

От восторга все сидели тихо, чуть дыша, как мышата, красивый танец вызвал у русской знати экстаз...

... Только Евгений сейчас помимо бурного восторга испытывал и холодящий ужас от такого танца: он один заметил и кровь на чулочках от стоп и до щиколоток, что и обувь, Людмилы, что стояла в сторонке была окровавлена. Наконец, сама героиня дня оставляла на полу по ходу танца своими окровавленными чулочками следы изящных ножек...

У него в голове так и вертелась мысль: «Как она так может? Ей же ужасно больно! Сколько же в ней силы, если она танцует сквозь боль?!? Зачем? Боже Правый, ничего не понимаю, что со мной происходит, и зачем она так поступила, но лучше отвернусь, потому что не могу видеть, как она преодолевает такую тяжёлую боль!».

... А Людмила продолжала свой прекрасный танец, пока джентльмены не тали восхищённо выкрикивать:

– Всё! Полчаса прошло!!! Брависсимо, мадмуазель!!! Мы все в восторге, ваша светлость!!!

... А Людмила на несколько секунд задержалась, окончила танец прямо напротив Евгения, подошла к нему почти в плотную и смерила молодого человека азартным бойким вызывающим взглядом тигрицы или зрелой страстной дамы своих огромных изумрудных очей...

... Девушка с гневом хотела таким взглядом спросить у Евгения: «Ну, вот теперь у тебя появилась ко мне хоть капля уважения?».

...Постояв так с минуту, Людмила без слов развернулась, тяжело побряхтывая, взяла свою обувь и, опираясь на ма-тушку, отправилась в карету под всеобщие аплодисменты и восторженные крики:

– Брависсимо, мадмуазель Людмила!!! Вы-с превзошли всех!!!

– Bravo, bravo, ваша светлость, княжна Варшавская!!! Великолепно, сударыня!!!

... Евгений же стоял совсем потерянный, вытирая тоненьким батистовым платочком пот с бледного, украшенного веснушками лица, нервно поправляя пенсне.

– Николая, ты это видел?! – с восхищением в больших глазах-вишенках прошептал Евгений.

– Ну, да,... горячая, темпераментная особа эта княжна, мне понравилась... – протянул вальяжно в ответ Николая, поправляя модную прическу с бакенбардами.

– Николая! Я совсем не то имел ввиду! Я хотел тебя спросить, ты видел, что у неё чулки все в крови были, и обувь, ко-

торуя она на вторые полчаса сняла тоже, и следы на полу?! Она танцевала, преодолевая такую боль! У неё хватило мужества вида не подать, что она все ножки в кровь стоптала! Она ещё сквозь боль целых полчаса танцевала, а никто и не понял, что ей больно! Она не издал ни стопа! А я ещё смел называть столь удивительную барышню «кислой девицей»!

Николя фыркнул и язвительно процедил:

– Евгений, не слишком ли быстро у тебя изменилось мнение о ней? Ты, попытаюсь тебе же напомнить, считал её кислой дурочкой, избалованной изнеженной жеманницей, не хотел жениться. Разве что-то поменялось сейчас?

Евгений с радостной улыбкой ответил двоюродному брату:

– Никола, сейчас поменялось всё!

... А тем временем княгиня Зоя Витальевна в своем имении нежно и бережно обрабатывала и забинтовывала пострадавшие ножки доченьки и ласково, совершенно не обидно журила:

– Ах, ты моя лапочка, солнышко, кровиночка родная и любимая, разве ж можно так издеваться над собой? Ну, зачем? А если бы кто-то из гостей догадался о твоей болезни? Не делай так, прошу, как матушка. Я всегда поддерживаю тебя, я молюсь о твоём выздоровлении, я люблю тебя, прошу, кончай. Ты не поможешь горю этим, только усугубишь. Не подумай, что я тебя ругаю или осуждаю, я просто хочу помочь...

– Ах, маменька, прошу, перестаньте. Как получилось, так получилось. Зато я поставила на место этого гордеца графа Евгения и вызвала восторги... – тихо постанывая, ответила Людмила, которая уже переделалась в простое белое в коричневый горошек платье.

Зоя Витальевна кончила перевязку, приголубила доченьку, благословила на сон и с тяжёлым вздохом пошла в свою спальню готовиться ко сну с мыслью: «Ей может помочь только чудо...».

Глава «Искры от любви»

... На следующий день Евгений не собирался оставлять этот интригующий поворот событий на вчерашнем балу просто так, и решил приехать к княжне Варшавской с визитом. Молодому человеку очень хотелось серьёзно пообщаться с Людмилой, попросить прощения за своё далеко не галантное поведение, узнать о её жизни и круге интересов как можно больше, задать вопросы, возникшие из-за происшествия с полькой.

И начать подготовку к данному визиту Евгений решил с покупки презента своей невесте. А что именно подарить? Евгений поразмышлял и быстро нашёл ответ: «Вчера на балу у Вишневых на ней была просто ужасная обувь из красивой белой кожи, но с толстой плоской деревянной подошвой! Деревянная подошва! Это же уму непостижимо, как неудобно, она ведь невозможно твёрдая, никак не получится танцевать в такой неудобной обуви. Хм, я слышал в свете, что нын-

че русские дворянки любят французскую моду, и все изысканные предметы своего гардероба стараются приобрести у французов в модных лавках на Кузнецком мосту. А не заглянуть ли мне туда и купить для Людмилы какую-нибудь мягкую модную бальную обувь?».

Собственно, с такими размышлениями Евгений и приехал в карете на кузнецкий мост, выбрал одну из лавочек, которая показалась ему лучше и больше других, зашёл со скрипом...

...Судя по модному и далёкому от целомудрия платью и кружевному капору, продавщица была настоящей француженкой.

– Проходите-проходите, месье, моё почтение. Вы хотите что-то купить для вашей мадам или мадмуазель? – кокетливо и игриво уточнила продавщица-француженка со звонким европейским акцентом.

–... Хм, моё почтение-с. Я бы хотел выбрать своей невесте красивую и удобную бальную обувь... – ответил Евгений.

– Конечно, месье, сейчас выберем. У нас в лавочке много бальных пинеток из атласа разных цветов и размеров... – зашебетала, доставая коробочки, весёлая француженка – вот есть ярко-розовые, бледно-розовые, белые, сиреневые, голубые, ярко-синие, бледно-зелёные и персиковые. И размеры есть разные, и большие, и маленькие. Вы знаете, какой цвет предпочитает ваша невеста, и какой у неё размер ножки?

Евгений в задумчивости потёр свой покрытый веснушками лоб, пытаясь вспомнить, какого, примерно, размера были

те башмачки вчера на балу, в которых юная княжна исполнила польку. А с цветом Евгений совсем растерялся.

– Хм, мне кажется, что те ярко-розовые с бантиками атласные пинетки как раз ей в пору, да и часто я вижу её на балах в розовом... – принял решение Евгений и расплатился.

Предприимчивая француженка тут же спрятала деньги в декольте и подала Евгению его покупку в красивой коробочке со словами:

– Прекрасный выбор, месье, благодарю за покупку, буду рада ещё видеть, в нашей лавочке вы можете приобрести много красивых подарков своей мадмуазель...

... Евгений поспешил в карету, чтобы с этим подарочком сейчас навестить Людмилу...

... Карета с грохотом остановилась у живописного имения Варшавских, на улице была приятная летняя погода, Евгений неуклюже потоптался, а потом постучал...

Дверь открыла крепостная девка в русском сарафане и робко спросила:

– Барин, а вы к кому? Как велите представить вас?

– Я к барышне Людмиле Борисовне, а доложите ей, что приехал её жених, его сиятельство граф Евгений Петрович Дубов...

Крестьянка тут же исчезла, а через несколько минут снова вышла, чтобы проводить гостя к барышне в гостиную...

... Евгений прошёл в уютную изысканно обставленную гостиную, где в большом мягком кресле сидела Людмила...

...Юная хрупкая красавица сидела в розовом ампирном платье, тоненькую лебединую шейку обивал перламутровый розовый жемчуг. Длинные же белокурые волосы княжны были просто по-домашнему распущены пшеничными волнами.

Да, такой Евгений Людмилу ещё не видел. Молодой человек сначала оробел, Людмила же была напряжена и явно негативно отнеслась к его визиту, с деловым видом манерно бросив:

– Здравствуйте, сударь Евгений. А с чего это вы-с решили нанести к нелюбимой невесте визит? Продолжите издеваться или придумали что-то пооригинальнее?

Евгений посмотрел на Людмилу нежным мягким взором своих обаятельных глаз-вишеночек и ответил:

– Здравствуйте-с, мадмуазель Людмила, прошу-с прощения за свою грубость вчера на балу, и надеюсь получить от вас шанс исправить впечатление о себе. Поймите меня, сударыня, что мы с вами ещё очень мало знакомы. Я знал о вас, в основном, по светским разговорам, где вы прослыли благодаря чрезмерной эмоциональности и манерности не самой умной девушкой в дворянском обществе. Проверить же слухи на достоверность у меня не было возможности, слишком редко мы виделись на балу. И, когда дядя потребовал, чтобы я женился на вас, не поинтересовавшись моим мнением, и мне из-за уважения и благодарности пришлось согласиться, то я совсем невзлюбил навязанную мне невесту. Я был по-мальчишечьи смешон, когда за глаза именовал вас

«кислой девицей» и « избалованной жеманницей». Но всё изменил тот час, когда вы, прекрасная сударыня, танцевали польку. А, точнее, меня поразили вторые полчаса, когда вы сняли обувь, и я заметил, что вы сделали! Вы стоптали ножки в кровь, и всё равно продолжили танцевать так же изысканно, даже не издали стопа, не смотря на боль! Вам же было так больно! Вы и чулочки кровкой испачкали, и обувь, кстати, мадмуазель, разрешите-с заметить, на вас была ужасно неудобная обувь! С деревянной подошвой! Я не знаю, где вы достали в 19 веке обувь с деревянной твёрдой подошвой, но в них танцевать никак нельзя! И меня так восхитило ваше мужественное достойное поведение, что я решил попробовать наше знакомство сначала, узнать о вас как можно больше. Я и презент вам-с привёз, бальные пинетки с Кузнецкого моста...

Людмила сразу перестала жеманничать, задумчиво опустила в пол взгляд своих огромных изумрудных глаз и тихо изрекла:

– Знаете-с, если вы хотели исправить сейчас не самое приятное впечатление о вас и расположить меня к себе, вам, сударь Евгений, это удалось без сомнений. Сначала вы показались мне человеком сухим, жестковатым, высокомерным, скучным, но сейчас и я вас увидела с другой стороны. Меня приятно удивила ваша внимательность и милое проявление заботы. Я беру обратно свои слова о зануде и чёрством сухаре. Вы единственный на балу, кто не просто заметил красо-

ту танца, но и обратили внимание, что мне было больно, как мне это тяжело далось, единственный, кто оказался способен сочувствовать, и, более того, вы-с проявили заботу, придумав такой презент. Прошу-с, помогите мне сменить обувь...

Крупный, крепкий и неуклюжий, как медведь, Евгений неожиданно даже для самого себя легко опустился на одно колено, аккуратно снял с ножек Людмилы ту самую обувь из белой кожи с грубой деревянной подошвой, дрожащими от волнения руками притронулся к чулкам, чувствуя под ними бинты. А затем бережно одел ей атласные ярко-розовые пинетки с бантиками, которые купил ей в подарок. Эта ювелирная работа стоила Евгению не мало стараний, но он сделал всё так бережно, что Людмила даже от боли стона издать не успела.

– Ах, – с доброй улыбкой протянул Евгений, когда окончил одевание атласных туфель и сел на диван в гостиной – Как эти пинетки прелестно смотрятся на ваших ножках! Ничем не хуже, чем сказочные хрустальные туфельки из сказки о Замарашке, но, зато какие ещё и удобные! Поверьте-с, что вы достойны только самого лучшего! И я поражаюсь, настолько вы терпеливы к физической боли, вы-с, мадмуазель, будто и не замечаете её вовсе! И мне совсем непонятно, зачем вы носили тот деревянный доисторический кошмар, который сложно назвать обувью, ведь у вас достаточно обеспеченная семья, чтобы одеть вас по французской моде...

Людмила же отвела в сторону взгляд огромных травяных

глаз, поправила тоненькой ручкой белокурые локоны и медленно протянула:

– Поверьте-с, Евгений, что физическую боль намного легче стерпеть, нежели душевную...

Евгений от удивления смешно округлил глаза и приподнял свои рыжие брови, и с искренним соболезнованием в голосе спросил:

– Извините, сударыня Людмила, но какая душевная боль может быть у благородной девицы в шестнадцать лет? У вас случилось болезненное скандальное расставание с кавалером или предыдущим женихом? Или вас мучает несчастная неразделённая любовь?

Людмила на какое-то время застыла с очень задумчивым видом. Её серьёзно озадачил вопрос Евгения, девушка не знала, как поступить. Сочинить что-нибудь или перевести разговор на другую тему? А вдруг дядя и княгиня не сообщили ему о болезни невесты, и, когда он узнает, просто откажется от неё, посчитает обманщицей? Рассказать о своей болезни, раз уж подвернулся такой момент? Но не разрушит ли она сейчас их любовь собственными руками? У них сейчас только наметилось приятное потепление, вдруг Евгений не сможет принять ущербную невесту?..

В итоге Людмила решила, что признаться жениху в своей болезни придётся в любом случае, нельзя, чтобы это в браке потом всплыло, такое дело монастырём или жёлтым домом может кончиться для неё. Если он её полюбил, значит, пой-

мёт, утешит и примет такой, какая она есть. Нет – значит, и замуж за такого выходить не стоит...

... Его реакция будет показателем того, настолько он умеет любить и проявлять доброту, поэтому Людмила робко начала свою исповедь с вопроса:

– Да-с, я пережила тяжёлую душевную боль, и амурные дела тут ни при чём. А зачем вы спрашиваете это сударь? Чтобы посмеяться над чужой бедой?

– Нет, я хочу помочь вам! – уверенно ответил Евгений.

– Ещё вчера вы смеялись надо мной, считали за дурочку, а сегодня уже хотите помочь? Что же изменилось? – эмоционально повысила голос Людмила.

– Изменилось всё! Я хочу помочь. Что было вчера, уже не важно... – стойко и спокойно подтвердил Евгений.

Людмила тяжело вздохнула, облокотилась в кресле и тихо начала свой рассказ:

– В наше семье четыре месяца назад случилась беда, отошёл ко Господу мой отец, князь Борис Викторович. Я близка и с маменькой, но отца я любила особо трепетно, и я у него была любимая дочка, как настоящую принцессу баловал, просто обожал, и я так же сильно любила папеньку в ответ. Я – человек религиозный, православная, сам факт того, что он теперь в жизни вечной, меня не напугал. Мою душу стало тревожить беспокойство о том, как теперь буду жить я. Я... слишком любила отца, я не могу привыкнуть к мысли, что его нет рядом со мной, я слишком сильно скучаю по на-

шему общению. Эта разлука доставляет мне сполна душевной боли. Я очень люблю религиозную литературу, и Библию, и труды богословов, особенно жития святых. Самая любимая моя книга – это «житие святых Бориса и Глеба», так как моего отца тоже звали Борис. Меня иногда их истории и обретение счастья в Царствии Небесном так за душу трогают, что я плачу. А вы «Руссо, Ричардсон»! А я терпеть не могу их, бессмысленная литература. Я люблю, чтобы смысл был. Шекспира высоко ценю, Гюго, в особенности «Собор Парижской Богоматери», Гете. Над их трудами тоже, иногда могу прослезиться. Вот, о каких слезах от искусства я вам пыталась сказать. И мне бывает настолько тяжело, что я, желая отвлечься от переживаний, начинаю нарочно причинять себе безобидную физическую боль: колоть пальчики и ладонь вышивальной иглолкой, танцевать в башмачках с деревянной подошвой польку так долго, чтобы сбить ножки в кровь. Могу иногда и просто переодеться под крестьянку и выполнять какую-то тяжёлую работу, например, рубить дрова, чтобы устать. Вы, Евгений, понимаете-с, что такие склонности похожи на нехорошую болезнь, и что я вам доверила свою историю, как жениху, считая, что жених должен быть в курсе здоровья невесты. Если в дворянском обществе узнают об этом, для меня всё кончится печально, поэтому прошу-с, как бы вы после этого признания не отнеслись ко мне, в обществе никому моей тайны не озвучивать. А эту обувь с деревянной подошвой я привезла из Польши, где

иногда бываю в гостях у родственников, там же я научилась танцевать польку, и сейчас я использую её для причинения физической боли, как вчера на балу...

... В нарядной гостиной повисла тишина. Евгений обдумывал услышанное, а Людмила смотрела на него пронзительным взглядом, ожидая реакции жениха.

Наконец, Евгений прервал тишину своим мягким ласкающим голосом:

– Людмила, сударушка моя, любезная невеста, что ж вы, моя хорошая творите? Я, поверьте-с, искренно сочувствую вам, потеря близкого человека – всего тяжело, но лечить эту душевную рану нужно не физическими ранами, а положительными эмоциями, новыми приятными впечатлениями, любовью. Что ж, как ваш любящий жених, я теперь буду отвечать за то, чтобы вам стало веселее. Мы будем часто выезжать на балы, литературные салоны, театры, все мероприятия, что вам по вкусу, я буду наносить к вам с вашей маменькой визиты. И мы будем обсуждать литературу и многое другое, а после венчания я повезу вас на воды отдыхать, я сделаю всё, чтобы моя любовь помогла излечиться вам... от... извините-с, мадмуазель, что слишком прямолинейно скажу, но эта болезнь называется мазохизм...

...Людмила нежно улыбнулась: её тронула заботливость Евгения.

– Что ж, сударь, иногда полезно называть вещи своими именами, но я искренно рада, что моим женихом будет та-

кой чуткий и внимательный человек, как вы-с. И даже уже кажется странным то, что сначала мы восприняли друг друга в штыки! Хи-хи! А ведь ваш дядя, многоуважаемый граф Шустров и моя маменька оказались правы, решив, что мы подойдём друг другу. Просто мы не поняли этого с первого взгляда... – с милым кокетством произнесла Людмила – А вы близки с дядей?

– Ну,... да... – протянул с милым смущением Евгений – Мой отец погиб на войне, когда моя матушка была ещё в положении, а потом и моя достопочтенная маменька отошла ко Господу, а у моего дяди, брата мамы, тогда тоже скончалась супруга, оставив лишь сына, моего ровесника – Николая. И, собственно всю эту историю я знаю только со слов дяди, тогда он и решил воспитать нас вместе, как родных братьев, на равных, ни в чём не обижая ни одного, ни второго. Надо признать с благодарностью, он нас так и вырастил, я всегда чувствовал, что он любит меня, мы любили вместе читать Детскую Библию и другие книги, ходить в церковь, рисовать. Правда, когда я стал взрослым молодым человеком, к сожалению, наши отношения стали натянутыми. Он хочет, чтобы я служил чиновником или шёл строить военную карьеру и никак не может принять мой выбор, что я бы хотел посвятить жизнь литературному искусству и стать писателем. А ещё он мечтает о моей выгодной женитьбе и ничего не захотел слушать о любви. В прочем, теперь так совпало, что сначала он выбрал мне невесту по выгоде, а жениться теперь я буду по

любви, моя прекрасная гордая смелая полячка. Если честно, мне бы очень хотелось бы наладить общение с дядей, но, увы, это не такая уж проста задача. А вы, мадмуазель достаточно близки с маменькой? Что-то у вас не так, раз вы так тяжело восприняли конец земного пути батюшки?

– Что вы, Евгений, мы с маменькой всегда хорошо ладили, а сейчас она мне единственная и лучшая поддержка, мы сильно любим друг друга, так что вы напрасно думаете, что у нас есть проблемы. Я восприняла уход папеньки так тяжело, потому что никак не могла привыкнуть к жизни без него, слишком он был жизнерадостным любящим человеком, он был духовным центром нашей семьи, он умел заразить всех своим жизнелюбием, как солнышко, и мне сейчас очень тоскливо без нашего солнышка. Я на него внешне похожа, хотя маменьку люблю не меньше. Я переживаю, хорошо ли ему там, в Царствии Небесном, тревожусь, чтобы Господь не откинул его, молюсь постоянно за него, я чувствую без него себя недостаточно защищённой. Маменька – женщина, она окутывает меня материнской любовью и лаской, как любая любящая мать, но не может защитить. А другие родственники... им всё равно. Дело в том, что вся наша остальная родня в Польше, и к нам они относились пренебрежительно, ещё когда мой дедушка, польский родовитый князь принял православие и остался жить в России ради брака с моей бабушкой знатной графиней Ястребцовой. Мы, конечно, бываем раз в два года с дежурным визитом к

польской родне, я там и польку выучила, и местную обувь и одежду покупала, и знаю основы польского языка, но наша русская православная культура всё равно мне ближе. Так что от папы мне осталась только хорошая родословная с князьями и герцогами и графами из России и Польши да богатое приданное. А, если честно, не так уж я дорожу богатством, я бы с радостью отдала бы большую часть его, чтобы обрести счастье себе и близким, я и сама многое умею, и хозяйство вести, и экономике обучена, не только чтению и богословию, и рукоделием в совершенстве владею. Вот такая моя история... – закончила мелодичную речь Людмила, манерно поправляя белокурые локоны – А я уверена, что вы ещё помиритесь с дядей, трудности бывают у всех. А Николая? Разве он не желает вам с дядей помочь?

Евгений неловко покраснел, протёр пенсне и ответил:

– Что ж, моя дорогая обрусевшая полячка, ваша история мне ясна. Теперь за вашу защиту и главенство в семье, как жених, буду отвечать я, поверьте-с, я очень ответственный, рядом со мной вы снова почувствуете себя в безопасности, но это вовсе не значит, что я, как вы, мадмуазель, вчера выразились, «сухарь», я сказал, что положительными эмоциями вылечу вас, и делаю это! И я тоже люблю жития святых, в том числе Бориса и Глеба, а вот Гюго вам, столь чувствительной мадмуазель, читать не советовал. Пессимистично слишком. А насчёт дяди. Благодарю-с за ободрение, постараюсь. Что же касается Николая, тут всё намного сложнее. Он внеш-

не просто идеал офицера и дворянина, но его характер оставляет желать лучшего. Литературу или другие искусства или науки, в отличие от нас с вами, он не любит и всячески избегает, любимое развлечение у него: кутить с со своими непутными дружками, выпивать, играть в карты, посещать актрисочек и дома терпимости. Из-за моей некрасивой внешности он лишь норовит посмеяться и всерьёз меня почему-то не воспринимает, как и своего отца, от этого я иногда чувствую себя одиноко...

– Но теперь вы не будете одиноки, потому что у вас есть я, любимая и любящая невеста, я в ответ своей любовью буду лечить вас-с от одиночества! И не вздумайте считать себя некрасивым! Вы прекрасны душой! Вы давно были в театре? – с милой кокетливой озорной улыбкой изрекла Людмила.

– Признаться честно, давно, но я очень люблю балет, и если вы, Людмила Борисовна, тоже любите, тоя бы хотел пригласить вас с её светлостью княгиней, вашей матушкой, в театр на балет Дидло... – весело ответил Евгений.

– Что ж, сударь, предложение принимается! Я думаю, что на сегодня мы и так хорошо пообщались, но это лишь начало. Благодарю-с за такой милы визит...

– До встречи, прекрасная княжна... – хотел уже раскланяться Евгений и тут спросил – скажите на последок, мадам-муазель, а что за историю вы рассказывали своим танцем на балу? Неужели... свою?

– Да, – подтвердила Людмила – я рассказывала историю своей семьи и свои чувства этой полькой...

... Евгений, приятно удивлённый, вдохновлённый, в приподнятом настроении поехал домой, теперь мир ему виделся совсем в других цветах, словно заново обрёл краски, ароматы и звуки...

... Людмила сидела в своё мягком кресле тоже обновлённая: на её нежном личике играла улыбка, хрупкие руки изящно окутала зелёная вышитая шаль, а взгляд наполнился мечтательностью, будто она где-то далеко от этого места, где-то в романтических девических грёзах. А на душе было так легко, словно весной на Пасху...

Вдруг Людмилу осенило, она почувствовала, что, хотя вспоминать бабушку ей по-прежнему грустно, но грусть стала светлой, доброй, христианской. Она мысленно в этот миг отпустила папу туда, в рай, где он будет блаженствовать с праведниками вечной жизни. Отпустила ради того, чтобы дать в своей жизни появиться новому чувству и человеку, совершенно доселе незнакомому, но приятному. И больше Людмиле не хотелось причинить себе физическую боль специально, просто больше её душа в этом не нуждалась. Девушка позвала крепостную девку Машу и попросила:

– Маша, будь добра, возьми мою польскую обувь и выкинь с другим мусором, она мне не нужна...

Маша радостно улыбнулась, она очень обрадовалась за любимую добрую барышню и с лёгким поклоном головы вос-

кликнула:

– Конечно, барышня-благодетельница Людмила Борисовна, как скажите!

После этого девка Маша схватила польские башмачки деревянной подошвой и поспешила выкинуть. Даже у крестьянок Людмилы обувь лучше была, поэтому башмачки и, правда, только в мусор годились.

... А Людмила с благодарностью Господу взялась за вышивание бисером иконы Божьей Матери, причём в этот раз девушка не забыла о напёрстке. Спустя час в гостиную зашла тихими шагами с библейски кротким выражением лица княгиня Зоя Витальевна внимательно посмотрела на весёлую доченьку, на её новую атласную обувь, на напёрсток, очень удивилась этим переменам и нежно, ласково спросила:

– Доченька любимая, радость ты моя ненаглядная, я смотрю, что-то случилось приятное? У тебя откуда-то новенькие пинеточки, ты улыбаешься, какая-то непривычно улыбочивая, взяла напёрсток, хотя я тебя все четыре месяца уговаривала вшивать с напёрстком, ты и слушать не хотела. Что-то изменилось? Что же такое случилось приятное у моей лапочки?

Людмила, манерно сложив губки бантиком и опустив ресницы, протянула:

– Ах, милая любимая маменька, разве вы не замечаете, что у меня романтическое настроение? – тут Людмила перестала кокетничать и совершенно серьёзно сказала – Да, ма-

мочка моя хорошая, я влюбилась...

Зоя Витальевна с волнением в первую очередь спросила:

– Кто он?!

– Маменька моя милая, вы меня удивляете, разве у меня есть какой-то претендент на руку и сердце, кроме графа Евгения? Мамочка, не волнуйся, ничего грешного я не сделала, я в Евгения Петровича, своего жениха, между прочим, просто влюбилась... – Стала пояснять Людмила. – Он сегодня приезжал с визитом, мило извинялся за своё грубое поведение на балу, восхищался моими танцевальными способностями и любовью к искусствам. И заботливо подарил мне эти чудесные бальные пинеточки с Кузнецкого моста, а когда я призналась в мазохизме, он нежно и бережно успокоил, заверил в своей любви, и считает, что любовь вылечит меня. Так что ты, мамочка, права была, первое впечатление было обманчивым, теперь я увидела, что он способен на проявления внимательности и чуткости, это и растопило моё сердце. Теперь я выбросила свою польскую обувь, собираюсь использовать напёрсток, и уж те боле беречь ручки. Мама, я сама себя до конца понять не могу, драгоценная маменька моя, но почему-то мне хорошо стало после разговора с ним...

Зоя Витальевна кротко и многозначительно улыбнулась, её огромные карие глаза засияли счастьем, и смуглое лицо, словно от радости помолодело.

Она приласкала дочку и ликующе ответила:

– Доченька, милая, любимая! Это же замечательно! А я

знала о его благочестивом и добром нраве от его дяди, графа Шустрова, я верила, что чудо случится! Ах, так рада, что у тебя всё на лад пошло! Услышал Господь Христос мои материнские молитвы! Услышал, Вседержитель! Ох, хоть бы не сглазить, а то ещё расхвалю раньше времени! Но, правда, я так рада, что ты нашла с Евгением общий язык! Ты же у меня умница и красавица, самая лучшая дочка в мире, я так переживаю ведь за тебя, и рада, и сглазить боюсь!

...После этого мама с дочкой вышли на красивую террасу и стали обсуждать, что неплохо бы невесте кое-что из модных вещиц приобрести, и, составив желанный список, отправились за покупками...

Тучная француженка, владелица одной из самых лучших и дорогих модных лавок на кузнецком мосту так и старалась угодить Людмиле и её матушке, подавая белоснежные перчатки, бальные атласные пинеточки разных цветов, изысканное нижнее бельё и разнообразные платья. То цвета морской волны, то белое с ярко-зелёной лентой под грудью и изумрудным камнем на ленте, то персиковое, то нежно-сиреневое, то белое, украшенное яркими красными пионами на лифе и под грудью, то ярко-синие...

Людмила радовалась модным обновкам, как никогда раньше. Словно она заново жить сейчас начинала после пережитого потрясения, будто расцвела от любви с большей силой...

... Тем временем Евгений приехал домой и, напевая ка-

кой-то мотив вальса, легко и быстро переоделся, отобедал, а потом взял раствор петрушки и огорошил Николая тем, что подвинул его у зеркала и стал натирать светлое лицо соком петрушки!

Николя ошарашено поправил светло-русую модную причёску и бакенбарды, красивая улыбка превратилась в оскал, молодой человек процедил сквозь зубы:

– Эм... Евгений, а где ты полдня пропадал? Дядя тебя искал. И с чего это ты решил объявить войну своим веснушкам? Не уродился красавцем, так уж не станешь, только смазав лицо соком петрушки!

– Был я у своей невесты, делал светский визит к мадам-азель Варшавской, и она оказалась очень даже умной начитанной образованной сударыней, у нас совпадают вкусы, что касается искусств, совпадают взгляды на жизнь, и, кстати, она сказала, что я недурён и внешне тоже! И, Николая, я тебя по-братски, хотел попросить: у тебя много влиятельных друзей, достань мне, пожалуйста, в театр на любой из балетов Дидло три билета: на меня, княжну и, так как ей нельзя поехать со мной в люди до свадьбы без сопровождения, на её маменьку, её светлость княгиню Варшавскую...

Николя обозлился так, как, наверное, ещё ни разу не злился и крикнул на Евгения:

– Сам со своей кислой дурочкой разбирайся! Стоило ей тебе подпеть чуть-чуть, ты и растаял! Потом пожалеешь!

– Да ну тебя, Николая, я лучше у дяди помощи попрошу! –

буркнул Евгений, у Николая не вышло сейчас испортить ему настроение.

Окончив свою работу с соком петрушки, Евгений поднялся в роскошный кабинет дяди. Николай сидел у камина, а сам граф Шустров – в роскошном мягком кресле за дубовым столом.

Старенький сморщенный Иннокентий Александрович ласково взглянул на Евгения и со слабой улыбкой протянул:

– Евгений, где же ты так долго был? Неужели, как мне тут расписывал Николай, ты ездил с визитом к княжне Варшавской, принёс ей извинения, и вы сейчас в перемирии? Просто меня вчера сильно огорчило твоё далеко не галантное поведение в адрес сударыни, я, конечно, обрадуюсь, если у вас всё пошло на лад...

Евгений сел рядом с дядей, обаятельно улыбнулся в ответ и тихо изрёк:

– Да, милый дядюшка, я сегодня с извинениями и презентом нанёс визит к своей наречённой Людмиле Борисовне, и она меня простила, приняла подарок и мы приятно пообщались и, как, оказалось, сошлись во взглядах на многие жизненные вопросы, и даже вкусы у нас чем-то схожи. Я очень благодарен тебе за то, что ты нас сосватал, мы сейчас, со второго взгляда, действительно пришлись друг другу по душе. Только не подумайте, дядя, что-нибудь неприличное или греховное, это был самый обычный визит пока ещё друже-

ского характера, мы просто общались. И..., дядя, у меня к тебе такой вопрос: ты почему сразу тогда не предупредил меня о том, что она болеет мазохизмом? Ну? Разве можно от жениха скрывать такие вещи о невесте?! Это ведь не шутка, а серьёзная болезнь!

Граф Иннокентий Александрович прошамкал по-старчески:

– Знаешь, я не хотел говорить тебе сразу, потому что боялся, что тогда ты точно не согласишься, помолвка сорвётся, я хотел, чтобы вы пообщались, дали друг другу шанс, мадам-муазель Людмила всё равно имеет больше достоинств, чем недостатков, вдобавок, совсем юная, она ещё выздоровеет, это просто что-то временное, отроческое. У неё хорошая родословная, как у дворянки и шикарное приданое, но намного больше меня в ней привлёт её характер. Да, с ней нелегко поладить, как с огнём, но такие девушки-музы способны вдохновлять на положительные перемены, я хотел, чтобы она своей чрезмерной активностью заставила быть более смелым и уверенным в себе и тебя. Так что, ты хочешь из-за болезни порвать помолвку или ты изменил своё отношение к ней и хочешь жениться?

– Дядя, – промолвил неуклюжий Евгений – Когда я узнал, то теперь точно женюсь! Она – самая лучшая, и красивая, и добрая, и женственная, и благочестивая, и умная, ни одна не сравняется с ней, а насчёт болезни: это она заглушает тоску по отошедшему ко Господу отцу, и я приложу все силы, что-

бы моя любовь излечила её. Вот, мы с ней так хотим побывать на балете Дидло, не мог бы ты три билета достать: на меня, княжну и, как положено по этикету, на её маменьку, её светлость Варшавскую?

Граф Шустров ликующе улыбнулся, морщинистое лицо засияло радостью, граф воскликнул племяннику:

– Ой, как же ты давно не говорил со мной по душам, не просил в чём-либо помочь! Я буду на седьмом небе от счастья, что мы примирились, и, конечно, достану три билета! Дидло? Значит, Дидло, хоть я мало в этом знаю толк, но есть у меня связи, завтра будут билеты!

Евгений с радостным блеском в огромных обаятельных глазах-вишенках произнёс:

– Дядя, я очень благодарен, что ты меня поддерживаешь, я бы очень хотел, чтобы мы снова стали близки, как в былые годы, но это не получится, пока ты не примешь мой выбор и не уберёшь командирский тон. Я сознательно выбрал долю писателя, я хочу искусством обогащать этот мир, и, главное, я знаю, что я способен на это. Ты, видя развратный образ жизни Николая на военной службе, мечтал, чтобы я стал штатским чиновником, но это мне не по душе, я быстро завяну на такой нудной службе без творчества. И сударыня Людмила поддерживает меня в этом выборе...

Шустров сначала задумался, потёр своё морщинистое старческое лицо, а потом прокряхтел:

– Ладно, обошли вы меня, молодёжь, ты ведь очень ум-

ный учёный молодой человек, раз никак не хочешь внять моим советам, пусть будет по-твоему. Не волнуйся, подсоблю, издателю хорошему представлю, верю в тебя, что ты у меня талантлив. Понял я свою ошибку, больше не буду командиром, лучше помощником быть...

Евгений в знак благодарности крепко-крепко обнял дядю, старый граф от умиления даже прослезился...

...Один Николая стоял тихо в стороне, и с ядовитым гневным оскалом думал: «Ну, всё Евгений, ты зашёл слишком далеко, теперь у нас будет война за руку и сердце гордой полячки, и ты, тюфяк, тюлень, ещё не знаешь, на что я способен! Я не умею проигрывать, так что любой ценой княжна будет моей...».

Глава «Николая начинает войну или поездка в театр на балет и эксцесс на балу...»

... Скоро предприимчивый старенький граф Шустров достал три билета на балет постановки Дидло «Амур и Психея», а ещё по просьбе Евгения они активно занялись его внешним видом: Евгений под советы дяди похудел на два килограмма, они закали ему пошив новых модных сюртуков, фраков и жилетов, как у настоящего лондонского денди, так же за эти две недели Евгений с помощью сока петрушки навсегда распрощался с веснушками. А под конец преобразования Шустров и его племянник решили покрасить его волосы басмой. Вышел весьма приятный каштановый цвет.

Старенький Иннокентий Александрович даже прослезил-

ся от радости за племянника и ностальгически протянул:

– Евгений, Женечка, до чего ж ты мил! Ты так на мою любимую сестричку, свою маму похож... – Евгений ласково потрепал седого дядю в ответ, а граф продолжил – Ладно, ты же вчера посылал слугу к сударыне Варшавской с предложением о твоём визите, так что бери билеты на балет, наряжайся и езжай...

... Примерно, через час карета Евгения с грохотом остановилась у имения князей Варшавских...

...Евгения вышла во двор встречать сама Людмила с распущенными белокурыми длинными локонами с ниткой жемчуга на тонкой лебединой шейке в платье цвета морской волны. За юной княжной шла в белом платье с пионом на груди и в лиловой тонкой шали с милой доброй улыбкой Зоя Витальевна.

Людмила за две недели так соскучилась по общению с Евгением, что ничего не стесняясь, быстро подбежала, словно девчушка, кокетливо положила свои хрупкие ручки на его могучие плечи со словами:

– Ах, Евгений, я по вам-с соскучилась, мы так мило общались в прошлый раз и вы-с, мой любезный, обещали билеты на Дидло, и что отныне вы, как любящий жених, будете заботиться о моём душевном состоянии и лечить меня положительными эмоциями, а сами не объявлялись две недели! Однако, сударь любезный, я сразу заметила, что вы сегодня особо хорошо выглядите! Я просто в восторге от ваше-

го преобразования! Вам так идёт быть шатеном, и лицо у вас нынче такое ухоженное, взор горит, а оделись, как истинный щёголь, но вам подходит прелестно-с! Вы – душка!

– Ах, сударушка моя Людмила Борисовна... – как-то робко начал разговор Евгений, потому что он не хотел подать виду, но он сильно переживал из-за внешности, и похвала Людмилы был ему бальзамом на душу – Что только не сделаешь, когда влюблён! Любовь – чудесная пора, и нынче в Петербурге тёплое лето, располагающее к длинным прогулкам и беседам, и я постарался достойно выглядеть. Вы–с, мадам-музель, настолько восхитительны, что ваш спутник должен приложить много усилий, чтобы соответствовать такой красавице. И я поспешу вас обрадовать, что мы с дядей добыли три билета на балет Дидло «Амур и Психея», так что, моя очаровательная муза, прошу-с принять презент...

Людмила сразу расцвела в искренней обаятельной улыбке, приняла билеты, в огромных травяных очах засиял восторг, она ликующе ответила:

–Ой, сударь любезный, вы меня, право, обрадовали, буду готовиться, тем более, что представление уже завтра! Буду во всём блеске-с! И, раз вы сказали, что дядя помогал вам, значит, вы снова сблизились? Если у вас в отношениях с дядей всё наладилось, я буду на седьмом небе от счастья! И, прошу вас, Евгений, перестаньте принижать себя: вы – достойный кавалер, прекратите стесняться своей внешности просто потому что вы не такой бравый сердцеед, как ваш кузен Ни-

коля! Вы покорили моё сердце, вам разве этого не хватает, чтобы стать увереннее в себе?

Евгений смущённо раскраснелся, так как Людмила подняла для него самую болезную тему, а затем тихо спросил:

– Зачем, сударушка, вы так резко и прямолинейно озвучили мои проблемы? Вы разве хотите мне сделать больно-с?

Людмила серьёзно и ласково с безграничной преданностью во взгляде огромных зелёных глаз изрекла:

– Нет, я вовсе не хотела причинить вам, любезный Евгений, боль, наоборот, хотела помочь. Просто, это трудно, но иногда полезно: называть вещи своими именами. Вы тогда не постеснялись озвучить слово «мазохизм», и обещали поддержку и помощь в выздоровлении. Надо отметить, сначала было больно услышать свою болезнь, но позже, когда я почувствовала, что вы любите меня, как невесту, готовы бороться с этим недугом, не осуждаете, я почувствовала себя намного лучше, и сейчас я уже смело могу сказать, что я распрощалась с этой хворью. Я выбросила ту польскую обувь, в которой стирала ноги в кровь, и крестьянскую рубашку, в которой выполняла чёрную тяжёлую работу, в общем, отказалась от всех дурных привычек, вначале тянуло, а потом совсем забыла, но я ни разу не сорвалась за две недели. Даже наоборот, стараюсь быть весёлой, обзавелась в книжной лавке новыми богословскими книгами и несколькими забавными комедиями, чтобы порадовать себя, на прошлой неделе причащалась, а ещё мы с маменькой были в модных лавках,

я же теперь должна одеваться достойно звания невесты. И я просто хотела помочь вам...

Евгений мило обаятельно улыбнулся, смущённо протёр пенсне и тихо ответил:

– Моя любезная сударушка Людмила, я... я, право-с, совсем сначала растерялся от этих слов, но я безгранично счастлив, если ваше настроение и здоровье так улучшились, и буду благодарен Господу нашему Христу, если я поспособствовал этому. Просто... поймите-с, мадмуазель, я был всегда некрасивым тихоней и неуклюжим медведем на фоне Николая, и эта тенденция перешла и в нашу взрослую жизнь, я старался сторониться влюблённости, светского общества, балов, переосмыслил я ситуацию, только, когда полюбил вас, не только я оказался «лекарем любви», но и вы для меня тоже. Я стал больше радоваться и улыбаться, чаще уделять внимание активному отдыху, более положительно мыслить. И с дядей мы подружились ещё крепче прежнего. Просто он никак не хотел признать во мне писателя, будучи немножко старомодным, он считал литературу лишь увлечением, которое не приносит денег, и, называя повесой, требовал, чтобы я стал военным или штатским чиновником, но, когда мы серьёзно объяснились, мне удалось убедить его в том, что сочинительство – вполне уважаемая и оплачивая деятельность, он примирился и даже обещал содействовать. После этого я совсем расцвёл душой, и решил уделить внимание и внешнему преобразению...

– Ах, как мило! Сударь, а вы такой замечательный человек! Вы – чудо! Вы, наверное, Ангел, ниспосланный мне с Небес, чтобы я познала счастье! – воскликнула Людмила – Я с радостью буду морально поддерживать вас во всех творческих литературных изысканиях и буду вашей музой! Скажите-с, честно, я достаточно хороша собой, чтобы быть вашей музой? Вы такой симпатичный, такой умный, добрый, обаятельный человек, одарённый писатель, я просто (Людмила чуть-чуть не проговорила «влюбилась в вас...»), но вовремя остановилась, смутившись от своего моветона) ... просто восхищаюсь вами! Вы можете что-нибудь прочесть из своих работ?

Евгений с доброй улыбкой промолвил:

– Сударушка, вы прекрасней всех на свете, ни одна легендарная признанная красавица не сравнится с вами, вы рождены для того, чтобы украшать этот мир и быть музой, сочту ваше предложение за честь. И я взял с собой некоторые мои рукописи, буду рад, если вы оцените мой труд...

После этого они сели на скамейку в саду и увлеклись чтением и обсуждением литературных работ Евгения...

...Поехал домой граф Евгений Петрович спустя часа четыре, только ближе к вечеру...

...На следующее утро после утренней молитвы и завтрака Людмила в очаровательном домашнем удобном ярко-синем платье сначала давала хозяйственные распоряжения крестьянкам, а потом планировала заняться подготов-

кой к выезду в театр...

... Людмила и Зоя Витальевна деловито обсуждали всё для триумфального выезда в театр, когда испуганна крестьянка Маша заглянула и доложила:

– Не сердчайте барыня, но там к барышне-благодетельнице Людмиле Борисовне приехал какой-то господин, военный молодой, представился графом Николаем Иннокентьевичем Шустровым. Велите проводить его в гостиную?

Людмила и её мама настороженно переглянулись, одновременно округлили от испуга глаза и спросили в один голос:

– Николая, кузен Евгения?! А ему что тут нужно?..

–Эм... проводи, Машенька, его сиятельство в гостиную...
– неохотно протянула Людмила с испугом в огромных травяных глазах.

... Спустя несколько минут Людмила с изысканной причёской из белокурых волос, жемчугом на изящной худенькой шейке, набросив дорогую вышитую зелёную шаль поверх того самого удобного ярко-синего платья вышла в сопровождении маменьки в гостиную. Они немножко затревожились, так как не знали лично Николая, но всё, что они о нём слышали от Евгения или старого графа либо ещё каких-то добрых знакомых, показывало его с самой отрицательной стороны.

Николя, который ждал их на изысканном вышитом диванчике и был одет в парадный военный мундир, сразу же подскочил с бравой осанкой и обольстительной улыбкой.

– Здравствуйте, ваша светлость княгиня Зоя Витальев-

на, здравствуйте, прекрасная мадмуазель Людмила! Я сегодня-с, право, самый счастливый человек, потому что имею честь нанести визит к вам-с, самой темпераментной, красивой и манкой, как огонь свечи для мотылька, сударыни! Вы сегодня просто бесподобны-с! – произнёс томным мужским голосом протяжно Николая и хотел поцеловать Людмиле ручку, но девушка ловко отдернула свою маленькую худенькую ручку и ответила:

– Прошу-с прощения, многоуважаемый сударь Николая, но я не могу позволить себе такое фамильярное поведение, ведь я уже сосватана за вашего двоюродного брата Евгения Петровича, и я бы сочла себя преступницей, ответив на ваш флирт. Во-первых, не хочу этим унижить человека, которого люблю, а во-вторых, не хочу быть яблоком раздора между вами, двумя братьями, пускай и двоюродными...

– О, мадмуазель, какая большая редкость, что при такой небесной красоте сударыня ещё и умна! Прошу-с извинить за прямоту, но вы правильно поняли подоплёку моих комплиментов, я действительно пленён вами и влюблён. Дело в том, что я недооценивал вас, прекрасная сударыня, считая ещё маленькой для настоящей любви. Однако, когда вы на том балу у Вишневских так темпераментно, раскованно, экспансивно танцевали целый час польку, я был покорён вами, возбуждён и теперь лишь только вы – моя единственная главная страсть и любовь жизни! И я-с готов на что угодно, лишь бы отказались от Евгения и ответили взаимностью мне... – с

бравым видом продолжал Николая, но Людмила звонко рас- смеялась:

– Ах, Николая, до чего же вы смешной и примитивный! Да, я тогда красиво станцевала, но, неужели вы не замети- ли ничего в этом танце, кроме страсти? Вы-с мужиковатый в таком случае, у вас своеобразная солдафонская... я даже бы, сударь, прошу-с прощения за выражение, сказала бы... ушлая фантазия. И я не поверю в две вещи: что этот краси- вый монолог вы придумали сами, и что я единственная, кому вы льстили и приносили лживые объяснения в любви! Мо- нолог, я думаю, вы выискали у какого-нибудь французского писателя и переделали под меня, упомянув эпизод с танцем, и, говорят, вы славный сердец и ловелас, что вы опорочи- ли репутацию не одной знатной мадмуазель, не гнушались и красивыми крестьянками, а ещё вы посещаете актрисочек и куртизанок. Я не собираюсь быть сотой в вашем списке по- бед, потому что легкомысленные отношения меня не инте- ресуют. Я останусь верной своему жениху...

Красивое белокожее лицо Николая испортил злобный оскал, его всего перекосило от ярости, казалось, он в таком гневе, что мог бы пристрелить гордую девушку, если бы ре- вольвер был у него с собой...

Николая не мог понять, откуда она знает о его прошлом и обо всём догадалась? Кто рассказал о его романах с курти- занками? Евгений или отец? Но когда?

Тут, почувствовав напряжение, по библейски скромная

Зоя Витальевна потупила взор и решилась вступиться за дочь:

– Прошу-с прощения, ваше сиятельство, просто я, как вы, наверняка знаете, давно в крепкой дружбе с вашим отцом и дядей Евгения, и мне о таком безнравственном вашем поведении сначала с искренним возмущением поведал ваш отец, граф Иннокентий Александрович, а потом при общении подтвердил и Евгений. А так же сейчас от вас сильно пахнет спиртным, ... то есть, я поделилась с дочерью, чтобы она не соблазнилась согрешить до брака. Как понимаете-с, мне далеко не безразлична судьба и честь любимой дочери...

Николя от гнева тяжело задышал, в мыслях ругая отца самыми непристойными словами за то, что тот проболтался княгине Варшавской, но решил пустить в ход другие идеи.

Он достал красивую коробку, открыл её, внутри коробки лежало шикарное рубинное ожерелье. Николя артистичным грациозным жестом подвинул коробку к Людмиле со словами:

– Я не знаю, кто сочинил такие глупости обо мне, а мой отец уже слишком стар, у него уже маразм, поэтому он вам просто пересказал светские небылицы, Евгений мог и специально их подтвердить, чтобы выставить себя в лучшем свете. А, если вы посмотрите на меня не так предвзято, вы заметите, что я – более выгодный жених, чем Евгений. Во-первых, я – офицер, занимаю в армии высокий пост и получаю соответствующее внушительное жалование, когда же Евге-

ний собирается посвятить себя писательству, а как известно, сочинители получают мало и нерегулярно. Так же я красив, представителен, а Евгений хоть и начитан и может нравиться, как умный собеседник, но у него совсем отталкивающая внешность, да и манеры далеко не комильфо. У него нет романтики, а я привёз вам-с такой редкое, подчёркивающее вашу темпераментность рубиновое украшение! Я – самый завидный жених в Санкт-Петербурге, вы не понимаете, что теряете...

Людмила лишь манерно отодвинула коробку с рубиновым ожерельем, и тихо произнесла:

– Нет, моя многоуважаемая маменька очень хорошо знает вашего отца, и он прекрасно в здравии, и Евгений лгать мне никогда не будет, как и я ему. Я верю Евгению, а не вам-с, и прошу прекратить глупые уговоры: я сосватана за Евгения и буду верной ему. А, если бы я хотела расторгнуть помолвку, то точно уж не ради вас. Я считаю подлым вставать между родными людьми, и никогда не позволю себе это сделать. И зря вы-с себя нахваливаете, как жениха, ничем вы не лучше Евгения, наоборот, прошу-с прощения, но хвастунов и гордецов терпеть не могу! А вы показали себя только с такой стороны. Вы говорите, что богаче Евгения и предлагаете мне дорогой подарок-с, но я сама дворянка с хорошей родословной и не менее завидным приданым, я не ищу брака по расчёту, лишь по любви, а Евгений богат духовно и как христианин, и как человек, личность. Он умеет быть и галантным,

и романтичным, только, в отличие от ловеласов, подобных вам, он такой только со своей невестой, именно со мной. У него чуткое и преданное сердце, он способен проявлять заботу и нежность, а не только гореть страстями, и этим наполнено его прекрасное литературное творчество, и я верю, что он достигнет своих высот, как писатель, что же касается богатства, я предпочитаю духовное изобилие денежному. И я предпочту недорогой презент, но сделанный с любовью, чем драгоценности, но подаренные без всяких чувств. Что-то подобное я могу сказать и о внешности. Вы-с утверждаете, что красивы, а Евгений «отталкивающей внешности», а с чего вы так рассудили? Мне лично граф Евгений кажется красивым располагающим, обаятельным, я ценю его не только ум, но и умение держаться при общении, считаю, что, хоть он не безупречен, но это перекрывает харизма, неповторимая изюминка. Красота духовная. Да-да, я высоко ценю его духовную красоту, и считаю себя счастливицей, что столь интересный молодой писатель и дворянин будет моим мужем. А, скажите-с, что такого особенного вы, Николая нашли в себе, что сочли себя лучше Евгения? Да, вы стройный, плечистый, с правильным греческими носом и модными бакенбардами. Но разве этот внешний лоск, по-вашему, и есть красота? Ну, знаете, среди молодых офицеров много похожих на вас, у вас получается слишком... примитивная неоригинальная красота выходит. Красивая обёртка, а вот что внутри, никто не знает. И, вообще, есть ли что-то кроме краси-

вой обёртки...

– Но ведь Евгений вас не любит! Не любит! Он женится только из-за выгоды и воли нашего общего воспитателя, моего отца и его дяди, а за глаза он называл вас кислой девицей и жеманной мартышкой!!! – зло вскрикнул в эмоциях Николая.

Людмила сделала царственную осанку, поджала нежные губки и резко ответила:

– А почему вы решаете за Евгения, любит он меня или нет? Вам-то откуда знать, что такое любовь, если вы отца родного обвиняете в маразме? Евгений смог сделать во имя любви самое сложное: принять свою вторую половинку такой, какая она есть! И полюбить такой! И мало ли, что он говорил раньше, обо мне в свете любят сплетничать, главное, у него хватило мужества признать, что он был не прав, и хватило любви относиться ко мне с таким уважением, что я ответила ему тем же в итоге. А по-поводу жеманной мартышки, я сочту это за оригинальный комплимент моим изысканным благородным женственным манерам! – тут Людмила не выдержала и звонко рассмеялась – Хи-хи-хи!

Зоя Витальевна стояла, молча, но мысленно гордилась и радовалась тому, что воспитала дочь верной любящей и бескорыстной девушкой.

Николя же совсем стал багровый от гнева и крикнул:

– Скажите, мадмуазель, у вас есть хоть один вопрос, на который вы не знаете ответа?!

– Да, есть, – тут же весело сострила юная прелестница – Я не знаю, на что вы рассчитывали, когда ехали объясняться мне, чужой невесте, в любви! Неужели вы думали, что ради брака с вами я разорву помолвку с Евгением?

– А кто говорит о браке, мадмуазель? Я хотел вашей любви, но никак не обвенчаться с вами для создания семьи на всю жизнь! И я привык получать то, что хочу, так что я даю вам такой выбор. Я слышал, что сегодня Евгений пригласил вас и вашу уважаемую маменьку на балет Дидло «Амур и Психея». У меня тоже есть на это представление два билета: на меня и на вас, мы с вами люди взрослые, пообщаемся тед-а-тед и без маменьки, если вы хотите для себя благополучного исхода, то откажите Евгению и поедете со мной. В противном случае я расскажу в свете о том, что вы больны мазохизмом, и вы, опозоренная, уже никогда не сможете ни появляться в дворянском обществе, ни выйти замуж! Я знаю, что вы скрывали эту болезнь, и вашу тайну узнают все, если вы не станете моей любовницей. Что скажите теперь, а, мадмуазель гордячка? С кем же теперь вы-с поедете на представление Дидло? – Грубо и язвительно протянул Никола, предвкушая победу благодаря шантажу.

Людмила тут же выпалила эмоционально ответ, не задумываясь об альтернативных решениях:

– Я, как и полагается пличной девушке и христианке, не собираюсь быть чьей-либо любовницей, и, естественно, с моей уважаемой маменькой сегодня едем в театр с моим жени-

хом Евгением! По-другому и быть не могло, а вы – последний подлец, если добиваетесь расположения барышни столь низким шантажом! И я не боюсь ваших угроз. Во-первых, потому что я сомневаюсь, что вы способны их исполнить: вы не такой уж высокий пост имеете, чтобы быть в дружбе со всеми из высшего дворянского света, всё равно всех не сможете убедить. Во-вторых, даже если у вас как-то это получится, и от меня откажется дворянское общество, я не пропаду, потому что со мной останутся моя мама, мой муж, Евгений и на нашу сторону встанет и граф Шустров, дядя Евгения. Я думаю, отец постыдился бы вас сейчас! И даже, если меня увезут в жёлтый дом, я твёрдо знаю, что эти родные люди будут меня ждать и встретят с радостью в день выписки!

Николя от злости с грохотом отшвырнул стул и крикнул:
– Даю вам время подумать, княжна, но следующий шанс будет последний, предупреждаю! Так что вам имеет смысл подумать на нашем разговоре и опасностью, которая грозит вам-с!

После чего незадачливый шантажист выскочил, как ошпаренный и поспешил в карету, а Людмила отдышалась и тихо обратилась к Зое Витальевне:

– Матушка любимая, что делать с этим будем?

Княгиня ласково обняла дочь и шёпотом ответила:

– Не волнуйся, кровиночка, радость моя ненаглядная, ты – умница, я рада, что ты осталась верна своим нравственным принципам, я горжусь тобой, а насчёт шантажа Николая

я сама, без тебя, поговорю с его отцом, графом Иннокентием Александровичем объясню сию неприятнейшую ситуацию, попрошу о помощи. Я не совсем уверена, но думаю, он сможет помочь. А пока давай, милая, собираться в театр, ведь у нас сегодня такое событие! Ты должна предстать перед Евгением в самом лучшем виде!

О, да! К вечеру Людмила уже была собрана: платье ампирного фасона персикового цвета, изысканная причёска, изумрудные под цвет глаз серёжки, жемчужная нить на худенькой шейке, бальная атласна обувь под цвет платья и белоснежные перчатки. В театре Людмила затмила всех светских барышень, и Евгений был в восторге от внешнего вида невесты.

Евгений и Людмила искренне насладились прекрасным балетом «Амур и Психея», очень мило и увлекательно общались, и даже Зоя Витальевна приняла участие в этом весёлом разговоре, не стесняясь показаться простоватой для своей молодёжи, ведь она знала, как они её любят...

... На следующий день маленькая смуглая княгиня Варшавская одела любимое лиловое платье с синей шалью и решила навестить Иннокентия Александровича. Конечно, она переживала, ведь разговор предстоял серьёзный, но помочь дочери желала неизмеримо сильно, а как лучше это сделать, не представляла и могла надеяться только на старого графа.

... Старый сморщенный Иннокентий Александрович принял княгиню очень радушно, пригласил на веранде попить

чаю с сушками и вареньем, где у самовара и начался между ними разговор.

– Понимаете-с, ваше сиятельство, как неприятно нынче вышло, я, как матушка Людмилы, обижена на Николая за такие серьезнее оскорбления, напугана за жизнь дочери, прошу помощи. Вот, сударь, объясню сейчас всё по порядку, что у нас случилось вчера. Николая приехала к нам днём с визитом, и стал неожиданно объясняться в любви, всячески хвалить себя, принижать Евгения, пытался склонить Людмилу на блудных грех дорогим подарком. Благо, что она у меня девица с честью, ни себя, ни жениха не опозорила, смело отказала, когда тот настаивал на неприличных вещах. Да-с, ваше сиятельство, так всё и было! Вы же столько лет в дружбе со мной, дружили с моим мужем, и Людмилу уважаете, знаете, какая она добропорядочная девушка. Но потом он стал шантажировать её, что в случае отказа стать, ох, Господи, прости за слова такие, любовницей, он расскажет о её болезни в дворянском обществе, и её перестанут принимать, а то, грозился, что доведёт всё до жёлтого дома! Она, как они сошлись с Евгением, как переродилась, ни разу приступов мазохизма не было, а Николая так жестоко... – тихо повествовала Зоя Витальевна – Вы-с можете помочь как-то?

Граф Шустров сейчас крепко задумался. Он оказался между двух огней: родным, но бессердечным сыном, и замечательным любящим племянником. Вдобавок, он слабо представлял, как может повлиять на взрослого сына помочь

Евгению. А помочь Евгению и Людмиле хотелось очень...

– Хм... – просипел по-старчески седой граф – я даже не знаю-с, что сказать, кроме извинений за безнравственное поведение сына. Мадам, прошу-с от всего сердца не обижаться на нашу семью, ведь и мы, и Евгений с Людмилой так чудесно по-родственному крепко дружим, а с Николая я, конечно, поговорю, но не буду пока ничего обещать-с...

...Ни княгиня Варшавская, ни старый граф не заметили, как в имение с другого входа зашли почти одновременно Евгений и Николая, и молодые люди прекрасно слышали весь разговор своего опекуна и матушки Людмилы.

Николя снова исказил своё красивое лицо злостью, его раздосадовало то, как ловко княгиня выложила все его секреты отцу, а Евгению просто стало больно, а ещё он рвался защитить любимую невесту Людмилу и её добрейшую матушку от наглеца Николая. Поэтому, ничего не дожидаясь, Евгений с гневом в огромных глазах-вишенках схватил Николая со все силы за плечи и закричал:

– Так вот значит, в чём дело!!! Он вздумал клеиться к моей невесте! Да ещё и шантажировать!!! Последний подлец ты, Николая!!! Да я! Да я! Не знаю, что сделаю с тобой! А, знаю! Раз ты себя ведёшь, как свинья, а не как джентльмен, то я тебя сейчас брошу в загон к свиньям, побудешь со своими собратьями по духу, потрудишься, чтобы грязь всю отмыть, так поумнеешь! Больше не подойдёшь к Людмиле! Что ж я зазя слова-то трачу? Свинье в свинарнике самое место!

И после этого вынес Николая на задний двор, где был скот и хозяйственные постройки и триумфально швырнул незадачливого кузена-ловеласа прямо в загон со свиньями! Зоя Витальевна и Иннокентий Александрович серьёзно перепугались, чтобы молодые люди из ревности греха не натворили, но когда прибежали на крики и увидели довольного Евгения и багрового от злости перепачканного грязью и помоями Николая, то не удержались и рассмеялись. Очень уж мудрый и смешной урок преподал Евгений подлецу Николая.

– Да ты с ума сошёл, Евгений! Да я ж тебя за этот позор на дуэли приблю!!! Я ж изведу тебя!!! Я тебе отомщу за такие выходки! И не надейся на снисхождение из-за родства, гусь свинье не товарищ!!! – кричал Николай, тщетно пытаюсь стряхнуть с нарядной одежды грязь.

Евгений же с весёлой улыбкой бравым жестом поправил каштановую стрижку, пенсне и ответил:

– Николай, я с тобой на дуэли сражаться не собираюсь, так и знай. Я тебе и без всякой дуэли, если надо, синяков наставлю! Ну, ты пока подумай среди свиней, а я, раз тебе не товарищ, полечу...

Этот эпизод в свинарнике рассмешил всех.

Евгений подошёл к Зое Витальевне и своему седому сморщенному дяде и ласково спросил:

– Многоуважаемое старшее поколение, что ж вы этот эксцесс между собой обсуждаете, а меня, жениха Людмилы, в известность не ставите, мне, извините-с, пришлось услышать

случайно из вашего разговора о неприятностях у моей любезной невесты?

– Извини, Евгений, я не хотел говорить тебе, потому что не знал, чем тут можешь помочь ты, но, я ошибался, ты действительно нашёл действенный метод! – рассмеялся старенький седой Иннокентий Александрович.

– Дядя, а ведь у меня такая радостная новость: я ездил в одно известное издательство в Санкт-Петербурге с моими работами, и редактор сказал, что они согласны издать мои книги! Первые гонорары будут через два месяца, а предоплату я получу послезавтра, в понедельник! Помог Господь! А ты, дядя, ещё сомневался, что из меня путный писатель выйдет! – радостно сообщил Евгений, старик Шустров от счастья прослезился, обнял племянника и ответил:

– Прости, что не понимал тебя так долго, я очень рад твоим успехам, и знал, что ты найдёшь себя в жизни, ведь ты такой умный, образованный, способный юноша! У тебя и мамка, сестра моя любимая, и папка были умными уважаемыми людьми. Ты – моя гордость! И родители тоже там, в раю, рады за тебя!

...Потом они оставили Николая одного и отправились пить чай и поздравлять Евгения.

А на следующий день в воскресенье, Евгений вместе с дядей и Людмилой с её маменькой вчетвером дружно на утреннюю литургию, где исповедились и причастились. Хрупкая нежная женственная княжна была прелестна в белом платье

с пионами на груди. Радостный день продолжился на пикнике, где все угощались, весело общались, Евгений читал всем отрывки из своих произведений и стихи, которые посвятил невесте, а Людмила мило кокетничала в ответ. На память о том радужном солнечном летнем дне Евгений подарил Людмиле оригинальное украшение: кольцо в виде лавровых листьев, сделанных из изумруда...

...Никто не знал, что Николая втайне от всех готовил уже новый план, он не собирался успокаиваться, пока не добьётся цели: любви гордой юной княжны...

... Спустя месяц граф Шереметьев давал большой бал, куда были приглашены и Евгений со старым графом, и Николая, и Людмила Варшавская с маменькой.

... Хрупкая и нежная, как муза, Людмила в этот день затмила всех светских красавиц. Белокурые волосы девушка собрала в модную высокую причёску, худенький изящный стан подчеркнула белоснежным ампирным платьем с ярко-зелёной лентой и изумрудным камнем под грудью, на маленьких ножках были атласные, мягкие, как пух, белые пинеточки, а на тоненьких ручках – бальные перчатки. Так же Людмила дополнила свой образ изумрудным колье в виде лавровых листьев, что подарил ей Евгений, и изумрудными серёжками, которые так подходили к её ярко-зелёным большим веждам...

...В богато украшенной бальной зале оркестр гремел, исполняя бальную музыку, а пары танцевали танец за танцем:

полонез, вальс, мазурка и котильон...

Людмила танцевала в этот раз только с Евгением, не дав больше никому ни танца. Да, Евгений был крупноват для Людмилы, выглядели они забавно, но, главное, им было вместе отрадно, весело и хорошо, а непринуждённая беседа и звонкий смех не прекращались. Будучи такими разными внешне, они обрели в друг друге родственные души...

... А потом Евгений посадил Людмилу на изысканный бархатный диванчик и отошёл к столу с угощениями, потому что хотел угостить свою любезную фруктовым салатом.

... Тут, сверкая эполетами, рядом с Людмилой появился Николая, галантно подал руку и произнес томным игривым голосом:

– Здравия желаю-с, прекрасная княжна, позвольте, сударыня, ангажировать вас на мазурку...

Людмила от испуга смешно вытянула свою худенькую шейку и протараторила:

– Прошу прощения-с, ваше сиятельство, но я не могу, я пообещала все танцы своему жениху, графу Евгению Петровичу...

Николая грубо подвинул девушку к себе и зло тихо прошипел:

– Глупая строптивая девчонка, ты разве не поняла, что я даю тебе последний шанс?! Мы уедем с этого бала вдвоём, а откажешь мне ради Евгения, то врачи из жёлтого дома завтра же к тебе визит нанесут!

– Отлично! Пусть приезжают, я знаю, что буду делать в это ситуации, и говорить врачам! На мою благосклонность не рассчитывайте-с в любом случае! – резко оттолкнув Николая, с величественной осанкой ответила юная прелестница Людмила, и Николай поспешил ретироваться.

У обоих на душе отпечатался неприятный след. Николая был зол, что столько красавиц падали в его объятия и лишь какая-то полячка смела сопротивляться его обаянию и ради кого: Евгения, которого Николай считал себе ничтожным соперником.

Увы, таким чёрствым людям, как Николай, не дано понять, что любят не за внешний блеск, а за то, какими качествами души обладает человек, как гласит народная поговорка, с лица воды не пить.

... Людмила просто расстроилась и почувствовала бессилие. Ей слишком сильно хотелось прекратить это непонятный бессмысленный конфликт, но как это сделать, девушка не понимала, жаловаться Евгению не хотела, потому что понимала, что дело кончиться дуэлью...

Евгений подошёл к Людмиле с фруктовым салатом и раздосадовано произнёс:

– Любезная сударушка, что это сейчас такое было? Что Николай опять от тебя надо? Опять предлагал тебе, милая моя муза, непристойные вещи?!

Людмила искренно удивилась: откуда Евгений знает о том визите Николая к ней в усадьбу? Потом догадалась: «Видно,

моя любимая маменька жаловалась...».

– Хм, Евгений, милый, я не знаю, кто тебе рассказал, но да, в тот день, когда мы ездили на балет, он приезжал с визитом и пытался уговорить стать его любовницей. Естественно, искренно любя тебя, я не раздумывая, дала отказ, а блуд я посчитала самым оскорбительным предложением. Тогда он пытался шантажировать меня: утверждал, что о моей болезни узнают в свете, если я не соглашусь. Я не приняла всерьёз его слова-то даже. Сегодня он повторил угрозы... – честно объяснила Людмила, посмотрела на гневное бледное потное лицо Евгения, на то, как он нервно теребит пенсне и испуганно добавила – Я умоляю тебя Христа ради, только не доводи дело до дуэли! Я хочу, чтобы ты, милый, был живой и в здравии...

Евгений с силой нацепил пенсне обратно на нос и прикрикнул:

– Нет уж, я это дело не оставлю, проучу Николая! Мало, видно в свинарнике тогда посидел, опять за старое, значит, мало ему теперь не покажется!

После этого Евгений легко подскочил к Николаю (это всех удивило: как такой грузный человек, как Евгений, умеет так быстро и ловко двигаться?), кинул к его ногам перчатку и с гневом в огромных глазах-вишенках прошипел:

– Сам знаешь, за что! Мне невеста всё рассказала! Жду завтра в лесу за городом в одиннадцать!

Николай с ухмылкой поднял перчатку и тихо ответил:

– Что ж, Евгений, вызов принят. Ты слишком много стал мнить о себе, кузен, после того, как влюбился в княжну Людмилу! Ты забыл, что твоё место всегда только после меня, лидера по жизни! Ты – ничтожество на моём фоне, и дуэль покажет это в очередной раз!

В душе у Евгения всё перевернулось от боли, казалось, что его больно обожгли внутри! Евгений не мог понять, почему Николая так несправедливо принижает всех, и в первую очередь самого Евгения. Эта спесивость и высокомерие Николая выводили молодого человека из равновесия. Раньше, до влюблённости в княжну Варшавскую, Евгений бы покорно согласился с Николаем, но теперь он не считал себя ничтожеством по одной простой причине: его главный человек, Людмила, вселила в него новые силы бороться, мечтать, верить в счастье, заставлять себя работать над собой, быть лучше, чем раньше.

Евгений тяжело вздохнул и сердито протянул:

– Я стал слишком много стал мнить о себе? А, по-моему, раньше я себя слишком недооценивал, позволяя командовать собой, как мальчишкой, Людмила же научила меня относиться к себе более уважительно, как положено джентльмену, и я смог здраво оценивать себя и окружающих. И, если я – ничтожество, то тогда кто ты, если домогаешься чужой невесты?! Задумайся над тем, кто тогда ты!

После этого Евгений ушёл от Николая обратно к Людмиле и с доброй улыбкой продолжил нежно щебетать с девушкой.

кой...

... Вечером Евгений рассказал о случившемся инциденте дяде и попросил его быть секундантом.

Сказать, что старый седой граф Шустров был расстроен и поведением сына, и раскладом дел в общем, значит, ничего не сказать. Сморщенный Иннокентий Александрович чуть сознание не потерял, благо сидел в мягком большом кресле, со слезами в голосе произнёс:

– Я... я не знаю, что сказать на это, Евгений, мой милый племянник. Я не могу быть секундантом, так как вы мне оба дороги, и, хотя я без тени сомнений признаю твою правоту и осуждаю Николая, я ж вас обоих растил с трёх лет, вы ж отрада моя! И я считаю дуэль греховным делом! Я против дуэлей!

Евгений обнял Иннокентия Александровича, бережно вытер с его морщинистого лица своей большой могучей ладонью слёзы и ответил:

– Дядя, успокойся, никто до греха доводить дело не собирается, лучше выслушай до конца мою идею о том, как проучить Николая, и почему мне для этого нужно, чтобы секундантом был ты! Секундант всегда заряжает оружие так, чтобы участники дуэли не видели самого процесса. Любой другой секундант зарядит пулями. Ты же по сговору со мной не зарядишь ничем пистолет Николая, а мой зарядишь ягодами клюквы, и всё! Не будет никакого зла, кроме того, что я знатно испачкаю Николая, и мундир ему от сока ягод долго

отмывать. Мы просто разыграем его, покажем, что не только он один здесь умён! Понял задумку?

Старый граф сразу улыбнулся радостно, пожал Евгению руку и изрёк, хрипя по-старчески:

– Молодец! Хвалю за находчивость! Сделаю всё, как надо по плану, не волнуйся!

... Следующим утром, в одиннадцать, все трое прибыли в назначенное место. В сентябрьском пёстром слегка припорошенным первым снегом лесу было по-осеннему прохладно, Николая и Евгения знобило от холода. Особенно сильно озяб старый граф, потирая и согревая дыханием старческие морщинистые руки (календарь показывал первые числа сентября, поэтому он оделся легко, по-летнему, но выпал первый снег, и Иннокентий Александрович понял, что оделся не по погоде).

Иннокентий Александрович, как и положено, выдал соперникам по револьверу и скомандовал:

– Всё, к барьеру! Я начинаю отсчёт шагов! Раз, ... два, ... три...

И Евгений, и Николай размашисто делали шаги с героически бесстрашными лицами, а старенький граф Шустров считал и думал: «Интересно даже, как поведёт себя Николая, когда поймёт, что его разыграли и попали в него обычной клюквой? Ох, хоть бы хуже не сделать...».

Евгений нарочито строил из себя доблестного храбреца,

а Николая удивлялся этому и думал: «Что это с Евгением? Когда же он струсит уже? Я не думал, что у него нервы дуэль выдержат...»

... И вот, последний, десятый шаг, двоюродные братья агрессивно развернулись и щелкнули резко на курки своих револьверов...

...И тут Николая увидел у себя на мундире красно пятно! Молодого человека заколотило от ужаса, ему никак уж не хотелось погибнуть на дуэли таким юным, у него были дело идущие планы на карьеру и личную жизнь, от мысли о ранении у Николая начался приступ паники:

– А-а-а!!! Я ранен! О, Господи Вседержитель, помилуй, я ещё слишком молод! Врача! Скорее врача!!!

Евгений и Иннокентий Александрович прекрасно знали, что это всего лишь ягоды клюквы и Николая совершенно ничего не угрожает, и увидев, как он быстро повёлся на их розыгрыш, не выдержали и залились смехом, как будто два шаловливых мальчишки.

Однако Евгений и отец только смеялись, и тогда Николая заподозрил какой-то подвох, розыгрыш, потрогал пятно на мундире, попробовал эту жидкость на вкус и побагровел от ярости: он понял, что это – не кровь, а клюквенный сок!!!

Вот такого позора у Николая ещё не было за недолгие три года военной службы!

– Ну, всё, Евгений, пошутили, и хватит, я тебя за такую унижительную выходку точно прибую где-нибудь тайком, а

Людмилу, так и знай, упеку в жёлтый дом раз и навсегда! – закричал Николая в гневе и с кулаками бросился на по-ребячески заливающегося смехом Евгения.

Если дуэль с клюквой вместо патронов была шуточной, то сейчас схватка пошла самая настоящая, оба двоюродных брата оказались сильные, как львы, и от усердия хрипели подобно львам или тиграм...

Гул напряжение, хрипение, рычание разносилось по осеннему лесу, казалось, что Николая в злости придушит Евгения, но незадачливого поэта-шутника спасало то, чего раньше он сильно стеснялся: лишний вес. Ему хватало силы разжать руки Николая и отбросить от себя. Осенние пёстрые ярко-жёлтые, розовые, алые, оранжевые и зеленовато-красные листья перемешались с первых холодным снегом и небольшими следами крови, что кузены оставили, когда расцарапали друг другу лица...

У старенького седого графа чуть сердечный приступ не случился, он и сообразить не успел, как безобидная шутка обратилась в страшную схватку, подскочил и со слезами на морщинистом лице стал просить:

– Николая, Евгений, вы что творите?! Христом Богом прошу, остановитесь! Христа ради прошу, не грешите, остановитесь!!! Николая, сынок, прекрати сейчас же!!!

...Слова старенького Иннокентия Александровича подействовали, Евгений и Николая остановили драку, после чего граф сообразил крикнуть:

– Женя, Евгений, беги, спасайся!!!

Евгений поспешил ретироваться, потому что тоже не хотел причинить Николаю какие-то серьёзные увечья. Отец же схватил в объятья Николая, который рвался догнать двоюродного брата и продолжить драку.

– Прекрати! Прекрати, Николая! Успокойся, успокойся, умоляю! Это был просто розыгрыш, ягода просто, зачем с кулаками бросаться?! – пытался урезонить Николая отец.

– А ты что, отец, на стороне этого дурака Евгения что ли?! – крикнул в ответ Николай.

– Пойми сынок, что я не на чьей-то стороне, я просто хочу и тебе и Евгению счастья, чтобы вы примирились без конфликтов, и вижу только один способ наладить всё в нашей семье. Ты должен оставить в покое Людмилу, отпустить её к законному жениху, Евгению, и заняться построением своей жизни. Что ж ты навязываешься княжне, домогаешься, как подлец, если она не любит тебя и сосватана благополучно за Евгения? Не зря говорят, на чужой каравай рот не разевай, а Людмила уже чужой каравай. Конечно, Евгений будет защищать свою невесту, если ты ей угрожаешь, даже гостей бала тогда не постеснялся, он будет правым в этой ситуации. Ты – красивый достойный кавалер, если тебе хочется жениться, выбирай любую свободную мадмуазель, если скажешь, помогу, сосватаю тебя с кем-то, как сосватал Людмилу и Евгения. На Вронской женись али графине Шмелёвой, аль на княжне Григорьевой или Тучковой, все красавицы, как на

подбор, что ж ты к Людмиле привязался?

– Нет! – закричал не своим голосом Николая – Не будет такого! И ты, отец, не указ мне! Я женюсь на другой только после того, как добьюсь любви Людмилы! Я – известный сердцеед, все дамы сами падали мне в объятия, и лишь только эта гордая полячка посмела мне отказать! А я добьюсь своего любимым путём! Я привык получать всё, что хочу!

Старенький сморщенный седой граф со слезами в голосе запричитал:

– Сынок, я не командую, не указываю, я просто прошу тебя успокоиться и вдуматься в мои слова, пойми ж, что я дело говорю, хорошее советую, одумайся, а то с этим жёлтым домом натворишь бед: ни в чём не повинной девушке жизнь поломаешь. Евгением подерётесь – не Евгению, а тебе ж в грех будет, что на брата руку поднял...

... Конечно, на душе Иннокентия Александровича сейчас скреблись кошки, такого сильного разочарования в сыне граф никак не ждал, эта история эхом боли отражалась в глубинах его старческой души...

Николая оттолкнул старика-отца и крикнул в ответ:

– Отец, молчи и не лезь между мной и Евгением! Я его ещё проучу, это – лишь завязка истории, потому что такого позора я никому не простил бы, и даже Евгений не исключение!

– Да в кого ж ты у меня бессердечный такой?! Я – благопристойный дворянин, мать – безгрешна и кротка, как Ан-

гел, тётя твоя, моя любимая сестрёнка, мать Евгения – образец святого добросердечия, а ты-то в кого?.. – заплакал Иннокентий Александрович, ему впервые было искренно стыдно за то, каким вырос его сын.

...А ещё граф недоумевал как такое возможно, что воспитывал он и племянника, и сына одинаково, на равных, а во взрослой жизни они стали противоположностями друг друга?..

... Но скоро все вернулись в город по своим делам, старенький Иннокентий Александрович торопился в имение, чтобы узнать о самочувствии Евгения, а Николая сначала подвыпил в кабаке, а потом отправился к куртизанкам...

...Когда граф Иннокентий Александрович зашёл в комнату племянника, Евгений сидел с расцарапанным лицом, разлохмаченными волосами цвета басмы (он так и не хотел возвращаться к рыжему цвету волос и упорно боролся с бывшими «недостатками» басмой и соком петрушки) и обрабатывал ссадины спиртовой примочкой.

Всё бледное лицо юноши, особенно высокий большой лоб, было расцарапано до крови.

Иннокентий Александрович прокашлялся по-старчески и тихо спросил у молодого человека:

– Евгений, ты ничего не хочешь мне сказать?

Евгений тяжело и громко вздохнул и протянул:

– А что я должен сказать? Прости, дядя, за эту неудачную шутку с клюквой. Эта была, наверное, самая дурная и

банальная выходка. Признаю себя глупцом. Я, честно, хотел, как лучше...

– Ну, вообще-то, я и не ждал твоих извинений, ты не должен чувствовать вину за драку, которую устроил Николая, я хотел узнать, как ты себя чувствуешь... – ласково пояснил дядя.

– Ничего, терпимо..., Слава Богу, что живой остался, а царапины заживут. Серьёзных ран или переломов нет. Кстати, буду очень признателен, если подскажешь чем можно замаскировать или ускорить заживания этих ссадин на лице. Николая, наверное, с ума сошёл: я специально выкручивался, вычитал об этом розыгрыше с клюквой, чтобы не было пострадавших на дуэли, а он так внезапно кинулся душиТЬ меня, будто озверел! Ух, Слава Господу нашему Христу, что всё обошлось! Спасибо, дядя, что спас мне жизнь... – вымолвил Евгений.

– Ох, – тяжело вздохнул Иннокентий Александрович – да, я спас тебе сейчас жизнь, но рано благодаришь, потому что Николая вьелся на вас с Людмилой, и, видимо, мне ещё не раз придётся урезонивать этого дурачка. Хотя, наш розыгрыш с клюквой тоже умным не назовёшь, так что игра кончилась, у нашей дружной компании будут ой, серьёзные проблемы. И давай, договоримся, Женя, сразу: с твоей стороны, будь ты сто раз прав, никаких дуэлей, розыгрышей и злых шуток в адрес Николая. Вы с Людмилой ещё молодёжь, поэтому сам ничего не предпринимаешь в этом конфликте. Раз я так опо-

зорился, мой сын докатился до драк, домогательства и шантажа, я и буду его перевоспитывать. Если честно, не представляю как, но это моя обязанность. Ты же, Женя, лучше держись от такого опасного человека подальше, а то он и, впрямь прибудёт когда-нибудь тебя...

...Евгений же тяжело вздохнул без слов, вся эта ситуация его напрягала, единственное, чего он хотел, так это безопасности для своей сударушки наречённой Людмилы...

Когда молодой человек наконец-то кончил расчёсываться, сменил разбитое пенсне на целое, запасное, то решился продолжить разговор и с грустью в огромных глазах-вишнях протянул:

– Да..., ну и дела. Ладно, дядя, понял, больше таких выходов не сделаю, только не знаю, насколько у меня получится держать дистанцию от Николая, если Людмила мне будет жаловаться, что Николай и дальше позволяет себе оскорбления в её адрес, я не могу не заступаться. Я очень надеюсь, дядя, что у тебя получится заставить этого непутёвого сердцееда вести себя прилично! И почему бы нас с Людмилой не поженить как можно быстрее? Может, это лучший способ заставить Николая успокоиться?

Седой сморщенный граф Шустров просипел по-старчески:

– Женя! С кончины её отца прошло полгода только, вы ещё три месяца, как жених и невеста, а, если ты забыл, так, между делом, напомним, что ей нужно не выходить замуж,

держат траур по отцу год, так что быть вам женихом и невестой до свадьбы ещё пять месяцев точно!

Евгений же на это неуклюже, как медвежонок, отвернулся с обиженным видом, не зная, что ответить. Затем вспомнил о том, что они с Людмилой, как всегда хотели вместе провести время за чтением и мировой классики, а ещё Людмила всегда первая слушала литературные творения жениха, а только несколько дней назад Евгений издал свою новую пьесу «Храбрая Розамунда». Но как же появиться перед прекрасной княжной в таком исцарапанном виде?

– Слушай, дядя, я тут хотел с визитом поехать к Варшавским, а что с царапинами делать-то? Может, скрыть их пудрой? Или есть какой-то рецепт, как их быстрее заживить? – обратился за советом Евгений и

Граф Шустров смешно круглил серые глаза на морщинистом лице и вскрикнул:

– Евгений!!! Ты лицо своё сейчас видел?! У тебя такой ужас из кровоподтёков на лице, что не поможет никакая пудра! И царапины – не веснушки, их никак не выведешь, и не ускоришь их заживление, придётся набраться терпения и ждать, пока сами заживут! И не вздумай в таком виде показаться Людмиле, а то она у нас мадмуазель нежная, ещё сознание от испуга потеряет!

Это так раздосадовало Евгения, что он своей крепкой большой рукой двинул по изящному белому трельяжу с такой силой, что зеркало разбил.

Старый граф с доброй улыбкой промолвил:

– Давай, Женя, не бушуй, а примочкой лицо обрабатывай!

Я пошёл, кстати, слуга привёз твой гонорар из издательства, там очень солидная сумма, у тебя пока есть время до воскресения подумать, как распорядиться такими большими деньгами...

Глава «Новые идеи Николая или самое сложное ещё впереди...»

... На этом история с дуэлью не закончилась. В воскресенье Людмила, как и обычно, вместе с драгоценной маменькой, Евгением и графом Шустровым ездили на службу, исповедовались и причащались, потом вместе пили чай за весёлой беседой в имении князей Варшавских, Евгений читал стихи, которые посвятил Людмиле, а так же отрывки из своей новой книги «Храбрая Розамунда». Людмила просто светила счастьем и юностью в парадном платье цвета морской волны, а Евгений подарил невесте жемчужный браслет...

На следующее утро, когда никто не ожидал никаких бедствий, в дверь усадьбы постучались, и раздался громовой мужской голос:

– Приказ открыть-с немедленно, врачи из жёлтого дома и полиция...

Хрупкая маленькая худенькая Людмила с ужасом во взоре травяных огромных глаз прижалась к Зое Витальевне и испугано прошептала:

– Матушка, милая, родная моя, что делать? Я в панике...

Низкорослая смуглая Зоя Витальевна с библейским смирением ответила дочери:

– Лапочка, кровиночка любимая моя, не бойся, открывай, на все вопросы отвечай, не лги ни в чём, они увидят, что ты в здравии и уедут...

Людмила с важным видом и царственной осанкой поправила аккуратно белокурые локоны и открыла дверь.

– Здравия желаю, мадмуазель! Вы-с её светлость Людмила Борисовна Варшавская? – спросил бравый офицер, за которым стояли пожилой офицер и несколько врачей.

– Да-с, это я, а, собственно, что вам нужно? – с опаской в манерах и испуганно взоре зелёных, как весенняя зелень, очей.

– Мадмуазель, прошу-с убедительно простить мою бестактность, но один ваш родственник, его сиятельство граф Николай Иннокентьевич Шустров, он представился, как двоюродный брат вашего жениха, написал нам, что, яко бы серьёзно больны мазохизмом и невменяемы. Врачи должны провести определённый осмотр и беседу, чтобы понять, правду ли нам написали... – промолвил бравый офицер.

... Людмила ненадолго задумалась, потупив взгляд, а потом к ней неожиданно пришла уверенность, что она сможет убедить их в своём благополучии, поэтому она совершенно спокойно ответила:

– Что-с, проходите в гостиную, я пройду все необходимые врачам процедуры, чтобы вы убедились в том, что я здорова,

а всё остальное, написанное кузеном моего жениха – клевета...

... Все расположились в уютной гостиной, и врачи начали задавать разнообразные вопросы: не было ли сумасшедших или близкородственных браков в её родне, знает ли она, какое сегодня число, месяц и год, увлекается ли чем-нибудь, получила ли домашнее образование, бывает ли в свете. Проверили специальным тестом память, провели тест на понимание прочитанного текста. Всё юная прелестница одолела играючи, с милой улыбкой, так, что ни у кого не возникло и сомнения в клевете. Так спокойно может себя вести только совершенно здоровый человек.

...Потом начались более сложные испытания: врачи стали расспрашивать, были у неё раньше приступы мазохизма? Если были, то как ей удалось вылечиться?

...Людмила, несмотря на неловкость и щекотливость ситуации, честно признала, что после ухода отца несколько первое время у неё были неопасные для жизни приступы мазохизма, но все признаки заболевания ушли ещё три месяца назад, период болезни был коротким и чисто временным, вызванным переживаниями, сейчас у неё уже всё благополучно.

– Что ж, ваша светлость, у нас нет причин не верить вам – пока, для того, чтобы мы могли вынести окончательный вердикт, вам, мадмуазель, придётся раздеться для осмотра. Это нужно, чтобы я, как врач, убедился, что вы не наносили

себе никаких телесных повреждений... – изрёк седой врач.

– Что ж, – манерно протянула Людмила – Раз вам так нужно убедиться, я сделаю, что требуется! Вы сами увидите, что никаких повреждений нет, пусть только офицеры выйдут из комнаты на время осмотра, я согласна раздеться только при врачах...

Офицеры вышли во двор, а Людмила сбросила своё бледно-зелёное женственное платье, корсет...

... Уже через десять минут юная княжна была снова одета в любимое изысканное бледно-зелёное платье и во всё остальное, будто бы и не было никакого осмотра, офицерам разрешили войти и все три врача торжественно огласили вердикт на бумаге в комнате, в которой так и витал запах свежих чернил и осенней листвы.

Вердикт, если пересказывать кратко, был такой: « Её Светлость княжну Людмилу Борисовну Варшавскую признать душевно здоровой, признаков мазохизма на теле не найдено, так что признано отсутствие данной болезни. В ходе беседы тоже не выявлено никаких нарушений, установлена полная вменяемость, логичность ответов, так же заметно, что девица с хорошей памятью, грамотной речью и имеет хорошее образование. Вердикт: совершенно здорова, наблюдению не подлежит».

Офицеры и врачи принесли извинения и поспешили уехать, оставив Людмиле документ о её здоровье, а Зоя Витальевна и её милая хрупкая дочка обнялись со слезами сча-

стья, ликуя на два голоса:

– Слава Господу Богу нашему Иисусу Христу, помог!!!
Слава Господу Вседержителю!!! Спас он нас от горя, от беды, помог!!!

... Их эмоции сейчас не трудно понять: ведь, если бы врачи не были честными при выносе вердикта, то Людмилу увезли бы в жёлтый дом, и, возможно, её бы могли не выпустить оттуда или выпустить спустя долгие годы разлуки с любимыми и близкими людьми...

... А через неделю состоялся пышный бал в имении графа Шустрова, ведь у старого седого Иннокентия Александровича был повод: именины!

... Бал удался на славу: все поздравляли седого сморщенного, но счастливого графа Шустрова, Евгений посвятил ему стихотворение и подарил золотую раму для семейного портрета, которым так дорожил его дядя, Николая даже процедил поздравление сквозь зубы, все угощались деликатесами, танцевали вальсы, полонезы и мазурки, играли в буриме, ручеёк и змейку...

... Людмила в жемчугах и ярко-абрикосовом платье была образцом нежной красоты, она танцевала только с Евгением, и хотя смотрелось это забавно из-за неуклюжести Евгения, влюблённым было всё равно. Весёлая беседа с остроумными шутками, стихами о любви из уст Евгения, с обсуждением любимых книг, театральных постановок, творческих планов Евгения и просто забавных воспоминаний так и не прерыва-

лась.

...Они ощущали себя самыми родственными душами...

– Людмила, любовь моя, муза моего писательского пера, радость жизни моей, а я сейчас вспоминаю, как мы в первый день помолвки разругались, да что уж скрывать, на дух не переносили друг друга! А потом твоя полька изменила нашу жизнь, мы увидели друг друга с обратной стороны, подружились, а затем и полюбили. И я как представлю, что этого по какой-либо причине могло не случиться, так мне страшно. Без твоей поддержки у меня ничего бы в жизни не получилось, мы оба не нашли своё счастье. Спасибо Христу, что Он тогда помог нам... – вдруг неожиданно проникновенно и тихо, с блеском в глазах-вишнях произнёс Евгений... – Скажи, сударушка моя милая, а ты действительно выходишь за меня замуж по любви?..

Людмила без всяких раздумий честно ответила:

– Даже не сомневайся! Только по любви! Та ссора, что была в начале когда-то уже давно стёрлась тем, сколько ты проявил внимания, чуткости, заботы, любви, романтики! Я за это время увидела в тебе столько достоинств и ни одного недостатка! Потому что люблю, потому что чувствую твою любовь и заботу, для меня ты – самый лучший. И я не променяла бы тебя даже на принца или короля! Духовно ты богаче любого короля и падишаха!

... И тут в ладонь Людмилы упала записка от проходящего за её спиной человека (Евгений, в отличие от своей невесты

прекрасно увидел, что это был никто иной, как Николая).

Людмила развернула листочек и побелела от испуга, когда прочла размашистую запись Николая: «Соглашайся быть любовницей или пожалеешь! Не думай, что твои проблемы кончились, это был только первый визит врачей, да и не только до тебя, но и до Евгения доберусь! Если будешь недотрогой, то он погибнет раньше вашей свадьбы!».

Евгений внимательно посмотрел на бледную беззащитную Людмилу и тихо спросил:

– Сударушка милая, что-то случилось? Ты мне ничего не хочешь объяснить?

Юная прелестница застыла в замешательстве: не признаться, что это за записка такая? Так ведь Евгений может приревновать, и с Николая бед натворить, и на неё обидеться, разорвать помолвку, только хуже выйдет. Рассказать? Ох, тоже ничего хорошего не жди, Евгений же защищать невесту ринется, ох, если до дуэли дело дойдёт, точно оба погибнут, так уже они невзлюбили друг друга с Николая. А если не будет дуэли по всем правилам этикета, а просто они в драке сцепятся, то, во-первых, позор на всю жизнь, все будут осуждать дворянина за такое холопское грубое поведение, во-вторых, искалечат друг друга точно, если живыми останутся...

Всё-таки в итоге юная княжна решила выбрать меньшее из двух зол, а таковым ей показался второй вариант разговора:

– Любезный, хороший, замечательный мой Евгений, у ме-

ня проблемы, причём серьёзные и очень неприятные. Только обещай, что будешь принимать все решения здраво, без лишних эмоций и, Христа ради прошу, не доводи дело до дуэли или рукопашной схватки, береги себя ради меня. Просто неделю назад Николая выполнил свою угрозу, написал поклёп врачам..., ты догадался, какой именно больницы..., естественно, ко мне в усадьбу заявился целый батальон врачей, мне пришлось проходить длительный осмотр, во время которого мне удалось доказать, что я в полном благополучии и даже получить документ о том, что я здорова. А сейчас, посмотри, милый, сам, какие угрозы он мне шлёт... – закончив речь, Людмила подала листочек в большие крепкие ладони Евгения.

Молодой граф Евгений Дубов быстро прочёл записку, узнав без труда корявый подчерк Николая, во взоре глаз-вишенка заблестел гнев, Евгений нервно поправил пенсне на крупном носу, после чего ответил ласково юной невесте:

– Не волнуйся, сударушка моя любезная, я сделаю всё, что смогу, чтобы защитить тебя, и я бы вызвал подлеца Николая на дуэль, но, раз ты так просишь обойтись без этого, буду решать вопрос как-то иначе. Пока я не знаю точно как, но это лишь вопрос времени, так что скоро ты почувствуешь себя в безопасности...

... Евгений в тот день еле дождался окончания бала, а на следующее утро оделся, умылся, прочитал утренние молитвы и поспешил к дяде вместе с той злополучной запиской.

Иннокентий Александрович отдыхал в большом мягком кресле, и, когда увидел Евгения неожиданно таким разозлённым, то удивлённо спросил:

– Эм, Женя, что такое? Ещё рань такая, ты чего уже встал и бежишь, как будто тебя пчела ужалила?

– Так, дядя, не до шуток! Я на серьёзный разговор! – громко произнёс Евгений – Тогда, когда из-за моего розыгрыша с клюквой во время дуэли чуть не вышла беда, мы с тобой о чём договорились?! О чём?! Что я не лезу с твои отношения с сыном, что ты разберёшься с Николая по-отцовски, а моя задача – не усложнять конфликт! Я свою часть уговора исполняю, а ты? Ты знаешь, что Николая написал донос на Людмилу в жёлтый дом, оклеветал её всячески, к ней нанесли визит врачи и солдаты, но она смогла тогда доказать, что здорова, а вчера на балу он ей вручил новую записку с угрозами! Ты только почитай это безобразие и скажи, что, я и теперь дальше молчать должен?! Я – терпеливый человек, но всему есть предел, Людмилу в обиду не дам! Если у тебя, дядя, есть идея, как мирными способами прекратить это вопиющие безобразие, говори, поддержу, если нет, то тогда я просто пойду и подам в суд на Николая за домогательства к её светлости княжне, чтобы он сел далеко и надолго!

Морщинистый старый граф Шустров по-старчески прокашлялся и внимательно прочитал записку, которую ему протянул Евгений...

... Там чернилами подчерком Николая был вполне понят-

ный текст: «Соглашайся быть любовницей или пожалеешь! Не думай, что твои проблемы кончились, это был только первый визит врачей, да и не только до тебя, но и до Евгения доберусь! Если будешь недотрогой, то он погибнет раньше вашей свадьбы!».

Пожилому седому графу стало опять очень стыдно перед племянником, что Николая способен на такие подлости, несчастный граф был готов от стыда за неразумного сына сквозь землю провалиться, и к великому огорчению, Иннокентий Александрович понимал, что Евгений поступит совершенно справедливо и правильно, подав в суд на Николая за угрозы. Да и сам Шустров серьёзно обиделся на Николая за то, что он опозорил отца. С другой стороны старенькому доброму графу так хотелось всё-таки мирно решить вопрос...

– Женя, племянник родной, хороший мой, я понимаю тебя, то эта ситуация тяжела для нас всех, но, прошу, не торопись, подать в суд ты успеешь, я хочу попробовать разрешить конфликт женитьбой Николая на мадмуазель Пчёлкиной, дочери одного генерала. Дай мне, пожалуйста, шанс, я ведь тебя так люблю и знаю, то ты отвечаешь мне тем же, пойми, что хоть Николая и последний негодяй, он мне сын, не переживу я, если он в тюрьму попадёт... – со слезами на морщинистом лице стал жалобно просить старый граф племянника.

Евгений сразу же смягчился, грузно и неуклюже, кряхтя, сел на корточки перед дядей, стал вытирать слёзы с его лица

бережными движениями больших рук и тихо ответил:

– Ладно, ладно, дядя, не плач, я ж тебя, как отца родного люблю, я сочувствую тебе. Я тебе всем хорошим обязан: и детством счастливым, и писательским успехом, и такой замечательной невестой, как моя сударушка Людмила. Да ты к тому же жизнь мне спас в тот день, когда я разыграл на дуэли николя с ягодой вместо пуль, ведь придушил бы он меня если бы не ты! Так что я всегда пойду тебе на встречу. Раз просишь дать время, повременить с судом, я, конечно, сделаю это, просто прошу. Ты тоже как-то помогай со своей стороны...

... Евгений после этого ушёл с тяжёлым вздохом, он жалел и любил дядю, но что-то молодому поэту слабо верилось в слова Иннокентия Александровича о женитьбе Николя, так то получалось, что такой сильной любовью и уважением к своему приёмному отцу Евгений вредит сам себе. Молодому человеку стал надоедать этот замкнутый круг...

... В прочем, Иннокентий Александрович Шустров тоже понимал, что ведёт себя некрасиво, и поспешил исполнить свой план по женитьбе Николя на мадмуазель Дарьи Пчёлкиной. Её отец, славный генерал, Лев Константинович Пчёлкин, был уважаемым в армии человеком, завоевал почёт в дворянском обществе, как человек русский по характеру, православный, такой точно Николя, как зятю, если тот что не по его сделает, спуску не даст. Да и дочка у него, девятнадцатилетняя девица на выданье, Дарья была редкой кра-

савицей, уж точно в этом параметре, как девица, превзошла Людмилу Варшавскую.

Людмила была образцом нежности, изящности, юности, её белокурые локоны и ярко-зелёные глаза вызывали симпатию у любого, но как шестнадцатилетняя хрупкая девочка могла сравняться с такой породистой, тучной яркой брюнеткой, как Дарья Пчёлкина?

Почему-то Иннокентию Александровичу казалось, что Дарья красивее, да и тучные фигуры в то время ценились, и Николая обязательно должен увлечься Пчёлкиной и оставить в покое юную княжну Варшавскую. Граф Шустров сам был доволен своим гениальным планом.

... Всего несколько дней переговоров старенького Шустрова и генерала Льва Константиновича, и было решено сватать молодых и, если всё пойдёт по плану, обвенчать в церкви.

... В то октябрьское холодное утро Евгений и Людмила, как уже и привыкли, вместе с маменькой юной княжны, княгиней Зоей Витальевной втроём поехали в церковь на литургию, исповедаться и причаститься, а потом собирались в имении князей Варшавских пить чай и обсуждать творческие успехи Евгения.

... Николая же собирался уехать к друзьям гусарам на весёлую гулянку с вином и куртизанками, но отец после завтрака остановил его словами, произнесёнными суровым голосом:

– Так, сын, ты куда собрался?!!

– Проведать сослуживцев. А что не так? – удивился Николай, растерявшись от непривычной суровости отца.

– Так, Николай, гулянки отменяются! Ты уже взрослый мужчина, двадцать три года, пора остепениться! Я договорился с уважаемым генералом Львом Константиновичем Пчёлкиным, что он отдаст замуж за тебя свою среднюю дочь, Дарью Львовну, и сегодня мы поедem свататься, и ты не посмеешь спорить со мной! – так же сурово изрёк Иннокентий Александрович.

Николя сразу раскраснелся, нервно поправил модную стрижку и бакенбарды и протянул недовольно:

– Отец, ты что удумал?! Не собираюсь я пока жениться, и слушать твои распоряжения не обязан! Так что я никуда не еду!

Старый граф совсем вышел из себя и гневно закричал:

– Да?! Жениться он пока не хочет?! А, значит, не давать проходу чужой невесте, подло шантажировать честную девушку, писать доносы на неё в жёлтый дом, запугивать, домогаться, предлагать блудный грех такой благочестивой девушке, как сударыня Людмила, посылать записки с угрозами, позорить отца он хочет, а жениться нет?! Николай, я жено тебя на Дарье Львовне без твоего согласия, потому что ты так непристойно ведёшь себя по отношению к невесте двоюродного брата, творишь такие греховные вещи по отношению к мадмуазель Людмиле! Надеюсь, твой тесть, генерал Пчёлкин так тебе в тык даст, что ты быстро забудешь дорогу

к её светлости княжне Варшавской!

Николя покрутился возле зеркала, доводя до совершенства пышные модные бакенбарды, белоснежную улыбку и модный костюм из Лондона и снова упрямо процедил:

– Отец, я, по-моему, ясно сказал, что не еду ни к какой Пчёлкиной, и заставить ты меня не сможешь: я уже давно сам обеспечиваю себя, благо жалование офицера позволяет мне удобно жить!

Старый сморщенный граф Шустров рассерженно глянул на сына, с трудом сдерживая негодование, затем спросил:

– Да, тут ты прав, но вот наследство: несколько дорогих имений с крепостными, денежные большие суммы, предметы искусств, которые стоят баснословные суммы денег. Всё это раньше я хотел разделить поровну между тобой и Евгением, а сейчас смотрю на это безобразие и думаю: а не оставить ли мне всё Евгению? А что? Он меня любит, как отца родного, он заслужил хорошее наследство, да и в их с Людмилой семье лишним ничто не будет, а тебе-то за что давать твою долю наследства? Ты не боишься, что я тебя просто наследства лишу? Тем более есть у меня второй наследник...

У Николая от злости лицо перекосилось, а в голове пронеслась мысль: «Ну, отец, подожди, раз ты встал на сторону Евгения, я тебе такую жизнь устрою, что ты сто раз пожалеешь о своих словах!», но скрыл затаённую обиду и ответил:

– Ладно, убедил, едем свататься к мадам Пчёлкиной...

Глава «Интриги мадмуазель Пчёлкиной и страшная идея Николая»

... После этого старенький седой граф Иннокентий Александрович дал в руки сына коробку с изысканной золотой цепочкой в качестве подарка для сватовства, и Николай с отцом отправились в карете по заснеженным улицам прохладного Санкт-Петербурга к дому генерала Пчёлкина...

... Дарья Львовна Пчёлкина вместе с родителями ждала их в гостиной и выглядела просто великолепно. Загорелая кожа лоснилась, на аппетитных щёчках играл румянец, с лица не сходила миловидная улыбка, тёмно-русые кудри были украшены причудливым ювелирным изделием, похожим то ли на диадему, то ли на обруч с хвостом павлина. В ушках и на шее были богатые жемчужные серьги и ожерелье, а белое платье с розовой лентой под грудью ампирного фасона подчёркивали дородную фигуру генеральской любимой доченьки.

Девушка старательно кокетничала из-за кружевного веера.

Николай с брезгливым выражением лица скрестил руки и посмотрел на красавицу, его жутко раздражало в мадмуазель Пчёлкиной, что она готова сама ему на шею вешаться.

Иннокентий Александрович начал торжественную речь свата...

Собственно, до момента, когда жених должен был вручить подарок, подтвердить слова свата и ждать вердикта невесты

и её родителей, Николая без единого слова спокойно стоял, не меняя позу. Лишь ядовитая ухмылка была показателем, что мысли у него нехорошие...

...И в самый ответственный момент Николая произнёс высокомерным тоном:

– К моему великому сожалению, мадмуазель, я не могу выполнить договор наших родителей, за что прошу-с прощения у вас и ваших многоуважаемых маменьки и папеньки, я не могу жениться на вас, потому что я уже давно и серьёзно влюблён в её светлость княжну Людмилу Борисовну. Ещё раз прошу-с прощения за конфуз на сватовстве, он бы не случился, если бы мой отец прислушался бы к моему мнению...

...В шикарнейшей гостиной повисло тяжёлое напряжение, никто не ожидал такого поворота. Несчастнейший Иннокентий Александрович, осознав, как сейчас сын опозорил его седьмы, сел и, тяжело кряхтя, схватился за сердце. У генерала и его жены лица приняли сразу озлоблённый разгневанный вид, а поражённая Дарья так расстроилась, что сначала чуть в обморок не упала.

Когда же мать помогла Дарье прийти в себя, та закричала со слезами:

– Маман, это что такое?! Как так?! Отец, когда ты договаривался с его сиятельством Шустровым, разве он-с не предупредил?! Это... моветон, даже больше, позор!!! Ко мне ж теперь свататься никто не будет! Ах, какой досадный пас-

саж! Что делать, маман?

– Спокойно, дочь, сейчас отец разберётся! – гаркнул гневно генерал Пчёлкин, а потом ещё более разозлённый обратился к несчастному Иннокентию Александровичу, – Ваше сиятельство, как будете отвечать за непристойное поведение сына?!

Старенькому седому графу стало совсем худо, будто его ледяной водой облили, а потом высмеяли мокрый вид, но Шустров собрался с духом и решил как-то идти до конца со словами:

–Прошу-с искренно прощения, милейший сударь, но разве, когда мы с вами уже договорились, и мадмуазель не против брака, кто-нибудь спрашивает Николая? Это... обвенчать молодых, и всё, не смотря ни на какие глупые юношеские выходки жениха...

Николя продолжал молчать, терев биденбарды и язвительно ухмыляться, довольный результатом.

А генерал Лев Константинович раскраснелся, как помидор, он не пытался скрыть ярость и закричал на Иннокентия Александровича:

– Да?! Просто взять и обвенчать по родительским договорённостиам?! И чтобы потом после свадьбы этот нахал и подлец хамски обращался с моей дочерью, испортил ей юность, запер дома, будто монашку в келье, все нервы извёл, а сам бегал к какой-то мадмуазель Варшавской?! Нет уж, не хочу, чтоб моя дочь в браке страдала, найдём достойного жениха!

Всё, разорвана помолвка, а до той сударыни я ещё доберусь!

Сморщенный седой Шустров чуть сознание не потерял, как понял, что наделал: он не только опозорился и свой план провалил, он к тому же ещё и ни в чём невиновную Людмилу подставил! Теперь это генеральское семейство будет претензии к Людмиле предъявлять, порочить её имя званием разлучницы, а ведь она – честная девушка и верная невеста Евгению, которой всё равно до выходок Николая.

... Граф расстроился, когда осознал, как нехорошо он поступил с юной княжной, да и с племянником тоже...

... Уже через несколько минут и Николая, и его старого отца выставили на улицу с позором, а Иннокентий Александрович прошипел тихо на сына:

– Дурень! Позорище моё! Всё, всё наследство напишу на Евгения, тебе ни копейки не достанется, обещал, что сделаю, вот и получай!

Николя с оскорблённым видом отвернулся. Тереть наследство было жалко до невозможности, но и уступить отцу молодой офицер не собирался.

... А на заснеженных улицах Санкт-Петербурга царило начало ноября, то есть через три месяца, если Николая ничего не испортит, траур кончится, и Евгений обвенчается с Людмилой, а заносчивый офицер потеряет её навсегда...

... Николая прекрасно понимал эту ситуацию, поэтому стал обдумывать разные идеи, чем можно навредить нежно влюблённым жениху и невесте...

... А тем временем Евгений и Людмила жили в своём чудесном мире, и не знали, какие тучи над ними сгустились. Евгений сал известным и богатым молодым писателем, похудел ради невесты ещё на два килограмма, каждое воскресенье они втроём, с маменькой Людмилы, ездили на службу в церковь, исповедовались и причащались.

Так же молодой поэт был частым и самым желанным гостем в доме князей Варшавских. Он посвящал стихи Людмиле, дарил милые подарочки, всегда старался быть чутким и внимательным, у них с Людмилой было множество общих тем для беседы, особенно литература, религия и театр. Иногда у них разворачивались целые увлекательные дискуссии, в которых с удовольствием принимала участие и Зоя Витальевна.

Маленькая смуглая обаятельная кареглазая княгиня хоть и была образцом набожности и добродетели, но не считала зазорным такие светские развлечения, потому что во-первых, ей просто нравилось проводить время в обществе самых любимых и дорогих её сердцу людей: доченьки и будущего зятя, во-вторых, её радовало, что молодые люди не стонут от общения с ней, «мамёнкой», а, наоборот, уважают мнение старших, и в-третьих, Зоя Витальевна видела, как доченька расцветает рядом с Евгением, и материнское сердце княгини ликовало...

... Иногда они втроём выезжали в театр или на бал, любили они и катание на санях с тройкой белых скакунов, но

больше вся дружная компания любила домашний отдых...

... Очень часто к ним присоединялся дядя Евгения, ведь именно в обществе племянника, его юной невесты и почтенной гостеприимной Зои Витальевны Иннокентий Александрович чувствовал себя нужным и любимым, как в настоящей семье.

Когда настал декабрь, радости Людмилы и Евгения не было предела: до их свадьбы оставалось потерпеть два месяца!

... Но в один холодный зимний день, когда, после катания на санях, Людмила, Зоя Витальевна и Евгений грелись у камина, в дверь с силой стали колотить.

Юная муза Евгения, Людмила, что сидела в кресле в уютном простом домашнем зелёном платье ампиричного фасона тут же соскочила и испуганно изрекла:

– Я пойду в комнату, если это опять Николая, скажите, что меня нет!!!

Но Людмилу опередила её подружка – крепостная девица Варшавских, Маша, а потом зашла в гостиную и робко сообщила:

– Барышня-благодетельница Людмила Борисовна, там прибыли с визитом незнакомый пожилой барин в генеральских погонах с некой барышней, просили доложить, что у них к вам серьёзный разговор. Прикажете проводить их?

Вся незабвенная тройка испуганно переглянулись, но Зоя Витальевна тихо изрекла:

– Машенька, проводи, пожалуйста, гостей к нам в камин-

ный зал и подай чай для всех...

Преданная и тихая крестьянка Маша выполнила всё быстро и как положено.

... Но только Дарья и её отец сняли шубы с шапками и прошли в каминный зал, генеральская дочка сразу же без слов совершенно неожиданно для Людмилы схватилась за фарфоровую чашку с горячим чаем и плеснула кипяток в сторону юной прелестницы. Княжну спасло от ожогов только то, что она резко покачнулась назад и упала прямо в руки Евгения, а кипяток лишь испортил дорогой ковёр на полу.

... Дарья Пчёлкина со слезами села за стол и, рыдая в ладони, захлёбываясь слезами, запричитала:

– Тоже мне дворянка нашлась, ещё титул светлейшей княжны носит! Разлучница!!! Блудница!!! Своему жениху изменяет, мужчинами вертит, как хочет, чужих женихов отбивает, и Господь ещё не покарает распутницу! Это ж, даже непонятно чем, так влюбила в себя моего жениха, его сиятельство Николая Иннокентьевича Шустрова, что он отказался от помолвки со мной! Разлучница!!!

Ничего не понимающая и ни в чём неповинная милая хрупкая, особенно на фоне тучной крепкой высокой мадмуазель Пчёлкиной, Людмила с ужасом округлила большие травянистые очи, поправила белокурые букли и встала за матушку.

Маленькая смуглая Зоя Витальевна посмотрела с мольбой в карих глазах на Евгения. Было понятно без слов, о чём

она просит своего будущего любимого зятя: защиты от этой незнакомой странной взбалмошной несправедливой клеветницы.

Евгений принял важный вид, особо аккуратно посадил на широкую переносицу пенсне, расправил мускулистую крупную фигуру, подошёл к гостю и начал сурово речь:

– Сударь, прошу-с прощения, но поведение вашей спутницы —моветон! И вы-с, раз не сделали ей замечания за оскорбительное в дворянском приличном доме поведение, тоже не комильфо. Я убедительно прошу-с прекратить это оскорбительное безобразие и спокойно объясниться, кто вы такие, и какое имеете право возводить поклеп на мою невесту, её светлость Людмилу Борисовну!

Генерал Пчёлкин раскраснелся от стыда и неловкости, поняв, что дочь переборщила с эмоциями, а, возможно, и, правда оговорила эту незнакомую им девушку, и тихо ответил:

– Эм... прошу-с извинить за моветон, на то у нас есть веская причина, дайте, сударь, мне шанс объясниться, для начала представимся друг другу. Генерал Лев Константинович Пчёлкин. А вы?..

– Его сиятельство граф Евгений Петрович Дубов, жених Людмилы Борисовны, как вы-с успели уже узнать! – раздосадовано прошипел Евгений и расправил могучие плечи так царственно, что генерал на фоне здорового Евгения показался себе тощей старой осинкой. – Я хочу узнать, кто такая эта

мадмуазель, и почему она-с смеет так принижать мою невесту, а инцидент с чаем так вообще что-то возмутительное!!! Эта истеричная сударыня, как я понял, ваша-с дочь?

– Эм... да-с, это моя печальная обиженная вашим кузеном, графом Никодем Иннокентьевичем, дочка, мадмуазель Дарья Пчёлкина. Если я-с правильно слышал от людей, вы – двоюродный брат Николая, вас обоих воспитывал ваш дядя, граф Шустров, инициатор этого злосчастного сватовства, где ваш-с кузен прямо заявил, что отказывается от свадьбы из-за любви с вашей невестой княжной Людмилой Варшавской. Вы-с, наверное, слышали об этом конфузе от дяди. Конечно, я, милейший сударь, прошу-с извинения за инцидент с чаем, но почему вы так свято верите в невинность Людмилы Борисовны? Быть может, она действительно изменила вам с Николая... – протянул смущённо генерал Пчёлкин, не зная, что ещё можно сказать в своё оправдание, и насколько то, что он слышал о Евгении и Николае – правда.

Евгений взглянул на слёзки обиды в огромных изумрудных глазёнках Людмилы, и она показалась ему настолько чистой, юной, как ребёнок, беззащитной, для которой Евгений был и жених, и отец, что Евгений не только не усомнился в верности, а ещё больше убедился в её правоте, окончательно разозлился на генерала и закричал:

– Да что вы, сударь, мне голову морочите?! Мы помолвлены ещё с лета, семь месяцев назад, что, я за столько времени характер человека близкого не знаю?! Ей шестнадцать лет

ещё, а вы обвиняете ещё в измене, и что она у вашей взрослой дочери жениха отбила! Это смешно!!! И, да я знаю от дяди, что он хотел сосватать Николая и вашу дочь, мадмуазель Пчёлкину, рассказывал мне дядя и о позорной выходке Николая на сватовстве, из-за которой вы зачем-то приехали сюда! Но, ни я, ни тем более Людмила, которой чужой жених не нужен, потому что у неё свой есть, не собираемся отчитываться за проделки моего придурковатого глупого кузена!!! Всё, успокойте-с свою истеричную дочь, и попрошу-с убедительно откланяться, удалиться и больше не появляться здесь!

...Сконфуженный генерал Пчёлкин с трудом успокоил дочь и поспешил увести в карету, в обиженных чувствах даже не попрощавшись с хозяевами дома, не говоря о том, что, вообще-то, должен был принести извинения. Лишь после этого Людмила игриво и манерно подошла к Евгению, положила свои хрупкие ручки на могучие богатырские плечи своего жениха, мило опустила ресницы и тихо изрекла:

– Спасибо, милый, любезный мой Женечка, что не дал меня в обиду. Я бесконечно благодарна Господу Христу, что ты у именно такой! Ах, как всё-таки обманчиво первое впечатление! Ужасно представить, что стало бы со мной, если бы тогда после польки, не объяснились и так и не узнали друг друга, какими глупыми мы были! Кошмар! И это тебя, самого любящего, заботливого и чуткого человека я при первой встрече обозвала чёрствым сухарём! Ведь я ничего не сказа-

да, а ты сам заметил, что мне было больно слышать обвинения в неверности, будто б я блудница какая-то, и поставил наглецов на место! Спасибо...

– Да, – ответил ласково Евгений, погладив маленькую Людмилу по белокурым буклям – я был настоящим глупцом, пока не понял, что мне досталась самая лучшая невеста в мире! И не волнуйся, кто бы что мне не говорил, я так же уверен в твоей верности, как ты в моей! Любви не бывает без уважения и доверия, и только ты вызвала у меня все три чувства. А что было при первом знакомстве – неважно, и свои выходки Николая прекратит уже скоро, через два месяца, когда мы сможем обвенчаться...

... Но на этом неприятности не кончились.

... Конечно, о случившемся инциденте Зоя Витальевна решила сообщить Иннокентию Александровичу, и в этот раз не в такой деликатной форме, а уже возмутиться.

Она вместе с любимой доченькой, спустя два дня, нарядившись, потеплей, в шубы с шапками из соболя, отправились в санях в имение Шустровых.

... В тот день седой старенький сморщенный граф был занят в своём кабинете, когда крепостная девица доложила ему об их приезде.

Евгения и Николая дома не было, так как у Дубова Евгения Петровича была важная встреча с издателем и корректором известнейшего издательства Санкт-Петербурга, которые были согласны издать его новый сборник стихов, если молодой

поэт откорректирует его соответственно их советам. Это был значимый шаг в творчестве Евгения, поэтому он не хотел упускать возможность. Николая же просто с несколькими сослуживцами решил выпить в кабаке, а потом посетить дом терпимости.

Шустров тут же приказал накрыть стол к чаю и вышел встречать желанных гостей, которые уже успели снять шапки и шубы.

– Здравствуйте, Иннокентий Александрович, – первой поприветствовала его маленькая смуглая Зоя Витальевна с негодованием в карих глазах – Вот, уж не в первый раз приходится на Николая жаловаться, то он, окаянный, вздохнуть спокойно не даёт, и сегодня-с жаловаться приехали, вы уж, сударь, делайте что-нибудь!!! Между прочим-с, напомним, что вы обещали решить проблему тем, что жените Николая, и даже подобрали ему невесту! И, да-с, эта истеричная мадмуазель Пчёлкина два дня назад приехала со своим отцом и, непонятно почему, вы были на сватовстве, вам-с лучше знать, что вытворил ваш-с сын, но они начали обвинять в несостоявшейся помолвке Людмилу!!! Они называли самыми некультурными словами, лгали, что, якобы, она, о, Боже, спаси и сохрани от такого, любовница Николая и разлучница Николая и его невесты!!! Эта Пчёлкина даже хотела чаем ошпарить Людмилу!!! Уму непостижимо! Хорошо, что Евгений был с нами и смог защитить Людмилу, строго поговорив с отцом невоспитанной мадмуазель! И что теперь де-

лать? Как отвадить Николая от Людмилы? Только не говорите, что попытаетесь ещё раз сосватать Николая, уже с другой мадмуазель, ни дай Бог, ещё одна невоспитанная особа будет потом так же оскорблять мою доченьку!

Иннокентий Александрович потупил влажный взор, а морщинистое лицо раскраснелось от стыда за сына. Граф понимал, что это было очень низко по отношению к Варшавским, но и как урезонить Николая – не понимал и всё чаще задавался вопросом: « Как вышло так, что растил я их на равных, а выросли мои Женя и Николай совершенно разные? И что такое случилось из-за этой польки, что изначально сын вёл себя сносно, а Людмила с Евгением терпеть друг друга не могли, а после всего каких-то полчаса всё в корне изменилось? Разве так бывает? ».

И, граф сам не понял, почему он принял такое решение, но он решил поговорить на волнующие его темы и задать эти вопросы... Людмиле! Ведь он уже слышал упрёки со всех сторон, но ещё ни одного обидного или одобрительного слова не сказала сама юная прекрасная княжна.

– Скажите-с, прелестная Людмила Борисовна, как представительница молодого поколения, пожалуйста, ваше-с мнение, вы тоже обижены на меня, и считаете, как и ваша маменька, что я виноват, потому что не смог воспитать Николая достойным человеком? Но как же так тогда могло получиться, что росли они в одних и тех же условиях, а взрослыми людьми стали такими разными? И ведь тогда, давно, ров-

но до того часа, что вы-с исполняли польку, они были совершенно другими: Николая хоть и грешил блудом и алкоголем, но знал меру в вине и уважал меня, а Евгений при всех его достоинствах и добродетелях был настолько стеснительным, неловким, замкнутым, что я боялся, что так он и без семьи, и без работы останется. А теперь, после той польки, Женечка так раскрылся, и как писатель, и как личность, расцвёл, стал таким достойным человеком, что я нарадоваться на него не могу и горжусь племянника, а сын вдруг превратился в распутника, клеветника и шантажиста, за которого мне стыдно? Как какие-то полчаса или час могли всё изменить?

... Людмила серьёзно задумалась, отведя в сторону взор травянистых огромных очей и убрав с лица белокурую прядь. Девушка сомневалась, стоит ли ей что-то говорить так уважаемому Иннокентию Александровичу, но всё-таки решила честно ответить на эти сложные вопросы и тихо изрекла:

– Что я могу на этот ответить, многоуважаемый Иннокентий Александрович? Лишь постараться без лжи вежливо высказать своё мнение. Нет, я не считаю-с вас виноватым ни в коем случае, вы-с для меня – образец дворянина и христианина, я испытываю к вас, сударь, глубокое уважение. Однако я одобряю поведение моей любимой матушки и её суровый тон сейчас в разговоре с вами, потому что она просто беспокоится за моё здоровье, жизнь, дальнейшем благополучии

наших с Евгением отношений, ведь мы уже через два месяца станем мужем и женой. Так устроил Господь Бог женщину, Еву, и, естественно, у неё унаследовали это качество и все женщины, что здоровье и счастье своих детей женщина ставит выше всего. Так же моя матушка заботится обо мне, потому что Николая представляет для меня реальную опасность. И эксцесс с мадмуазель Пчёлкиной и чаем меня очень напугал. Если бы я не откинулась назад, то я потом долго бы лечилась от ожогов! Господь спас меня в этот момент! Я очень благодарна Евгению, что он повёл себя в этот момент, как настоящий защитник своей невесты. А то, что Евгений и Николая разные, как лето и зима, возможно, не следствие воспитания, они – личности, у каждого свой круг общения и интересов, люди, чьё мнение для них дорого, неповторимый характер, гены в конце концов. Они никак не могут быть похожими, как близняшки, потому что не всё зависит от воспитания. Мне самой очень неприятно, поверьте-с, что я стала причиной раздора двух кузенов, но я, могу поклясться Христом, что я не виновата: я верна Евгению, а Николая с самого начала дала понять, что моё сердце занято и у него нет ни единого шанса. Я не знаю, почему его это не останавливает, но я не давала никакой надежды Николаю, я твёрдо отказываю ему. Что же касается той истории, когда я час танцевала польку, причём в первые полчаса я так стоптала ноги в кровь, что смогла продолжить следующие полчаса только без обуви, но не стала никому жаловаться, те вторые полча-

са действительно всё изменили. Да, такое бывает, и не только в книгах, но и в жизни: такая мелочь, как полчаса, иногда может изменить всю оставшуюся жизнь. Просто мы все трое показали своё настоящее я, мы не поменялись в мгновение, просто показали те черты характера, которые скрывали до этого момента от окружающих. Дело в том, что я очень эмоционально, ритмично исполнила танец, ведь это сейчас я снова стала здоровым человеком, а тогда во мне кипела лава боли и переживаний, которые я и выразила в экспрессивном танце. Евгений и Николая каждый по своему поняли увиденное. Если до этого Евгений по незнанию моей болезни считал меня капризной и избалованной глупышкой, то во время танца он смог оценить и меня, и всю необыкновенную красоту танца, и проявить свою потрясающую заботливость, увидев, как я покалечила ножки. Он первый приехал помириться с подарком, который меня тронул до глубины души, стал интересоваться мной, такой же ли у меня необычный характер, как и танец. Смог понять, принять меня, какая я есть, стал общительным, чутким, потому что понял, что я без него пропаду, что я нуждаюсь в нём. Мы не делали глупой ошибки, пытаясь заставить измениться друг друга, любя, мы сами старались стать чуть лучше. Евгений раскрылся, и как человек, джентльмен, и как писатель, творческая натура, стал смелее, ведь раньше у него была заниженная самооценка, он считал идеалом Николая, и только я смогла доказать ему его значимость. И я стала больше уделять время как

и своему развитию, так и внешности, чтобы соответствовать жениху. Николая же, как истинный ловелас и пустышка увидел в этом танце только красоту и страстность, и я уверена, что он не любит меня, а лишь желает, как мужчина, потому что ушло оценил мой танец согласно старой восточной поговорке: «Какая женщина в танце, такая будет и на ложе любви». Что скажите о моих размышлениях?

– Что я могу сказать? Вы-с необыкновенно мудры для ваших юных лет... – промолвил старый седой граф Шустров.

Между прочим, граф не слукавил сейчас Людмиле, Иннокентию Александровичу пришлось по душе мудрость юной княжны, и ему показалось. Что девушка действительно правдиво и разумно объяснила происходящее в этой странной истории любви и польки...

Но жаль, что Людмила Варшавская была лишь юная беззащитная светская барышня, и без достойного защитника никакая мудрость не могла помочь ей противостоять грубой мужско силе Николая...

...Тем временем, в санях по зимнему морозному Санкт-Петербургу, где снежинки играли в салочки, ехал довольный Евгений Дубов, кутаясь в тёплое суконное пальто с собольим мехом. Его ответственные переговоры с издателем и корректором лучшего издательства Санкт-Петербурга удались с большой выгодой для молодого поэта, это давало хорошие перспективы Евгению.

Он был так счастлив, что не замечал холодной погоды, а

лишь отметил красоту русской зимы.

Вдруг Евгений напрягся, нахмурил рыжие брови и нервно правил пенсне: ему дорогу перегородил нарядный, в военной шинели с опушкой из меха куницы с разлохмаченной модной светло-русой стрижкой и бакенбардами. Его белоснежная идеальная улыбка была похожа на настоящий ядовитый оскал.

– О, мой дорогой кузен! Какая встреча! А я узнал от отца, где ты сегодня был, какой дорогой будешь ехать домой, и вот-с, стою, жду, чтобы пообщаться без посторонних! Мы же братья... – произнёс протяжно, с тоном издёвки Николая.

О, если бы Николая так себя повёл когда-то давно, ещё до помолвки Евгения и Людмилы, Женя бы ликовал, как во время благодарственной молитвы, но теперь он знал истинное лицо такого двоюродного брата, которого и врагу не пожелаешь...

...Они теперь знали натуры друг друга, поэтому Евгений с неприязнью ответил на приветствие:

– Ну, здравствуй, Николая, рад, если у тебя хорошее настроение, но совершенно не понимаю, о чём мы можем говорить, и как у тебя язык поворачивается после такого предательства и хамского поведения братом меня называть! Разве, может, ты образумился, наконец-то решил оставить в покое мою невесту и пришёл сообщить об этом и прощения за былое попросить, тогда другое дело, я с большой радостью прошу глупого брата...

Николя самодовольно фыркнул и начал говорить заготовленную заранее ложь, в надежде рассорить Людмилу и Евгения:

– Смешной ты, прямо как неуклюжий глупый ребёнок! За что я-то должен просить прощения? Да, я влюблён в княжну Варшавскую, я ухаживал за ней, и уговаривал, и, сознаюсь, шантажировал в начале, испортил собственное сватовство к мадмуазель Пчёлкиной, и, да, сначала ты был нужен мадмуазель Людмиле, она отвергла мою любовь, пожаловалась тебе, но неужели ты думаешь, что я столько времени трачу в пустую? Она продемонстрировала свою гордость вначале, но потом мы прекрасно поладили, у нас давно греховное сожительство, а ты наивно веришь в её верность и невинность! Ловко же прекрасная княжна тебя за нос водит! Вот и хочу тебе наконец-то глаза на правду открыть, ты ж мне брат всё-таки!

Евгений какое-то время посидел в санях, в полной тишине, где даже падение снежинок было слышно, обдумал происходящее с несколько минут, а потом его большие глаза-вишенки заблестели, а молодой человек разразился смехом:

– Неверна? Решил глаза мне открыть? Ха-ха-ха, ты меня насмешил, Николя!!! Давно я так не смеялся! Любовь у них! Какая-то очень уж подозрительно издевательская над Людмилой любовь выходит: то ты пишешь на неё донос в жёлтый дом, то в записке шантажируешь её, а уж сколько раз ты угрожал и оскорблял её просто на словах, уже и счёт поте-

рян! Ха, если после этого мадмуазель в здравом уме ответила бы тебе благосклонностью, то я бы не поверил и засомневался в своём душевном здравии! Нет уж, я верю Людмиле, и прекрасно знаю, что такому нахалу и проходимцу, как ты, Николая, солгать совсем несложно! Ха! Николая, запомни раз и навсегда: обманешь того, кого в зеркале увидишь!

Николя в ярости раскраснелся и крикнул в ответ сквозь завывание метели:

– Евгений, а с каких пор ты такой умный стал? Ну, ладно, раз такой умник, расторгай помолвку, пока с тобой беды не случилось! А то, раз я «проходимец», как ты меня сам же назвал, я ведь не только Людмиле могу навредить!!! Тебе что кажется лучше, что ты выбираешь: прожить долгую спокойную, в полном благополучии жизнь или яркую, запоминающуюся, романтическую, но короткую и полную страданий?! Её светлость Людмила – настоящая женщина-огонь, а ты летишь на свет её огня, как мотылёк, не боишься погибнуть от такой любви?!

Евгений поправил цилиндр на голове, тяжело задышал, вышел из саней, выпрямившись в полный рост, как могучий богатырь или крепкий дуб и тихо изрёк:

– Вот она, твоя липовая братская любовь! Эх. Николая, а мы-то все ждём, что ты поумнеешь, ты же в ответ на наше с Иннокентием Александровичем терпение наглеешь, угрожаешь мне. Разве так себя поведёт христианин по отношению к двоюродному брату? Мне даже странно, откуда у тебя такая

жестокость, что ты меня ради интрижки прикончить готов. Что ж, я отвечу так: я люблю прекрасную княжну Людмилу, свою невесту, в скором времени жену, ни на миг не сомневаюсь в её невинности, если нужно, я готов погибнуть ради нашей любви. Но вот не даром пожилые бывалые люди говорят, что каждый думает в меру своей испорченности. Лично я, ни тогда во время танца, ни потом, общаясь с ней, как жених, не заметил в ней никакой страсти, ни малейшего намёка на греховную блудливость. Да, она чрезмерно эмоциональна, при этом кокетлива, женственна. И всё. А если учесть, сколько у неё добродетелей: образованность, природный ум и набожность, доброту, целомудрие при её-то красоте, так можно продолжать долго, понять не могу, о какой женщине-Огонь ты говоришь. Добрейшая и милейшая совсем юная мадмуазель. Не чувствую в ней никакого огня, а себя не чувствую мотыльком, мы любим друг друга, но любовь и страсть две противоположные вещи. Так что смотри не за мной, Николая, а за собой, чтобы сам же в своих ушлых страстях не сгорел, как мотылёк! Всё, разговор окончен!

После этого могучий крепкий Евгений поправил своё большое широкое модное пальто с соболиным мехом, сел в сани и направился сквозь неприятную завывающую метель домой, оставив Николая ни с чем.

Николя так разозлился, что быстро по снегу, ругаясь, как сапожник, ловко преодолевая сугробы, умчался в лес, там долго катался в снегу, чтобы остыть от прилива гнева. А, ко-

гда уже стемнело, то его осенила одна страшная мысль, и со злорадной ухмылкой Николая подумал: «... Ну, всё, Евгений, сам напросился, сделаю так, что ты в день свадьбы на каторге будешь, а Людмила, прежде чем тебе достаться, сама ко мне прибежит, да и отца-предателя, которых всё наследство Евгению оставил, накажу!...».

Глава « Ход конём со стороны Николая»

... Все, кроме Николая, чудесно справили Рождество Христово и Крещение, с нетерпением ждали венчания Евгения и Людмилы. Молодой поэт граф Евгений стал делать невесте дорогие подарки в виде самых изысканных ювелирных украшений и модных французских вещей дамского гардероба, делал дорогостоящие презенты Евгений и скромной Зое Витальевне: и дорогую посуду, и китайскую фарфоровую вазу, и пуховый красивый платок вишнёвого цвета, и золотые иконы...

Конечно, сейчас, в конце января, все мысли прелестницы Людмилы и её матушки были о подвенечном наряде княжны, ведь каждая невеста хочет быть самой красивой и счастливой в день своей свадьбы, как сказочная принцесса.

Людмила остановила выбор на изысканном и целомудренном, с длинным рукавом, белоснежном платье с обилием кружев и маленьких белых роз. К нему она с мамой ещё купила длинную, в три метра, изысканную фату и венок из белых роз.

... Но та январская ночь выдалась особенно тёмной, бурян

носился по пустым безлюдным улочкам Санкт-Петербурга, скакал по мостам и крышам, будто взбесился, мороз крепчал, досаждая простым обывателям столицы...

...В имении графа Иннокентия все крепко спали, найдя самые тёплые местечки. Спал богатырским сном, закрыв плотно суконный охровый вышитый цветами балдахин, в своей кровати и сам старенький седой Шустров...

...Вдруг в дверь спальни робко постучали. Старческий сон графа Иннокентия Александровича оказался чутким, он протёр глаза от ночных грёз, распахнул балдахин, зажёл свечу в золотом подсвечнике, накинул свой барский расписной дорогой халат поверх атласной ночной рубашки и промолвил, кашляя по-старчески:

– Кто там? Проходите...

В спальню отца вошёл Николая со слащаво-приторной неестественной улыбкой и нехорошим, злым взглядом, с распушенными светло-русыми бакенбардами и красивой новой стрижкой из светло-русых волос, в парадной одежде, а на плече поверх доломана висела кожаная военная сумка с гербом.

... Граф Шустров был огорошен странным поведением сына, он поражался и не мог понять, почему тот не спит, а пришёл к нему так поздно, да ещё одетый с таким лоском. А ещё граф никак не мог понять, с чего бы сыну по дому ночь расхаживать в выходном наряде, да ещё и с походной военной сумкой. Не на войну же едет!

Ошеломленный Иннокентий Александрович тихо прокашлялся и начал разговор:

– Николая, сын, а это что за странности? Зачем ты дома в мундире ходишь? Почему не спишь, а ко мне пришёл? Неужто уехать надумал?

Николя прикрыл дверь с едва заметным злорадством (ему только на руку было, что отец с ним так доверчиво разговор начал) и ответил с напускной искусственной нежностью:

– Да, вот, отец, в последнее время из-за моего конфликта с Евгением у нас с тобой такие тяжёлые отношения были, а я же тоже переживал, и совестью мучился (ха, Николая знал, что умеет ловко лгать, как же наивно отец сейчас поверил в раскаяние, которого и в помине не было). Понимал, что грех творю, а ничего не мог поделать, так сильно влюбился в прекрасную княжну Варшавскую, в невесту Евгения, никак не мог со своими эмоциями справиться. И всё-таки решился уехать, пожить за границей, мою неразделённую любовь излечит, надеюсь, расстояние, и, вот, уезжаю рано утром, поэтому уже оделся и пришёл к тебе, отец, поговорить по душам...

– Ох, сынок... – тяжело вздохнул седой старый сморщенный Иннокентий Александрович – ох, нелегко и мне сейчас, но садись рядышком, поговорим, мы же не чужие люди друг другу...

После этого Николая сел на край кровати рядом с отцом, тут граф отвернулся, чтобы выпить несколько капель вале-

рьянки...

А Николая молниеносно достал из военной сумки кусок каната и накинул на морщинистую шею отца, начал душить и торжествующе прошипел:

– А это – месть за всё! За то, что пытался помешать моим планам, за то, что лишил наследства, что Людмила досталась этому дурачку Евгению, а не мне!

Иннокентий Александрович испугался до дрожи, ему ещё хотелось жить, его старческие руки задрожали от холодящего ужаса, а из души вырвался истошный вопль отчаяния:

– Помогите-е-е-е-е-е!!!! Кто-нибудь-у-удь, помогите-е-е-е-е-е!!!! На помо-о-ощь!!!!

И тут в своей спальне проснулся от этих воплей Евгений. Он не понял, что именно могло случиться, но сразу узнал голос дяди, ловко соскочил и прямо в ночной сорочке побежал в его спальню! Как только молодой поэт увидел коварство Николая, то сразу вырвал из его рук верёвку, повал на два больших куска и закричал:

– Не смей, слышишь!!! Подлец, мерзавец, негодяй!!! Не смей поднимать руку на старого человека!

И всё, вот тут у Евгения и Николая завязалась прямо на полу, устланным дорогим ярким ковром, настоящая драка, жуткая схватка! Если кто-то из вас, мои дорогие читатели, почувствовал испуг во время схватки Евгения и Николая в осеннем лесу после неудавшейся дуэли с ягодой вместо пули, то это цветочки по сравнению с тем, как молодые люди

сцепились сейчас!..

Дядю Евгения так и лихорадило от такого зрелища! А самое худшее для него было то, что старичок не знал, как остановить буйного сына-предателя и любимого племянника, который оказался благодарнее и ближе родного сына!

А молодые люди жестоко дрались, исцарапали в кровь друг другу лица, катались по полу, рычали, как львы, все руки у них покрылись гематомами, а верх одежды превратился в клочки. Николая пытался схватить кусок верёвки и придушить Евгения, но тот с такой силой толкнул Николая, что незадачливый интриган отлетел и ударился об шкаф. Евгений схватился за столешницу письменного стола, чтобы обороняться, но Николая ловко выбил столешницу из рук неуклюжего Жени, и схватка продолжилась на полу...

... Кто-то из крепостных крестьян помчался за полицией, а старый граф Шустров сидел и рыдал с мыслью: «Я, как наивный маленький ребёнок, поверил в липовую любовь и раскаяние Николая, а он просто прикончить меня хотел, а мой милый Женя жизнь мне спас! Жизнь спас!!! Я навечно должник Женечки!»...

... Тут вместе с наступлением рассвета всё это ужасное действие прервалось свистком главного полицейского, с которым было ещё несколько полицейских, чиновников и офицеров.

– Так-с, прекратить этот беспредел, встать ровно! Объясните, что произошло! – скомандовал бравы полицейский.

Измождённые и изуродованные царапинами и кровоподтёками Евгений и Николая с трудом выпрямились. Николая с ехидством глянул на Евгения, в голове преступника уже была мысль. Как правильно довести свой план до конца, а ничего не подозревающий Евгений был рад, что спас жизнь дяде, и сам выжил и с облегчением подумал: «Слава Богу, живые все, и наконец-то этого подлеца в тюрьму отправят, да хоть спокойно поживём, пока его не будет, переволновался я за дядю, но, спасибо Господу Христу, я успел его спасти...».

Николя же начал всхлипывать, обнимать ошарашенного отца (конечно, граф Шустров впал в шок, тут сын чуть не прикончил его, а тут уже обнимает, старенький граф поздно раскусил всё коварство Николая) и причитать:

– Да вот, господин полицмейстер, большая моя вам благодарность, что в вовремя успели, я так за отца переживал! Понимаете, я – человек военный, на побывку приезжаю редко, сегодня хотел сделать отцу сюрприз, ночью приехал, чтоб утром увидеться, а с дядей мой кузен, сударь Евгений Петрович Дубов живёт, он же наследник имения. И он давно мне жаловался, что хочет быстрее получить наследство, а сегодня ночью творилось что-то ужасное: я проснулся от крика отца, прибежал, а этот негодяй хотел верёвкой придушить его! А я вырвал верёвку, порвал на два куска, как видите, и всё, мы с кузеном сцепились. Но я рад, что всё хорошо кончилось!

Евгений исцарапанное круглое лицо вытянул от удивле-

ния и глаза-вишенки вытарашил: он не мог слышать эту совершенно хамскую наглую ложь и клевету! Это их история, только наоборот! Николая покусился на жизнь отца, а Женя спас дядю!!! Это просто... вопиющий ужасный цирк!

Сам старенький сморщенный граф Иннокентий Александрович не стерпел такой лжи, оттолкнул от себя Николая и гневно крикнул:

– Ты что лжёшь, возводишь поклеп на Евгения, а, зараза, змий подколодный! Ты меня чуть не прикончил, а мой любимый племянник Женечка спас! Уйди прочь, пёсий сын, видеть тебя не желаю!!!

Николя для большего эффекта жалобно потёр глаза и звучно протянул:

– Вот, видите, господин полицмейстер, как мне тяжело: двоюродный брат предал нас с отцом, а отец говорит, что всё наоборот было, просто потому что он уже большой человек, маразм, вот, даже сына перестал узнавать! Как обидно-с! Я жизнь ему спас, а он меня змеёй подколодной обзывает! Но как можно слушать бред старика?

Бравый полицейский Артамон внимательно слушал и наблюдал, хотя всячески скрывал свой незаурядный ум под маской бравого удальца. И у него закралось нехорошее подозрение, что молодой человек мог в чём-то и солгать, но крепкий полицейский решил не спешить с выводами, а сделать вид, как будто поверил, так называемому, сыну и посмотреть, как дальше будут вести себя все трое участников

конфликта.

– Так, что ж, маразм так маразм, арестуем пока его сиятельство Евгения Петровича, будем разбираться, что к чему. Будьте, сударь, готовы, что вас, как сына, тоже будут опрашивать... – после этого полицмейстер обратился к Евгению – молодой человек, прошу-с прощения за бестактность, но вы сейчас в совершенно непотребном виде, ночной сорочке, да и лицо с причёской не комильфо, прошу-с вас привести в должный вид: одеться прилично, расчесаться, умыться царапины. А ещё попрощаться, если вы хотите с кем-то поговорить перед арестом. На всё даю вам час, и поедете с нами в канцелярию....

Старенький седой граф разрыдался, как ребёнок, услышав об аресте ни в чём невиновного племянника, заголосил:

– Господи! Господи! Прости меня, многогрешного! Женечка!!! Это несправедливо, это жестоко!!! Ты меня спас от этого подлеца Николая, которого сыном после этого не хочу называть, я навечно в долгу перед тобой, а тебя, родной мой, без вины всякой в тюрьму увезут!!! Не прощу себя!

Молодой человек же подошёл к дяде неуклюжей походкой медвежонка со слезами в огромных жгучих глазах-вишенках, нежно вытер слёзы Иннокентия Александровича рукавом ночной рубашки и нежно изрёк:

– Дядя, милый, не плач, всё хорошо будет, и не надо мне никаких долгов от тебя, я спасал тебя от Николая просто потому что люблю! Люблю! И не надо мне ничего взамен. Так

же, как ты тогда спас меня во время драки в лесу, ничего не требуя замен. Я прошу тебя просто: береги себя и Людмилу, пошли к Варшавским самого быстрого холопа, чтобы предупредил об опасности, и пусть они с Зоей Витальевной уедут пока. А как только докажем, что Николая очернил меня, я сам разберусь...

– Женечка, родимый, верь, я кругом дойду, и справку из жёлтого дома о том, что здоров, возьму, чтобы моим показаниям верили, мы добьёмся справедливости! Николая получит по заслугам! Господь не должен нас так обидеть! – постарчески просипел Шустров, ласково обняв крепкого поленького Евгения.

– Ладно, дядя, ты только не страдай так, я пойду одеваться, приказ есть приказ, и знай, что я докажу правду и скоро вернусь...

Бравый мудрый полицейский отметил для себя этот разговор, и его подозрения усилились, он начал догадываться, что всё было так, как говорил сын потерпевшего, только Евгения и Николая надо местами поменять, Евгения из преступников в герои вернуть, а арестовать лжеца. Но как доказать, полицейский пока не понимал, поэтому решил изобразить, будто ему всё равно и он не слушал сейчас нежности племянника и дяди.

... Скоро Евгений вернулся из своей спальни расчесанный, одетый, как полагается, в брюки-лосины, рубашку с жилетом и в серый сюртук, на носу уже были новенькие пенсне

(те разбились во время ночной схватки с Николая) а на плечах пальто с соболиной отделкой. Лишь измученное бледное исцарапанное лицо напоминала страшные события минувшей ночи...

Бравый удалой полицейский связал ему руки и слегка намекнул:

– Ничего, в камере нет ни крыс, ни сырости, и казенные харчи неплохие, доживёшь до суда, а там разберутся, кто из вас правду говорил...

И всё, полицейская карета вместе с Евгением с грохотом исчезла в бушующей метели...

... Иннокентий Александрович накинул шубу на то, в чём был, и выскочил в порыве эмоций во двор, слезы душили старого графа, он не понимал, как на белом свете может произойти толь подлая несправедливость, не понимал, как выручать Евгения, но его сердце рвалось со всех сил к племяннику...

Тут к отцу со злорадной ухмылкой подошёл Николая и демонстративным превосходством протянул:

– О, да, это то, чего я и добивался! Мой спектакль-месть был разыгран, как по нотам! Сначала изобразить, как будто я устроил на тебя покушение, добиться, чтобы на твой крик прибежал Евгений, сцепиться с ним, а потом обвинить в покушении этого дурачка кузена, твоего любимца, а теперь просто солгу княжне Людмиле, что я вытащу Евгения из тюрьмы, если она будет со мной! Блестящая игра, не правда ли?

От этих слов старый граф пришёл в такую ярость, какой ещё не знал за свою долгую жизнь, в приливе гнева с такой силой внезапно дал сыну-интригану пощёчину, что тот упал в высокий снежный сугроб, и только кровь из разбитого носа капнула ярким пятнышком на снег.

– Отец?! Это... это... что такое было сейчас?! – удивлённо и недовольно протянул Николая, и тут уже седой граф решил не терпеть и не молчать, он гневно закричал:

– Ты, позор нашей семьи, подлец, негодяй, для которого нет ничего святого, безбожник, покусившийся на жизнь отца, бессердечное животное ещё недовольство сейчас будешь показывать?! Всё!!! Всю жизнь я вас с Евгением любил, баловал, потакал любому капризу, и он, как настоящий сын, любит меня, заботится обо мне в старости, как я о вас в детстве, а ты! Ты предал меня, забыл всё хорошее, посмелся над моей отеческой любовью, докатился до того, что чуть не придушил меня! И я не знаю, розыгрыш это был или нет, и не хочу, потому что с такими вещами не шутят, и я теперь не поверю ни одному твоему слову, потому что ты – последний лгун, бессовестный обманщик!!! Всё!!! Я долго пытался тебя вразумить, но ты уже обнаглел, чувствуя свою безнаказанность! Ты мне не сын больше! Ты отныне мне не сын!!! Давай, вставай, иди в дом, собирай в сундуки свои вещи и проваливай раз и навсегда, мне всё равно, что будет с тобой! Даю тебе час на сборы!!! И её светлость Людмила никогда не будет твоей, так и знай, она в любом случае останется с

Женей, потому что ты не человек, а какое-то озлобленное существо на фоне Евгения! Разговор окончен, прощай!!!

...Опешивший Николая с трудом после всех ночных приключений встал и пошёл в свою комнату: собирать вещи, деньги в сундуки, всё-таки теперь ему придётся жить самому на съёмной квартире, потеплее оделся и вышел на крыльцо в надежде, что отец передумает, протянул:

– Оте-е-ец...

Шустров только рявкнул в ответ:

– Не называй меня отцом, ты мне не сын! Я тебя не знаю!

Проваливай!

Николая, бледный от усталости и разочарованный в собственной идее, поехал пока со своим скарбом на постоянный двор...

..А Иннокентий Александрович Шустров постоял, почувствовал холод и задал себе вопрос: «Что же мне сейчас делать-то? С чего начать?». И, как только Николая исчез из дома в почтовой карете, у седого старенького Шустрова выработался план действий. Для начала он отправился в свою комнату и навёл шикарный марафет, как полагается графу. Затем написал княгине Зое Витальевне краткое письмо-предупреждение и дал распоряжение крепостному мужику Трофиму идти в имение Варшавских и как можно скорее передать это письмо её светлости барыне Варшавской или молодой барыше, её дочери. А лишь потом сел в карету и направился в жёлтый дом, чтобы получить справку о своём душевном бла-

гополучии, иначе никто не будет его слушать, а так он докажет, что не маразматик, а, значит, его допустят в суд, где его показания могут стать спасительными для Евгения...

... Тем временем в камере, куда привезли Евгения, происходило своё действие, о котором другие главные герои этой истории пока не знали. Когда Евгения Дубова привезли в тюрьму, тот самый бравый полицейский, сначала дал ему покушать хотя бы хлеба с кашей и подремать какое-то время, а потом вызвал на допрос.

... Если честно, идя на допрос, наш Евгений не ожидал избавления от каторги, ему казалось, что Николая всех перехитрил, и молодой поэт чувствовал себя удручённым.

... И вдруг Жене пришла поразительная мысль: «Ну, должен же Господь мне помочь как-то, не бросит наш Христос Вседержитель человека в такой беде! Должен быть выход! Но вот какой?».

А в комнате для допросов его ждал дружелюбно расположенный бравый полицейский за столом, на котором лежала Библия.

– Здравия желаю, сударь, садитесь на тот стул, не волнуйтесь так-с, разберёмся. Сначала скажите: вы верующий человек? – неожиданно начал разговор полицейский.

Евгений не ожидал такого вопроса и с круглыми удивленными глазами-вишенками ответил:

– Да, верующий, православный, а что?

– Тогда вы-с должны знать, что после клятвы на Библии

отвечать на допросе только правду, если вы солжётё, то будете виновны не только перед законом, но и перед Господом... – с доброжелательной улыбкой пояснил полицейский, поправил усы и уточнил – Ну-с, будете клясться?

– Да, буду, – произнёс Евгений уже менее уныло – мне в этой истории нечего стыдиться...

После принесённой клятвы Евгений занял стул, а полицейский начал задавать вопросы:

– Просто ваш кузен его сиятельство Николай Иннокентьевич Шустров говорил весьма правдоподобно о своей трагедии, любой другой, менее внимательный и чуткий полицейский, поверил бы сразу ему, но меня он провести не смог. Я не поверил его крокодильим слезам. Я очень хорошо заметил, что, когда он притворялся любящим сыном, что ваш дядя, потерпевший, его сиятельство Иннокентий Александрович Шустров, возмутился и оттолкнул сына, не желая принимать ласку. А, когда вы подошли к нему, вы о чём-то долго разговаривали, причем по нежным жестам, мне показалось, что он любит вас больше, чем сына. И только тогда ваш кузен стал говорить о маразме своего отца. Скажите, ваш дядя, действительно страдает маразмом? Это подтверждали врачи из желтого дома? А вы сами замечали у дяди проблемы с рассудком? И о чём вы переговорили с дядей перед арестом?

Евгений большущей рукой задумчиво потрепал себя за каштаново-рыжие волосы, потеревбил пенсне и ответил:

– Нет, никогда у нашего воспитателя, моего дяди, отца

графа Николая не было проблем с рассудком, он известный человек в дворянском обществе по сей день, в жёлтый дом никогда не обращался. Никак ему не могли поставить врачи маразм, у него не было повода сомневаться в своем душевном здоровье и обращаться в их заведение. Я же со стороны могу и ошибаться, я не врач, а поэт, но мы близки с дядей, и никогда я не замечал, чтоб у него были с возрастом проблемы с умственным здоровьем, а иногда мне кажется, что в этом плане он здоровее нас с Николая. Как вы догадались, так на модный французский манер я сокращаю имя кузена. О чём мы переговорили с дядей перед арестом? Ничего тайного, так, дела семейные. Он плакал, возмущался предательством Николая, говорил, что после этого он не сын больше ему, благодарил меня за спасение жизни, что, мол, мой должник, сокрушался, что меня без вины очернили, арестовали. Я же в ответ успокаивал его, обещал, что докажу свою невиновность и восстановлю справедливость, говорил, что люблю его и не жду от него ничего взамен за спасение, что я просто люблю его и хотел помочь совершенно бескорыстно. Успокаивали друг друга...

– Хорошо, мне нравится ваша открытость, сударь. Я, слышал ваш разговор, и вы не солгали сейчас, только вы мне не упомянули, кто же такая мадмуазель Людмила Варшавская, которую вы просили сберечь, я прошу пояснить мне это. А так же начать историю покушения с самого начала вашу версию. Прошу по ходу рассказа пояснить мне такую

странность: вы и дядя были в ночной одежде, а ваш кузен почему-то дома в парадной военной форме. Это правда, что он прибыл только сегодня ночью на побывку, а был в полку? Почему вы выглядите таким удрученным? – с ещё большим дружелюбием продолжил разговор полицейский.

– Ну, я не упомянул мадмуазель Людмилу чисто из джентльменских побуждений, чтобы её в качестве свидетельницы не впутывали в эту историю, а так никакой тайны нет, её светлость княжна Людмила Борисовна – моя невеста. Юная хрупкая мадмуазель шестнадцати лет. Между прочим, у нас через две недели свадьба должна быть, всё уже и к венчанию готово, и к балу, даже приглашения разослали. И, раз уж в услышали, я попрошу-с вас: пригляните за моим дядей и её светлостью Варшавской, чтобы Николая не мог им причинить вред. Я буду искренно благодарен, если вы-с поддержите меня в этом. Просто так получилось, что мой дядя и многоуважаемая маменька княжны сосватали нас без нашего согласия, но при более длительном общении мы по-настоящему влюбились, поэтому радовались, что брак будет по любви, дружили вчетвером: дядя, княгиня Варшавская и мы с княжной. Но потом Николай стал пытаться отбить у меня невесту, причём самыми подлыми способами, вынуждал её предать меня шантажом, угрозами. Так что изначально конфликт был между мной и моим придурковатым кузеном, потому что я не дам в обиду Людмилу, она ещё невинная девочка. Дядя же вмешался в конфликт, пытаясь урезонить сына,

и граф всё наследство, которое хотел поделить между нами с Николя поровну, отписал только на меня. И, никто не ожидал в семье, что Николя докатится до такого, не знаю, зачем ему это, наверное, хотел отомстить за наследство отцу, прикончить, а, может, просто очернить меня чтобы я попал на каторгу, и, конечно, сорвалось наше венчание с Людмилой, но эта ночь была страшная. Я, как и обычно, крепко спал, и вдруг просыпаюсь от истошного, абсолютно непривычного для моего мирного дяди, вопля, я со сна не смог понять что именно он кричал, но я узнал его голос и понял, что происходит что-то страшное, помчался бегом, прямо в ночной сорочке в его спальню. Вижу: всё, кошмар! Николя накинул отцу на шею верёвку и душил, а дядя, бедный, аж покраснел!!! (На этих словах при воспоминаниях на глазах-вишенках Евгения появились слёзы, а голос слегка задрожал, а полицейский отметил себе это, как показатель искренности) Я в аффекте, не соображая ничего, кроме одного: спасти нужно, вырываю у него эту верёвку, разрываю на два куска. Тут между мной и кузеном завязалась, простите-с за просторечье, драка. Ох, как мы сошлись! Даже мифические Ахилл и Гектор не сражались с такой озлоблённостью! Господь свершил чудо, что мы не прикончили друг друга, так что даже хорошо, что кто-то из крестьян или прислуги сбегал за полицией, и нас разняли. Вот, как вы и заметили, в чём спал, в том я и перед полицией предстал. И я не знаю, с какой стати Николя нарядился дома. Лгал он вам, никуда он не уезжал,

он, как и многие дворяне, только числится в армии. А на деле он никогда не служил, он жил с нами, не уезжал никуда. Поэтому это либо его хитрость, либо глупость! И знаете, да, я чувствую себя подавленным, потому что я сирота с трёх лет и граф Иннокентий Александрович растил нас с Николая на равных, как родных братьев, ни в чём не обижал меня, я люблю дядю, как отца родного. Когда-то и Николая любил, как брата, пока не узнал, какая он змея подколотная! У меня до сих пор от испуга за жизнь дяди сердце из груди вырывается, я не понимаю, как он мог на отца руку поднять! И мне страшно, не за себя, а за дядю и невесту, что, если вдруг мы не докажем мою невиновность и приговорят к каторге, он ещё доберётся до них...

Для внимательного полицейского эмоции, с которыми вёл рассказ Евгений стали лучшим свидетельством его честности, что ни слова не солгал молодой поэт, он по взгляду, по голосу понял, что у Евгения Петровича сердце кровью обливается от переживаний за родных, в отличие от Николая, который просто спектакль перед полицией разыграл. Бравый мудрый полицейский долго думал, как среагировать, что можно сказать в поддержку, а потом тихо изрёк:

– Не волнуйтесь, сударь, мы сделаем всё, чтобы справедливость восторжествовала, вас оправдали и вы были готовы к своей свадьбе, а граф Николай Иннокентьевич отправился заслужено на каторгу!

Тем временем поздно вечером холоп Вадим, весь озяб-

ший и припорошенный снегом из-за сильного снегопада и холодной позёмки, добрался до имения Варшавских...

... Людмила и её ласковая матушка Зоя Витальевна молились, в имении царили спокойствие, витал аромат тёплого чая и лампадного масла, и поленья трещали в камине, обилие свечей создавали свет и уют, а камин и печки – тепло, когда слышали стук.

– Странно, кто мог приехать так поздно? Ладно, девка Маша сейчас откроет и скажет... – с лёгкой настороженностью нежно протянула маленькая кареглазая княгиня Варшавская.

– Не волнуйся, милая мамочка, я сама открою! – с милой улыбкой ответила Людмила, накинув на хрупкие плечи зелёную, как большие весенние очи самой красавицы, шаль.

Девушка легко в белом платье сбегала по лестнице, открыла дверь и манерно женственно захлопала от недоумения ресничками: она узнала Вадима, крепостного мужика Иннокентия Александровича, но совершенно не поняла, что ему нужно.

– Барышня, – начал Вадим, с поклоном подавая конверт с сургучной печатью – не сердайте, что тревожу в поздний час, но барин, граф Шустров, дядя вашего жениха велел срочно отдать его письмо вам...

– Благодарю, Вадим, я беру письмо, передавай поклон от меня Иннокентию Александровичу... – нежно произнесла Людмила, и Вадим тут же исчез в снегопаде и свете фонарей.

... Людмила же села на ступеньку парадной лестницы, чтобы прочесть послание...

... А там старый граф рассказывал историю с покушением и клеветой, предупреждал, что сейчас Евгений арестован из-за умелого поклёпа Николая, и что ей может угрожать опасность...

... Чем дальше девушка читала, тем сильнее, острее была душевная боль, а сердце рвалось на помощь любимому жениху, отчаяние перемешивалось с надеждой, а чувство страха соперничало с рвением действовать, не молчать, восстановить справедливость. Её душа кричала о боли и любви, плакала, подобно плачу Ярославны из «Слове о полку Игореве», и весь этот поток эмоций девушка выпустила из души самым настоящим рыданием взхлёб.

Услышав рыдания и вопли любимой доченьки, маленькая смуглая княгиня Зоя Витальевна с испугом в огромных карих глазах быстро поспешила к Людмиле, стала обнимать, целовать, ласкать по-матерински свою дочурку и нежно причитать:

– Ласточка, кровиночка моя ненаглядная, лапушка моя любимая, что такое? Что случилось? Не плачь так горько, лучше объясни, да, может, одолеем беду с Божьей помощью...

Но юная прелестница не унимала слёз, лишь протянула злополучное письмо маме, прошептав:

– Ой, матушка родная любимая хорошая моя, прочти это

и поймёшь, что горим мы, как швед под Полтавой...

Зоя Витальевна взяла письмо, внимательно прочитала и тихо ответила:

– Доченька, солнышко моё, успокойся, всё закончится хорошо, Евгений вместе с дядей докажут его невиновность, и Николая получит своё наказание, а даже, если вдруг у них не получится, Евгений – крепкий молодой человек и справится, вернётся с каторги живым и здоровым. В любом случае будет ваша свадьба, только при первом, хорошем исходе, в феврале, как и планировали, а при несправедливом, втором, ... когда срок отбудет. А ты будешь его ждать не здесь, чтобы Николая не обидел тебя Мы с тобой, лапушка моя, поедem в Польшу отдыхать, там и будем ждать вестей...

Просто случившееся в семье Евгения горе и омерзительный поступок Николая, конечно, забеспокоило Зою Витальевну, она искренно сочувствовала и всем сердцем мысленно и молитвами поддерживала потенциального любимого зятя, Евгения, но мудрая женщина понимала подлую натуру Николая. Понимала, что скоро он с новой силой будет помогаться Людмилы, раз защитника рядом нет, а здоровье и благополучие родной единственной доченьки для княгини были намного дороже благополучия любимого жениха дочери.

– Уехать?! Не за долго до свадьбы?! В Польшу?! Не бывать такому! Я люблю Евгения и, либо его оправдают, и свадьба, как и планировалось, состоится через две недели, либо я за ним на каторгу поеду, и там и обвенчаемся! – восклик-

нула Людмила с небывалой уверенностью в голосе и во взоре огромных изумрудных глаз...

Зоя Витальевна немножко огорчилась, услышав такие пылкие речи дочери, но преданность Людмилы жениху при всей тревоге за неё вызвала и восхищение у матери, поэтому княгиня лишь с горечью покачала головой, не показывая своё восхищение, но перечить не стала, только промолвила:

– Ладно, утро вечера мудренее, давай не будем принимать решение в эмоциях, отрада моя, мы же ещё толком ничего не знаем, кроме того, что написал в письме Иннокентий Александрович, я надеюсь, Господь не даст злодею Николаю торжествовать, суд будет справедливым, так что не будем отчаиваться, просто подождём какое-то время. Давай, ласточка моя будем успокаиваться, я тебя чаем с мятой, мелиссой и ромашкой напою, да будем уже отдыхать...

Собственно, так они и поступили, и даже немножко смогли поспать после успокаивающего чая, который так хорошо умела делать крепостная девица Маша.

...Да только не долгая передышка была, увы...

... На следующий же день, никто ещё не забыл прошлое потрясение, Николая уже готовил новый подлый ход в этой игре и собирался навестить юную прелестницу Людмилу...

... Людмила после утренней молитвы и долгих манипуляций со внешностью вышла к завтраку в столовую с аккуратной простой причёской из белокурых волос, в ярком малиновом платье с золотой каймой. А образ закончили рубиновые,

подходящие к платью серёжки-гвоздики, розовые пинеточки и красивая шаль в восточных огурцах, благодаря которой девушка казалась совсем худенькой и хрупкой, как ребёнок.

И тут, когда только кончился завтрак, Маша робко (на самом деле лишь казалось, что это – робость, просто девушка очень переживала за добрую отзывчивую молодую барышню, поэтому это была не робость, а волнение) пролепетала:

– Барышня-благодетельница Людмила Борисовна, там приехал с визитом его сиятельство Николай Иннокентьевич Шустров, кузен жениха вашего... хм... прикажете проводить к вам? Он просил передать, что у него есть к вам важное дело. Только прошу, подумайте, посоветуйтесь с барыней-кормилицей нашей, вашей многоуважаемой матушкой...

Зоя Витальевна и Людмила с ужасом переглянулись...

– Доченька, может, не пускать Николая? Это ж зверь, а не человек, давай я порошу нашего крепкого кучера прогнать его. Ну и что в том, что это считается моветоном? С нас сейчас вещи и поважней этикета есть... – стала кротко и ласково просить княгиня дочурку, но та бойко и резко ответила:

– Нет! Я хочу посмотреть в глаза этому нехристию, который покушался на отца родного, потом оклеветал невиновного Евгения, а теперь смеет ко мне с каким-то делом приехать! Я спрошу у него, какое дело может быть у меня, приличной мадмуазель, преступником и хамом!

Зоя Витальевна до дрожи испугалась за доченьку, но свя-

тая непоколебимость Людмилы на подсознательном уровне подсказала княгине Варшавской, что дочери можно доверять, а от Николая они всё равно не смогут бегать постоянно...

Так рассудив, княгиня с кротким взглядом карих глаз изрекла:

– Что ж, раз так, проводи, Маша, его в гостиную, мы сейчас к нему выйдем...

Крепостная девица Маша быстро убежала, а Зоя Витальевна в голубом палантине прошествовала в гостиную вместе с любимой доченькой.

... Внешний вид Николая в этот раз был в разы хуже: парадный военный мундир помялся, а на лице ещё не зажили следы той самой роковой ночной драки. Зато надменная белоснежная ухмылка и тот факт, что светло-русые волосы и бакенбарды Николая уложены по последним требованиям моды подчёркивали его статус победителя...

– Оу, какая милая встреча-с! Мадмуазель, вам идёт красный цвет, цвет страсти, вы великолепны-с! Прошу-с, ваша светлость, не осуждать меня за помятый вид, и простить мой приезд без предупреждения... – начал томным голосом разговор Николая, но Людмила грубым тоном резко прервала его лесть:

– Ничего-с, можете не извиняться за свой непотребный вид и внезапность визита, это – незначительные мелочи по сравнению с теми гнусными низкими гадостями, которые вы

сотворили, но почему-то даже не думаете раскаиваться! И можете не расточать мне лживые комплименты, потому что я вас ненавижу, и после такого аморального поступка не хочу иметь с вами ничего общего! И вы, сударь – бесстыжий лжец, поэтому я не верю ни одному вашему слову!!! И, знаете, в Библии багряница Христа тоже красного цвета, так что это цвет не только победы или страсти, это так же цвет страданий невинных людей...

Сказать, что Николая удивился такой реакции, это значит, ничего не сказать.

Он застыл огорошенный, не понимая, что она имеет в виду, и с трудом выдавил из себя:

– Ваша светлость, я, право, не понимаю, чем я не угодил вам-с, и что вы имеете в виду, говоря об аморальном поступке и, если вы так рассержены на меня, то почему приняли сейчас в качестве гостя?

Людмила же со слезами в огромных травяных очах вскрикнула:

– Да вот-с, знаете, Николая, я всю жизнь только с приличными добродетельными людьми общалась, захотелось мне на вас, настоящего морального уroda посмотреть!!! Да, сударь, не удивляйтесь, мне ваш отец в письме описал ваше мерзкое преступление, и моё мнение о вас совсем испортилось! Никогда не ожидала такой низости от вас! Даже животные милосердней и разумней такого человека, как вы, граф Николая! Это ж вы докатились до покушения на жизнь род-

ного отца, а потом оклеветали Евгения! Ужас! Вот, мне и захотелось из любопытства чисто взглянуть на такого хама и спросить: что у меня, русской порядочной девушки может быть за общее дело с таким омерзительным сударем, как вы?!!

Николя побагровел от злости, поняв, что отец опередил его, Николя собирался рассказать Людмиле об этом эксцессе, но скрыв причину драки с Евгением, солгав, что того арестовали именно просто за нападение на кузена, чтобы всё выглядело более благородно, но стоял растерянным молодой человек не долго.

Демонстративно ухмыльнувшись, Николя протянул:

– Оу, мадмуазель, как красноречиво вы-с показали свой строптивый характер! Очень интересно! Но сначала выслушайте меня до конца, и, быть может, у вас убавится гонора, я же не зря сказал, что у меня к вам-с важное дело. Мы-то знаем о невиновности Евгения, но вот теперь как доказать это? Я дал ложные показания, моего отца опрашивать не будут из-за таких преклонных лет, так что жених-то ваш-с на каторгу поедет, а на каторге ох. Тяжко, ох, не все выживают, а кто и вернулся, то здоровья почти не осталось, мало, кто перенёс каторжные условия без сильных потерь для дальнейшей жизни. И единственный, кто может спасти Евгения от каторги – я, так как я могу уговорить судей благодаря связям. У меня есть хорошие знакомые среди чиновников, которые помогут получить Евгению оправдательный вердикт (Нико-

ля специально для своих целей сочинил Людмиле об этом, конечно, не было у него на самом деле никаких особо важных связей). Что я буду просить взамен? О, да, вы не глупы, прекрасная княжна Варшавская, знаете, что я влюблён в вас. И сейчас бы я мог потребовать просто вашу невинность, ведь после страстной ночи любви вы вряд ли уже сохраните свою привлекательность, а позор был бы хорошим наказанием за лишком долгое сопротивление, но мне вас жаль. И поэтому я решил сделать снисхождение и зову замуж. Ну, что, раньше я молил о вашем снисхождении, а, теперь, кажется, мы поменялись местами?

Хрупкая миниатюрная нежная Людмила смущённо поправила белокурые волосы и опустила взгляд огромных изумрудных глаз, чтобы не было видно побежавшую беззвучно слезу. Конечно, Николая сейчас вёл более чем высокомерно и унизил девушку, Людмиле, как и любой другой обычной девице в такой ситуации, стало очень обидно. Но личная обида волновала её далеко не так сильно, как беспокойство за благополучие Евгения и страшное горе в том, что она не сможет остаться вместе с любимым, а всю жизнь будет терпеть тирана Николая во имя здоровья и жизни Евгения, человека, который стал для неё самым родным и любимым...

... Людмила не сомневалась, что между благополучием родного человека и своим личным счастьем она выберет первое...

– Что ж, граф Николай, ваши условия меня устраивают!

Только запомните: я вас ненавижу!!! И всю жизнь буду вас, как будто случайно называть Евгением, повешу в нашем доме его портрет и буду читать вслух и хвалить его литературные работы, чтобы вы постоянно ревновали меня и помнили: наш брак ненастоящий, я остаюсь мысленно невестой Евгения! Больше нам, пока я не увижу Евгения на свободе, нечего говорить! – выкрикнула Людмила со слезами.

Николя же достал из коробки дорогое крупное ожерелье из рубиновых цветов, одел его на тонкую изящную шейку Людмилы и торжественно произнёс:

– Что ж, вот и договорились, прекрасная гордая полячка, а это ожерелье вам-с в качестве свадебного подарка...

...Людмила посмотрела на себя, замученную, уставшую, заплаканную, с подарком Николя, который больше напоминал девушке змею вокруг шеи, нежели красивое украшение и не выдержала, убежала с рыданиями, а Зоя Витальевна подошла к Николя и сурово тихо изрекла с гневом в карих очах:

– Ну, Николя, ты сам напросился! Я перечить дочери не буду, но я – мать, для меня её благополучие важнее всего, поэтому не будет никакой свадьбы, пока, во-первых, ты не выполнишь своё условие, и не говори, что не можешь освободить Евгения, раз назвался груздем, полезай в кузов, потому что она только ради счастья Евгения согласна тебя терпеть. Во-вторых, я не дам благословения на венчание, пока не попросишь у неё прощение за своё непристойное поведе-

ние! Так что это ещё не окончательное «да» было! Мы ещё подумаем, стоит ли с тобой связываться! И не спорь со мной, потому что дочь буду защищать, как могу!

Николя смутился и поспешил распрощаться и уехать...

... Зоя Витальевна переждала какое-то время, чтобы доченька успокоилась, а потом поднялась к ней на второй этаж с тяжёлым вздохом...

Нет, у княгини и мысли осуждать дочурку любимую не возникало, наоборот, она восхищалась благородством и стойкостью своей доченьки, но Зое Витальевне очень хотелось как-то поддержать дочь и, если возможно, обезопасить от Николая и его страшного предложения или хотя бы оттянуть ненавистную свадьбу...

... Людмила уже успокоилась и сидела на изящном диванчике с причитанием:

– Господи, помоги, спаси и сохрани...

Зоя Витальевна подошла мягко тихо кошачьей походкой, нежно и бережно обняла доченьку с любовью во взоре больших карих глаз и ласково изрекла:

– Доченька, лапушка родная, солнышко, Людмила, я восхищаюсь твоей стойкостью, но, мне кажется, что можно обойтись без таких жертв, а во-вторых, что не надо падать духом: вместе мы найдём управу на Николая, и ты всё-таки, как и хотела, пойдёшь замуж за Евгения, всё закончится хорошо...

Людмила закрыла травяные вежды и с тяжёлым вздохом

ответила:

– Ах, милая-милая, самая лучшая мамочка моя, по-моему, ты серьёзно недооцениваешь ситуации. Что может сейчас закончиться для меня хорошо? Ничего хорошего меня не ждёт! Без жертв обойтись? Мне бы очень хотелось, но рисковать здоровьем и жизнью любезного Женечки я не буду. У него, и в личном плане, и в плане писательской карьеры ещё всё впереди, он и без меня справится, если его оправдают и отпустят. А я не могу быть счастлива, если будут поводы сомневаться в его благополучии. Николая же жестоко, но без лишних слов сказал, что, если я выйду за него замуж, то Николай поможет Евгению. Так что я не вижу другого исхода в данной ситуации, которая больше гордиев узел мне напоминает или удава на шее, кроме как принять предложение Николая и прозябать свою жизнь с одной радостью: осознанием, что у Евгения всё замечательно в жизни. Ты предлагаешь перехитрить Николая. А как? Освободить любезного Евгения самим? А что мы можем в суде, если мы не были там, не являемся свидетелями, а знаем историю только со слов из письма Иннокентия Александровича? Обмануть, обещать выти замуж, а как только мой настоящий жених будет на свободе, сбежать от Николая? Страшно, он – опасный человек, ещё прикончит в гневе. Так что не понимаю твоего жизнерадостного настроения, матушка...

Глава «Гордиев узел разрублен наконец-то!»

... Юная княжна и её мама не знали, что в это время уже

многое изменилось.

Во-первых, старенький седой граф Иннокентий Александрович получил от врачей из жёлтого дома справку о своём умственном и душевном здоровье и предоставил тому самому бравому мудрому полицейскому, который так хорошо поддержал Евгения, и теперь показания старого графа Шустрова в защиту племянника и обвинения в адрес сына имели большой вес.

– Сударь, я вас умоляю, вы уж как-нибудь подсобите освобождению Евгения Петровича Дубова, моего племянника, я же и его юная невеста пропадём без него, а всё из-за моего дурака, которого я сыном отныне называть не хочу, не знаю, как вас-с зовут... – в конце допроса попросил слёзно Иннокентий Александрович.

– Артамон Сергеевич, ваше сиятельство. Прошу-с, не переживайте так, я не глуп, понял уже ситуацию, сделаем всё, чтобы суд оправдал Евгения Петровича, призовём потом и сына вашего к ответу, дождитесь суда, что будет послезавтра. Можете быть уверены, что на свою свадьбу ваш племянник будет уже свободен... – произнёс мудрый полицейский.

На следующий день вызвали на допрос, как свидетеля, и Николая. Сначала молодой офицер думал, что его секрет не раскрыт и вёл себя очень уверенно, а мудрый бравый Артамон Сергеевич так и ждал момента подловить Николая на лжи.

– А теперь прошу-с пояснить мне две такие не состыков-

ки: во-первых, вы утверждаете, что ваш отец болен маразмом, поэтому перепутал нападающего. А вы-с в курсе, что его сиятельство Иннокентий Александрович Шустров представил нам доказательство обратного, справку из жёлтого больничного заведения? Вы намерено оклеветали отца, выходит? Или вы не хотели клеветать, у вас были причины сомневаться в здоровье отца? Какие именно? И ещё такой нюанс, сударь, прошу пояснить: вы говорите, что, когда вы прибежали на крики, ваш кузен пытался придушить вашего общего опекуна, графа Шустрова, верёвкой. Я осмотрел порванную верёвку, как улику: это крепкий большой кусок каната, который входит в набор военного. Ваш же кузен Евгений Дубов во-первых, военным не является, во-вторых, о время задержания он стоял в одном исподнем, ночной сорочке, непонятно, как он пронёс верёвку так, чтобы ни потерпевший, ни другие домочадцы этого не заметили. Некуда ему спрятать её было! Почему же тогда ваш отец не стал звать на помощь сразу? Притом, мне показалось странным, что вы-с были ночью у себя дома в военной форме, то есть вы не ложились спать. Только не надо лгать-с, что вы только прибыли из полка на побывку, все, и отец, и кузен, и прислуга в доме, и командир полка, в котором вы записаны, говорят, что вы не были в полку уже несколько лет, никуда не уезжали из дома. Тогда же зачем вам нужна была военная походная сумка, что была на вас при аресте вашего кузена?

Вот тут Николая побагровел, растерялся, стал нервничать,

судорожно поправлять светло-русые бакенбарды и теревить пуговицы. Он никак не ожидал такой наблюдательности от полицейского, и впал в полное замешательство, тщетно пытаясь придумать себе хорошее алиби. Бравому мудрому Артамону Сергеевичу стало всё понятно. Эта суета выдала Николая с головой.

– Это-о-о... я-я-я... Я хотел уехать той ночью, поэтому был одет, а Евгений мог взять верёвку у меня, когда я был занят... А отца я считал маразматиком, потому что он вёл себя в последнее время слишком агрессивно и эмоционально... – пытался выкрутится Николая, ещё более заметно нервничая, почёсывая в эмоциях свой ровный греческий нос.

– Сударь, а что же вы так нервничаете? Милейший, вы пока ещё свидетель. Заметьте, я сказал «пока ещё», потому что, боюсь, вы сейчас попались на лжи. В начале, когда вы давали показания, вы сказали-с, зачитываю дословно: « Я – человек военный, на побывку приезжаю редко, сегодня хотел сделать отцу сюрприз, ночью приехал, чтоб утром увидеться... а сегодня ночью творилось что-то ужасное: я проснулся от крика отца, прибежал, а этот негодяй хотел верёвкой придушить его!». Так вы-с сами противоречите себе сразу в двух местах: вы говорите, что прибыли на побывку. А теперь, говорите, что были дома и хотели уехать. Как быстро вы сменили показания! И вы-с говорили, что спали. Тогда когда же вы одеться успели? Что, получается, преступник ждал, пока вы оденетесь что ли? Или вы прям в парадном мундире для

доброе сюрприза отцу прилегли? Забавно-с!

Николя запаниковал и стал громко оправдываться:

– Ах, право-с, вы чрезмерно цепляетесь к мелочам! Я сказал, что спал, имея в виду, что я был дома, в своей комнате, а что уж я там делал, пока не услышал крик отца, в чём ходил, разве имеет значение?!!

– Поверьте-с, ваше сиятельство, для настоящего полицейского, чтобы дойти до истины, важна каждая деталь, которая может быть уликой, я умею подмечать то, что другие люди упустят из вида, а ещё я умею делать логические выводы. Но, сударь, что вы так заволновались при этих словах? Если ж вы-с спасли благородно отца, как говорили изначально, вам нечего бояться, у нас в канцелярии всегда торжествует справедливость. Да что-то у меня уже вызывают сомнения ваши показания, потому что в них уж слишком много несовпадений и противоречий. Вот и ваш кузен граф Евгений Петрович Дубов, и ваш отец, его сиятельство Иннокентий Александрович, дали показания, и они не противоречат друг другу, у них нет расхождений ни в одной мелочи. Причём на все провокационные вопросы оба отвечали спокойно, без волнения, что наводит меня на мысль, что из троих лжёте именно вы. – Подметил ловко мудрый полицейский Артамон Сергеевич, а потом задал последний вопрос, которым собирался окончательно добиться правды из Николая – У меня всё сходится к тому, что покушение на вашего отца совершили вы-с, а не граф Евгений. И не говорите, что отец вас-с спутал но-

чью в темноте, вы слишком различаетесь по телосложению, а так как его сиятельство воспитывал вас обоих с трёх лет, то тем более никак он не обознается. Евгений Петрович молодой человек... как бы выразится культурней, простите за моветон, толстый просто. Он достаточно высокий, сильный, я на глаз не скажу вес точно, но должно быть что-то около восьмидесяти пяти килограмм, а то и больше. Вы же изящного аристократичного телосложения с широкими плечами и узкой талией, вы тоже сильны, но не настолько, вы весите на порядок меньше кузена и только из-за этого уступаете ему в силе. Если бы ваш кузен и впрямь хотел бы совершить это преступление, то ему бы не понадобилась бы и верёвка, он руками бы справился, да так быстро, что Иннокентий Александрович и пискнуть не успел, а то уж что б кричать и звать на помощь. Значит, Евгений Петрович, несмотря на вашу первоначальную версию, не может быть преступником. Это был кто-то тоже сильный, но более мелкий по габаритам. Вы-с поняли намёк? Вы-с можете сказать хоть один аргумент в свою пользу? Например, достоверное алиби...

Николя схватился за голову: он так уже запутался в хитросплетениях своей лжи и аналитических выводов Артамо-на Сергеевича, что нем знал, как выкрутится, и что он уже сказал, а что нет, этот полный хаос голове ещё больше пугал и волновал неудачливого интригана. И... он не знал, что солгать на счёт алиби. Граф Николя сейчас понял, что попался и уже не отвертится от каторги...

А внутри у него вскипала злость при мысли: «Опять, значит, я опозорен, а Евгений и Людмила ворковать и смеяться надо мной будут?! Ну, уж нет, если меня и засудят, раньше этого я увезу Людмилу под венец, чтобы, несмотря на мой позор, она уже не могла достаться Евгению! Из принципа так сделаю!».

Николя прокашлялся и жалобно протянул:

– Ой, сударь, я что-то так разволновался, у меня, кажется мигрень, а завтра нужно быть на заседании суда уже утром, там и разберёмся до конца, а сейчас мне нужен доктор и отдых, с вашего разрешения, я поеду...

– Что ж, ваше сиятельство, до свидания на суде тогда... – ответил браво мудрый Артамон Сергеевич, а сам подумал: «Ага, так и поверил аж три раза! Просто сбежать от меня захотел! Хм... хорошо бы знать куда, чтобы потом, когда оправдают Евгения, призвать этого подлеца к ответу. Кстати, раз граф Евгений говорил о том, что Николай Иннокентьевич знает, где живет её светлость княжна Людмила Борисовна, то, возможно, и она знает что-то полезное о своём давнем враге, а ещё я обещал Евгению проведать его невесту Мадмуазель Людмилу, удостовериться, в безопасности ли она, вот сразу два дела и сделаю...».

... После чего Артамон Сергеевич отправился в санях по скрипучим снежным сугробам сквозь снегопад в имение Варшавских...

... А тем временем Николя поехал в карете к Людмиле с

одним желанием: «притащить эту несносную девчонку» под венец, чтобы к моменту освобождения Евгения она же была замужней и потеряла невинность в браке с Николая, то есть уже не могла выйти замуж за любимого.

Стоило горе-авантюристу Николая добраться сквозь пургу до имения Варшавских, он стал с силой громко колотить в дверь. Ему открыла крестьянская девка Маша, так как Людмила и её матушка Зоя Витальевна в спальне Людмилы читали вместе Библию.

– Так, – грубо рявкнул Николая на девушку – твоя барышня её светлость Людмила Борисовна дома сейчас?!

– Дома, барин... – испугано пропищала Маша.

– Быстро тогда беги к ней и так и передай дословно, что приехал её хозяин, граф Николая Шустров, требует, чтобы она за час собралась, нарядилась и поехала под венец, как и договаривались, и личные вещи с приданным взяла сразу, чтобы потом к мужу смогла переехать. Если, скажи, не выполнит, будет плохо её любезному Евгению! Сделаю так, что его добьют там, в тюрьме! – прикрикнул грозно Николая.

Маша испугалась, но добрую барышню очень любила и задумалась, как лучше поступить, затем робко заглянула в спальню княжны и тихо доложила:

– Барышня-благодетельница Людмила Борисовна и барышня многоуважаемая Зоя Витальевна, там к вам приехал двоюродной брат вашего жениха, граф Николай Шустров, тот самый грубиян. Он сурово потребовал, чтобы я передала ба-

рышне, что он её хозяин, что у вас какой-то договор, и, если вы за час не принарядитесь и не поедете венчаться с ним, то он так сделает, что вашего жениха любезного доброго барина Евгения добьют в тюрьме. Велел он вам сразу брать приданое и личные вещи, чтобы с мужем жить. А у меня аж сердце-то прихватило, я наказ выполнила, передала, а чувствую подвох и умоляю, посоветуйтесь с маменькой, ибо, если за такого окаянного солдафона замуж пойдёте, ведь потом горя не оберётесь, всю жизнь плакать будете...

Людмила сидела в малиновом платье, домашних удобных пинетках и в том ожерелье, что дарил ей Николая, белокурые локоны просто спускались по хрупким маленьким плечикам юной девушки. Она сначала опустила взгляд своих огромных заплаканных зелёных очей в пол, впав в задумчивость...

...Зоя Витальевна забавно, как совёнок, округлила от испуга карие вежды на маленьком круглом смуглом личике и тихо изрекла:

– Доченька, кровиночка любимая моя, я горжусь тобой, тем, что ты умеешь так искренно глубоко и серьёзно любить, что готова жертвовать своей выгодой ради счастья Евгения, мы не ожидали, что всё случится так быстро, поэтому я поддержу любое твоё решение! Знай, ты для меня в любом случае самая лучшая! И для Евгения тоже...

А красавица Людмила смотрела на своё отражение в зеркале, обдумывала слова Маши и любимой маменьки. И тут непонятно, что помогло девушке, то ли девичья интуиция

просто, то ли навело на путь верный любящее сердце, а то ли с Небес Господь послал подсказку доброй праведной невинной Людмиле, но без всякого логического объяснения, чисто на уровне эмоций Людмила поняла, что Николая лжёт, и ехать с ним опасно. А лучше вообще порвать договор и не иметь ничего общего. У неё не было ни одного логичного аргумента или обоснованного довода, она просто почувствовала подвох души...

– Нет! Всё, мама, я решила окончательно! Не еду никуда! И, вообще, разрываю договор с Николая!!! Никакой свадьбы не будет! Не верю я этому подлецу, матушка, родная, любимая моя, не верю! Он попользуется мной, может и что-то дурное причинить, а сам не поможет Евгению, бесполезная жертва! Если он хотел честно, то почему Евгений ещё не на свободе, а он уже требует венчания на скорую руку?! Не верю Николая и не пойду за него! Только Евгению достанусь, как мы с ним и мечтали, будет у нас семья. А если мечты наши на земле не сбудутся, значит, в раю будем вместе, но существовать без друг друга мы не сможем! Всё! Маша, подойди! Вот, отдай это рубиновое кольцо тому барину и скажи, что я разрываю договор и никуда не еду! – протараторила не своим голосом взволновано Людмила, сняла подарок Николая с тонкой лебединой шейки и подала Маше.

Маша набралась храбрости, взяла рубиновое кольцо и ответила:

– Всё сделаю, как велели, барышня...

... Маша спустилась вниз и выполнила всё, как сказала Людмила. Николая пришёл в такую ярость, что схватил у ку-чера кнут и решил разобраться с непокорной невестой, и с гневным бордовым выражением лица прямо в дорогой шубе и с кнутом пошёл за Людмилой в её спальню...

– Мама, родная моя, что делать?! – испугалась не на шутку юная невинная девушка, но Зоя Витальевна с героическим видом спокойно ответила:

– Доченька, радость моя, не бойся, он ничего не посмеет сделать, я не дам тебя в обиду...

...Николая шёл, кипящим от ярости, но ничего не успел сделать: именно в этот момент во дворе послышались бубенцы саней и ржание коней, а так же голос Артамона Сергеевича, обращённый к денщику:

– Гришка, гляди-ка, как у этого притворщика голова болит! Он уже здесь! Я сразу карету этого офицеришки Николая Шустрова узнал!

Николая серьёзно испугался, что сейчас его арестуют за домогательство, и решил тихо ретироваться, выпрыгнув в окно. Высокий снежны сугроб смягчил удар, и Николай поспешил скрыться подальше от имения Варшавских...

– Ваша светлость, разрешите-с пойти в гостиную, у меня важные канцелярские дела, позвольте-с, мадмуазель, представиться, полицмейстер Артамон Сергеевич...

Наконец-то напуганная до дрожи юная княжна вздохнула, и, когда трепет рук немножко уменьшился, тихо произнесла:

– Пойдём, мама, нужно встретить этого странного спасителя...

... Так через несколько минут Людмила, теперь без украшений, зато с симпатичным пучком из белокурых волос в своём малиновом платье и Зоя Витальевна в вишнёвой шали поверх платья в горошек сидели в столовой за чашечкой чая с бравым Артамоном Сергеевичем.

– Здравствуйте, Артамон Сергеевич, – начала разговор степенная княгиня – Мы с дочерью бесконечно благодарны вам-с за спасение, вы-с будто знали, что мы в опасности, что так вовремя успели и спугнули преступника Николая...

– Можете, сударыня, не благодарить. Я – полицмейстер, восстанавливать справедливость – это моя обязанность-с. Конечно, я не знал, что у вас такая опасная ситуация, я хотел пообщаться с вашей дочерью, её светлостью Людмилой Борисовной, как со свидетельницей. Я веду дело о покушении на его сиятельство графа Иннокентия Александровича Шустрова, который, наверное, вам-с знаком, как дядя наречённого Людмилы Борисовны, Евгения Петровича Дубова... – с важным видом произнёс Артамон Сергеевич, приглядываясь к каждой мелочи, и пока и девушка, и её маменька произвели на него только положительное впечатление.

Людмила с грустью в огромных травяных очах тихо ответила:

– Да я бы, сударь, рада была хоть чем-то помочь милому любезному Евгению доказать его правоту, но, боюсь, к сожа-

лению, из меня не выйдет свидетеля, ведь ни маменька моя, ни я не были в ту ужасную ночь в доме графа Шустрова. Мы мирно спали у себя в имении, а о случившемся горе узнали только из письма многоуважаемого Иннокентия Александровича следующим вечером, по крайней мере в письме его сиятельство указал, что была глубокая ночь. Конечно, эта трагедия, жестокость и несправедливость заставила пролить меня немало слёз...

Артамон Сергеевич с доброжелательной улыбкой продолжил общение:

– Но всё равно-с, мадмуазель, вы хорошо знаете их троих, поэтому ваши слова могут быть ценными. А разрешите в первую очередь задать вам-с такой вопрос: как так получилось, что, если этот сударь столь беспринципно вёл себя, вы не обратились в полицию раньше? И правда ли, что конфликт графа Евгения и его кузена начался, так-с сказать, из-за вас-с?

– Сударь, на второй вопрос к моему глубокому сожалению я сразу отвечаю утвердительно, потому что я, как невеста Евгения, никому не давала никаких надежд, была образцом верности, но граф Николая с чего-то придумал какую-то глупую конкуренцию с Евгением за меня и с ослиным упрямством начал добиваться моего расположения. И шантажом, и оскорблениями, угрозами, клеветой, что только Николая не придумывал, чтобы вынудить меня, но я знала, что хочу быть женой графа Евгения Дубова, всех остальных членов нашей

семьи, в том числе и Иннокентия Александровича, только радовало то, что брак по договорённости совпадёт с браком по любви. Мы бы уже давно поженились, если бы не траур по моему отцу, но... завтра должна быть наша свадьба, но, боюсь, что Николая нам её сорвал, чтобы этого подлеца за это Господь покарал! (слёзы навернулись на зелёных глазках девушки, Артамон Сергеевич даже проникся сочувствием в этот момент) Но сначала ситуация носила неопасный характер, Евгений был готов защитить меня. Вот и не обращались в полицию, что не ожидали от дурака Николая такой звериной жестокости!!! Он всегда был грубым человеком, но никто не ждал, что до такой степени, а когда узнали из истории с покушением, так поздно, не успели ещё осознать, что нужно делать в таких ситуациях. Я надеюсь, что ответила сейчас понятно на первый вопрос. И граф хотел урезонить капризного самовлюблённого сына, и ту часть наследства, и ту часть наследства, что полагалась ему, отписал Евгению. Никто не думал, что Николая может так жестоко отомстить отцу и нам всем...

– Что ж, ваш взгляд на ситуацию мне уже становится понятней, сударыня, но я заметил, что вы рассказываете с нежностью не только о женихе, но с теплотой говорите о самом потерпевшем, Иннокентии Александровиче. Вас-с связывает родственная крепкая дружба? Или я что-то не понимаю-с? А Евгений был с дядей душевно близок или нет? И откуда у вас мысль, что это была месть за лишение наследства? У

Николая и отца были конфликты? – с большим интересом задал вопросы Артамон Сергеевич.

– О, да-с, многоуважаемый Артамон Сергеевич, мы очень хорошо дружим с дядей Евгения, ведь он усыновил Женечку и растил вместе с родным сыном, когда им обоим было по три года, и так как Евгений и сейчас крепко привязан к дяде, как к родному отцу, мы хорошо дружим с графом Иннокентием Александровичем. Моя маменька в дружбе с его сиятельством давно, когда ещё я была мала, а отец в здравии, моя маменька и дядя Евгения, как нас обручили, ещё крепче сдружились, мы вчетвером, как одна дружная семья, один лишь Николая со своими странностями не вписывался в нашу компанию. И Иннокентий Александрович всегда уважал меня, а я его, потому что мы хотели, чтобы Евгению было хорошо, два главных человека его жизни ладили, и, да, Евгений очень близок душевно с дядей. Скорее даже они ведут себя, как отец и сын. А вот с родным сыном у графа всегда были спокойные отношения, пока Николая не начал добиваться меня самыми подлыми способами. А я – чужая невеста, Евгения. Иннокентий Александрович встал на сторону нашего милого Жени, что породило целую «домашнюю войну» между Николаем и отцом, так что конфликты были, и вот чем закончились. А откуда я взяла, что Николая совершил покушение из-за того, что хотел отомстить? Мне так в письме написал граф Шустров. Граф написал, что, он отвернулся, чтобы выпить валерьяновых капель, а Николая из военной походной

сумочки достал верёвку, накинул ему на шею верёвку и прошипел, прежде чем начал давить: «Это – месть за всё! За то, что пытался помешать моим планам, за то, что лишил наследства, что Людмила досталась этому дурачку Евгению, а не мне!» – такие слова граф Шустров приписывает сыну, и я верю Иннокентию Александровичу... – с безмерной тоской в огромных изумрудных глазах всё разъяснила Людмила.

– А разрешите-с, ваша светлость само письмо прочесть... – изрёк Артамон Сергеевич.

Людмила удивилась такой просьбе, но протянула письмо со словами:

– Ну, сударь, вы поставили меня в неловкое положение, это всё-таки личная переписка, но, если это поможет вам-с, читайте, там тайн особых нет...

Артамон Сергеевич стал внимательно читать письмо, и почувствовал в каждой букве, в каждой строчке то, как старый граф тяжело воспринял предательство сына, как он благодарен Евгению за спасение, как уважает юную княжну Людмилу, как они бояться за жизнь невинной девушки...

... Без сомнений, это письмо было лучшим доказательством невинности Евгения!

– Мадмуазель, – прервал молчание Артамон Сергеевич – Прошу-с прощения за бестактность, но я письмо заберу, оно послужит хорошим доказательством невинности Евгения завтра в суде, так что готовьтесь к свадьбе. Его сиятельство Дубов обмолвился, что завтра вы планировали обвенчаться,

вот и ждите оправданного жениха на таинство!

Людмила от радостных эмоций подскочила с места, потянувшись к бравому полицейскому и с блеском в изумрудных глазах заговорила, тяжело дыша от волнения:

– Да-с? А это письмо поможет, да?! Просто для нас это так важно-с! Евгения же оправдают? А граф Николая Шустров говорил, что у него есть в суде свои связи, и что он может подстроить так, чтобы судили несправедливо, и Евгения просто засудят без доказательств вины, он... а вдруг Николая исполнит угрозы?!

Артамон Сергеевич рассмеялся по-доброму, поняв наивность и невинность юной барышни и как жестоко негодяй Николая чуть шантажом не вынудил её идти под венец и произнёс:

– Ах, право-с, не обижайтесь, ваша светлость княжна Людмила Борисовна, но до чего же вы-с ещё наивная мадмуазель, прямо, как дитя малое! Вам, сударыня, сколь лет?

– Шестнадцать, через месяц семнадцать исполнится... – протянула Людмила.

– Вот оно и видно-с, ваша светлость, что вы ещё девочка, иначе бы вы не верили такому мастеру лжи, как граф Николая, а приехали в канцелярию и спросили, знает ли там вообще кто-нибудь его фамилию и имя. И вы поняли бы, что, раз он не занимал высоких чинов, является офицером низшего ранга, и уже давно не был в полку, а лишь числится там, то у него не может быть никаких важных связей. И вы-с плохо

думаете о русском суде, если считаете, что судью так уж просто подкупить или заставить из дружеских соображений вынести явно несправедливый вердикт! Николая перехитрить, обмануть просто хотел, ни помочь, ни навредить Евгению сейчас он не в состоянии...

У Людмилы и Зои Витальевны глаза от изумления совиные стали, а маленькая смуглая княгиня протянула:

– Доченька, ты у меня пророк что ли? Ты как сегодня догадалась, что Николая обманывает?

– Неисповедимы пути Господни! Матушка милая, вот, не поверишь, шутки шутками, а вот Господь спас просто, без всякой почвы пришла такая мысль, что Николая лжёт, не может он повлиять на ход суда... – честно призналась юная красавица любимой маме.

– Но как же сделать так, чтобы венчание не сорвал Николая? – выразила сомнение Зоя Витальевна с грустью в карих глазах.

– Сударыня, княгиня Зоя Витальевна, ну вы же всё-таки опытная мадам, неужели не знаете, как можно обхитрить нежеланного жениха? Давайте я вас немножко подучу, а вы уже вместе с Иннокентием Александровичем поможете Людмиле и Евгению законно обвенчаться... – произнёс с доброжелательной улыбкой Артамон Сергеевич, потом долго, где-то с час шептался с княгиней Варшавской...

Людмила даже заволновалась, о чём они та долго и тайно совещаются?

Но волнение девушки сменилось радостью, когда Артамон Сергеевич откланялся и ушёл, а Зоя Витальевна со счастливым блаженным блеском в больших карих глазах изрекла любимой доченьки:

– Доченька моя любимая хорошая, всё, быть тебе невестой! Не волнуйся, кровиночка моя, всё пройдёт по высшему разряду! Так, у нас всё готово, кроме причёски. Пошли сейчас же Машу на кузнецкий мост за модным цирюльником! Он должен тебе к двенадцати часам закончить причёску. Но сначала ты сейчас сядешь и своей рукой напишешь Николаю записку с одной фразой « Я готова венчаться с тобой завтра в двенадцать в Князь-Владимирском соборе, меня привезут, жди», без подписи, а я скажу кучеру отнести эту записку самому Николаю!

– В смысле?! Зачем?! Я же за Евгения замуж собираюсь! – возмутилась Людмила, но маменька тут же пояснила:

– Вот в том-то и хитрость будет наша, что, пока ты с Евгением, как с батюшкой Георгием в Смольном соборе мы и планировали ещё до ареста, будешь венчаться, чтобы Николаю не помешал, ему в тот храм, который указала ты, привезут подставную невесту. Пока он хватится, что его обманули, ты уже графиней Дубовой станешь!

– Та-а-ак, очень интересно, а кто будет подставной невестой? – удивилась Людмила.

– Как кто? Тот, кто уже давно страдает по Николаю и очень хочет замуж... – тонко намекнула Зоя Витальевна.

Людмила задумалась, а потому с приподнятыми светлыми бровями уточнила:

– Мадмуазель Пчёлкина что ли?

– А кто ж ещё! Вот увидишь, она обрадуется ещё, потому что любит Николая до потери пульса! Я съезжу к ним с визитом сегодня, договорюсь... – убедила дочурку княгиня, и приготовления сразу к двум свадьбам завертелись, ведь, когда Зоя Витальевна ездила с визитом к генералу Пчёлкину, выяснилось, что Дарья Львовна уже согрешила блудом с Николаем, не дождавшись брака, и была сейчас в интересном положении...

И записку, как её научила мама, Людмила отправила Николаю, а новый адрес подсказал граф Иннокентий Александрович...

... Все и радовались, и волновались одновременно, потому что боялись, что этот план может сорваться...

А ещё у Иннокентия Александровича и Евгения были ещё не заверены свои важные дела, нужно было выиграть суд...

И действительно прав оказался Артамон Сергеевич: в совокупности всех показаний и улик было несложно доказать ложь Николая, и Евгения Дубова триумфально оправдали из-за непричастности к данному преступлению, а судья дал распоряжение Артамону Сергеевичу подготовить все документы канцелярские, чтобы на следующем заседании суда уже Николай сменил статус из свидетеля в обвиняемого.

«Ничего, пусть Евгений меня тут обошёл, зато я сего-

дня же обвенчаюсь с княжной, и всё, не быть и им счастливыми! Как миленькая, будет меня эта гордячка с каторги ждать...» – подумал Николая и поспешил в Князь-Владимирский собор...

Евгений, после того, как его выпустили из-под стражи в зале суда, ещё долго обнимался со старым седым графом Шустровым, и оба плакали от счастья, а потом дядя повёз счастливого жениха домой, готовиться к свадьбе...

... Граф Иннокентий Александрович помог облачиться своему любимому племяннику в его свадебный наряд: белоснежную рубашку с синим ленточным галстуком, синей жилеткой, фрак с большой белоснежной хризантемой в кармашке белые лосины и модные туфли. В завершении он зачесал красиво его каштаново-рыжие волосы, Евгений посадил на нос красивые пенсне, а на голове красовался белый цилиндр.

– Всё просто чудесно, спасибо, дядя, за помощь, без твоих грамотных подсказок из меня бы не вышел такой достойный жених, – со светозарными от блаженного счастья очами-вишенками произнёс Женя, а потом спросил – но вот что с царпинами на лице делать? Такой нарядный образ, опрятная причёска, а эти царпки всё портят!

Старый сморщенный Шустров посмотрел, подумал и ответил:

– Женя, милый, это что за глупые вопросы?! Ты сам видишь, что одет прекрасно для жениха, а эти маленькие шра-

мы... шрамы украшают мужчину, поэтому не вздумай переживать из-за таких мелочей, как царапки! Давай, накидывай соболиную шубу, и едем в Смольный собор! Опаздывать нельзя!

И после этого эта дружный дуэт двинулся в санях по заснеженному Санкт-Петербургу к Смольному собору...

... Тем временем шли последние приготовления к свадьбе и у Людмилы. Цирюльник сделал из её белокурых волос модную причёску в виде пышного пучка с завитыми прядями «завлекалочками», а модистка-француженка Одиллия руководила облачением невесты.

Зоя Витальевна, которая уже приготовилась в церковь, надев лучшее платье, бриллиантовые серьги и кулон, которые ей когда-то давно подарил отец Людмилы, а поверх причёски из тёмных волос накинув палантин из оранжевого шёлка, ждала окончания сборов с радостным волнением за доченьку.

... Сначала большое количество белоснежного сложного белья: чулки, панталоны, корсет...

... Конечно, не забыли белые удобные туфельки....

... Потом Мадам Одиллия облачила юную хрупкую Людмилу в то самое давно приобретённое изысканное целомудренное алебастровое платье с длинными рукавами, кружевами и маленькими белыми розочками. Это шикарное обилие кружев, вышивки и белых роз на платье делало из Людмилы настоящую царицу красоты или Ангела, а девушка под-

черкнула красоту своих зелёных глаз большими изумрудными серьгами...

...Ну, а затем поверх модной причёски невинной юной красавице накинули трехметровую роскошную фату, а поверх неё водрузили венок из белых роз. О, да, Людмила выглядела так, будто не за графа, а за короля выходит замуж!

Матушка не сдержалась и прослезилась от счастья...

После этого Зоя Витальевна взяла икону, благословила доченьку, Людмила накинула любимую лисью шубку, и они вдвоём сели в карету...

– Холодно, озябла вся... – попыталась проворчать и потребовать более тёплого наряда Людмила, но потом передумала, а затем от счастья и вовсе о прохладной погоде забыла...

... В это время Иннокентий Александрович и сам жених уже сняли верхнюю одежду и головные уборы и стояли в ожидании невесты, церковь заполнялась бесчисленными гостями: родственниками с обеих сторон, даже из Польши дальняя родня Зои Витальевны соизволили приехать, многочисленными друзьями, уважаемыми знакомыми из высшего дворянского общества, было много и известных поэтов, писателей, критиков, редакторов и издателей, которые приехали выразить своё уважение Евгению, как известному литератору...

Батюшка Георгий в это время всё приготовил к началу таинства, осталось дожидаться лишь невесту...

... И тут карета подъехала, Людмила скинула лисью шубку, Зоя Витальевна тоже оставила в карете шапку и шубу из чернобурки, и они зашли в собор. Все ахнули от восхищения, Людмила поравнялась с Евгением, он с ликованием во взоре глаз-вишенки прошептал:

– О, моя муза, Ангел небесный, как же я счастлив, что сегодня мы станем одной семьёй! Высшего счастья я и не желаю...

Людмила тоже с Небесной радостью в огромных травяных глазах и на нежном личике по-доброму сострила:

– Да? А, помниться, при первом знакомстве после сватовства мы разругались. Я тебя назвала сухарём, а ты меня...

– Ой, душа моя, сударушка, это было давно и неправда! – изрёк Евгений, и таинство венчания началось с исповеди, потом обручение...

Все молились, батюшка вёл службу на церковнославянском языке, свечи тихо сияли, отражаясь на золотых рамах икон, всё прошло лучших традициях православного венчания...

Потом они испили из общей чаши, а после службы батюшка Георгий объявил Евгения и Людмилу мужем и женой, после чего жених своими большими могучими руками откинул фату с личика своей милой маленькой невесты-прелестницы, и молодожёны застыли в нежном поцелуе...

Сначала их встречали из церкви с хлебом и солью, осыпали рисом и монетками, кричали горько, а вечером был пыш-

ный бал...

Все радовались за Евгения и Людмилу, а уж сами молодые и их родные были просто на седьмом небе от счастья.

А что же в это время творилось в жизни Николая?

... А незадачливый интриган созвал всех друзей из полка и дворянского общества, кое-кого из начальства уговорил прийти, чтобы друзья его позавидовали, все ждут невесту, некую «неземную красавицу», которой похваляется Николая постоянно...

Вот и карета прибыла, заходит невеста статная в ампирном платье фисташкового цвета с длинными рукавами, большим бантом под грудью а по подолу и всеми платью множество воланов и рюш, на руке тонкий золотой браслетик, волосы спрятаны под нарядный белоснежный, украшенный цветами капор, а на лицо вместо фаты белые кружева такие плотные, что невесты не видно, спускаются (А генерал Пчёлкин тайком тихо затесался среди гостей так, чтобы Николая не сразу увидел его).

Обманутый авантюрист заподозрил что-то неладное, ну никак эта крупная сударыня не могла быть Людмилой! Николая сразу увидел разницу в фигуре, что Людмила в два раза худее этой мадмуазель, но он не мог понять, как такое возможно, стал ломать голову: «Право, та девица не похожа на Людмилу Варшавскую! Людмила – мелкая юная барышня, а эта, прям, крепкая, дородная! Как такое возможно? Подмена?! Надо возмущаться!!! Так, стоп, это же невозможно, у

Людмила некем себя подменить. Мать её, княгиню Варшавскую, я сразу же бы узнал, всех подруг Людмилы я видел, их мало, то же бы узнал, да и некоторые из них замужем, женить меня на крепостной никто по закону права не имеет. Может, просто освещение такое, что мне показалось, будто Людмила крупней стала? Или платье ей так не идёт? Ладно, сейчас по ходу службы разберемся...».

... Служба уже была в разгаре, когда батюшка обратился к невесте:

– Раба Божья Дарья, согласна ли ты выйти замуж за раба Божьего Николая?

– Да! – прозвучал громко и чётко ответ, а Николая вздрогнул в ужасе, он узнал голос Дарьи Львовны Пчёлкиной!

– Как Дарья?!! Мне давала согласие другая невеста!!! Я не согласен на подлог!!! – вскрикнул Николая, сорвал кружева...

...Из нарядного капора ему широко улыбнулась толстощёкая Пчёлкина.

Тут генерал Лев Константинович Пчёлкин начал на всю церковь возмущаться:

– Народ православный, вы поглядите, что он творит!!! Это перехитрил мою глупую влюблённую в него дочку, наобещал красиво, соблазнил на блудный грех, она тяжела, дитё будет, а он сам её опозорил и ещё жениться не хочет!

Все сразу стали возмущаться и требовать от графа Николая женитьбы на Дарье...

Николя знал, что генерал не лгал сейчас, поэтому с тяжё-

лым сердцем решил махнуть рукой на княжну Людмилу и нехотя протянул:

– Я согласен, продолжайте, батюшка венчание...

Послесловие

Евгений и Людмила продали старые имения обоих и купили новое, большое, красивое, с тысячами крестьян помимо барской усадьбы, взяли с собой жить и матушку Людмилы, Зою Витальевну, и дядю Евгения, Иннокентия Александровича, да и зажили вчетвером душа в душу, никакого разлада и горя не зная. За своё счастье наградили Машу сполна и Артамона Сергеевича дорогими подарками, и они были главными друзьями их чудесной семьи, а Артамон Сергеевич крёстным отцом двум сыновьям Людмилы и Евгения, Тимофею и Родиону. Правда, был сложный период, когда война с Наполеоном шла, но все вместе они легко справились с трудностями, и только ещё лучше зажили, и всю жизнь любили друг друга без памяти Людмила с Евгением так в раю их любовь потом и продолжилась, однако, и стариков своих с почётом посмотрели и деток в любви в ласке достойных вырастили, а Евгений был уважаемым высокооплачиваемым поэтом. Их ждало счастье и в земной, и в вечной жизни.

А Николая всё-таки попал на каторгу, но потом его освободили досрочно, чтобы воевал он с французами в 1812 году, но был Николая ранен, и демобилизовали его домой, где всю остальную жизнь он прожил подкаблучником своей жены, а ещё прислугой её отца и пятерых общих с Дарьей детей.

Что ж, дорогие любимые мои читатели, я закончила нас этом свою историю о любви, которая зародилась за какие-то полчаса и изменила жизни всех её героев, а выводы вы уж сами делаете...

Завоеватель моего сердца или неравный брак

Вступление

Дорогие любимые мои читатели, спешу вас обрадовать интереснейшей новинкой, увлекательной историей любви, на создание которой меня подтолкнула картина известного художника Василия Владимировича Пукирева «Неравный брак». Сразу предупреждаю, что в моей версии нет никакой историчности или реальных прототипов, эта повесть о любви лишь пища для размышлений о том, что же такое «неравный брак» и всегда ли это несчастье, как относиться к этому явлению. Я думаю, что здесь нет и не будет единого мнения, так как влюбляются не во внешность, не в возраст, а только в характер, в личность. Будучи целостной интересной личностью, можно быть любимым и приятным в любом возрасте и в любом статусе, и об этом и будет моя повесть. Поэтому у вашего автора нет однозначной позиции по поводу неравного брака, многое зависит от двух людей, решивших связать друг друга узами священного таинства любви. Среди несчастных браков есть как равные, так и неравные, как по выгоде, так и по любви и пылкой страсти, поэтому влюблённость в начале отношений ничего не значит для семейной жизни. Однако, в старину были популярны неравные браки,

и не всегда судьба так складывалась удачно, как у моей героини. И именно об этом и будет история юной очаровательной купеческой дочери Агнессы Петровны и очень богатого и родовитого, но пожилого графа Семёна Степановича Долгопятова, о том, что он ей приглянулся именно как личность. Не смотря на возраст, он оставался одухотворённым, сильным, жизнерадостным и активным, и это сделало его неотразимым в глазах видной, молодой и прекрасной Агнессы. С вашего разрешения я приподниму таинственный занавес начала этой увлекательной истории любви, где две родственных души должны противостоять предрассудкам общества и в первую очередь доказать не многочисленным критикам, а самим себе, что их неравный брак совершен не по расчёту из-за денег и титулов, а только по любви...

Итак, дорогие мои читатели, с помощью мастерства слова я направлю вас в Российскую империю 30-х годов 19 века...

Глава «Агнесса Петровна – видная невеста...»

... Глава семьи, пожилой добрый Пётр Константинович Смирнов, купец первой гильдии, сидел, согнувшись над торговыми документами, в своём небольшом, но уютном кабинете. В камине приятно потрескивали дрова, в большое окно через белоснежную тюль проникал утренний яркий солнечный свет, как и обычно, ничего не предвещало плохих новостей, хотя пожилой добрый пухленький мужчинка с большими пенсне и с добрыми бледно-голубыми веждами находился в задумчивости. Его любимой дочери, красавице Агнессе,

уже недавно исполнилось двадцать два года, а жениха пока ей Пётр Константинович со своей горячо любимой супругой Верой Сергеевной не нашли.

...Тут в дверях появилась сама Агнесса, как всегда, уже помолившись, нарядившись в любимое нежное кремовое в ярких мелких цветочках платье, а воздушные романтические медовые букли венчал соломенный капор. В бездонных, как океан, голубых глазах тихо светилась звезда жизнелюбия, а на персиковых сочных губах играла нежная добрая улыбка.

– Папенька, – мелодично окликнула отца экстерьерная девушка, – может, хотите чаю?

– Что ж, спасибо тебе, родная моя, хорошая, что об отце печёшься, чай не помешает... – прокряхтел ласково Пётр Константинович, а Агнесса быстро и ловко принесла расписные фарфоровые чашечки и чайник с павлинами и разлила пахучий вкусный сладкий чай с бергамотом и с клубничным вареньем.

– Что ж, солнышко моё ненаглядное, знаю, что не хочется тебе замуж, что любим мы тебя, немножко балуем, зная меру, но тебе двадцать два года... определяться нужно..., может, это... у тебя есть..., любовь, как в ваших книжках французских? Почему-то ж ты никому согласие не дала... – потягивая ароматный сладкий чай с клубничным вареньем, спросил Пётр Константинович.

Агнесса тяжело вздохнула, красивые чёрные ресницы-бабочки тенью отразились на лице, когда она озвучила ответ:

– Нет у меня никакой особой любви, я вообще не знаю, что за чувство такое странное, да и французские романы, которые читают мои сверстницы, мне не интересны, не жизненные они какие-то, так не бывает. Ну, не нравится мне никто из женихов, так что за кого, папенька мой мудрый, скажете, за того и пойду

– Ну, как же это так, никто не нравится? Что ж ты, радость моя, перебираешь их так... («как привередница», хотелось спросить отцу, но простое уважение к послушной добродетельной дочери не дало ему договорить фразу)? Чем тебе не угодил Фома Ильич Парамонов, к примеру? Внешне хорош, бедный, но зарабатывает на жизнь, хотя ему восемнадцать лет, и он выходец из бедной купеческой семьи, умный, студент, химию изучает... – потягивая чай, с добрым недовольством во взгляде серых вежд продолжал рассуждать отец.

– Ну, он, конечно, красив, как с картинки, но, не могу, до скипа зубов скучный, слушать его хуже, чем соль есть. Заумный, всё о своих химиях, физиках говорит, пессимист невозможный, слушать не умеет, и что меня особо отталкивает, он – масон. Не мой человек, и всё тут. – Тихим вздохом отвечала Агнесса, смущённо поправляя кремовое в цветочек платье.

– Ну, я тебя понимаю. Тогда может, всё-таки барон Мишель де Сиф? Ему хоть и сорок лет, зато богатый, такое большое имение, мануфактуры имеет, вдовец почтенный без детей, но любит детей, хочет. Жена от чахотки скончалась. По

вероисповеданию католик, но согласен, чтобы ты была православной, венчаться с тобой в православной церкви готов, дворянин, француз, книги много читает, называет авторов, которых только вы двое знаете...

– Ах, но драгоценный мой папенька, поймите, он хоть и богат, но скуп, на лицо некрасив, толстый тюфяк, на балах играет в карты, не танцует. Читает много, да это его единственное достоинство, всё равно он толком не понимает, о чём читает. Всё, что его интересует, это пикники. Злой, на крестьянах постоянно срывается, тошный моралист. А ещё меня очень напугало, как он рассказывал о первой жене, такое чувство, что он ей все грехи, которые только можно, приписал, всё время она у него виновная, так же, как и крестьяне-рабочие, ни о ком хорошего слова не сказал. Он открыто говорит, что любит себя, а ещё умеет считать деньги... – стеснительно и мелодично протянула Агнесса, поправляя капор.

Пётр Константинович немного огорчился, понимая, что эти капризы вполне обоснованные: ему женихи тоже не очень нравились, но отдавать замуж нужно. Пожилой добрый купец любил единственную ласковую набожную начитанную дочурку много вложил, чтобы дочь умела музицировать, танцевать, читать, баловал немножко, никогда не наказывал, ни скандалил, дочь и впрямь вышла образцовой (но вот замужество стало яблоком раздора), милейшее обаятельное создание. Но понимал, что приданое у неё обычное,

простая купеческая дочка, не титулованная мадмуазель, при всей своей красоте и уме в двадцать два года должна скорее выйти замуж, чтобы не остаться в старых девах. Поэтому так же заботливо старался уговорить её на замужество.

– Ну, насчёт барона не знаю, подумай, твои подруженьки на шею ему б бросились только за одни мануфактуры, а так же за то, что он француз и барон. Во! А что тебе, кроме бедности, не устраивает в Алексее Виноградове?

– Ну, ... он, конечно, спортивный, мужественный, но за душой не гроша, художник, то пусто, то густо, не серьёзный, его картины продаются плохо, он о себе высокого мнения, а люди не очень-то торопятся хвалить его картины. Видной внешности, от того в его окружении всегда много женщин, чем он любит хвастаться, а я терпеть не могу слащавых хвастунов, и в же сами не хотите, чтоб я жила на жалкие гроши... – ответила устало Агнесса, мило опустив ресницы.

Во всём у добродетельной девушки с родителями был мир да лад, кроме вопроса о замужестве: замуж ей не хотелось вовсе.

Агнесса со вздохом подумала: «Алексей Виноградов – слащавый глупец, возомнивший себя гением без всякого основания от меня замужества хочет, а тут не за кого замуж выходить! Не за кого! у барона Мишеля что-то подозрительно жена «от чахотки» ушла, в чём я сомневаюсь, он мог ее и сам доконать своими претензиями бесконечными, с Фомой Пармоновым поговорить невозможно нормально, ну, и как

тут выполнить требование папеньки выйти замуж?».

Пётр Константинович протёр с деловым видом большие пенсне, покрутил в руках, а потом заботливым тоном разговор:

– Ну, ласточка моя, я понимаю, что ты у меня невеста видная, но, если ты продолжишь капризничать, то просто останешься в старых девах, чего я, конечно, не хочу. А что ты скажешь о... его сиятельстве Семёне Степановиче? По мне, так хорошая партия: принадлежит старинному графскому роду, богат, жемчужную нить большую в подарок прислал, один растит племянника-крестника, сиротку Кириюшу. Поместье большое в идеальном порядке, причём у него нет ни эконома, ни управляющего, служил в армии, должности имеет, сейчас путешествует много, на балах частый гость...

Агнесса с невообразимо тоской в глубинных голубых, как море, глазах, подытожила разговор, который порядком ей наскучил:

– Милый мой папенька, я, конечно, всё понимаю, я, без сомнения рада, что на мою скромную персону из купеческих слоёв обратил внимание его сиятельство Долгопятов Семён Степанович, но ему уже шестьдесят лет! Шестьдесят! А вдруг у нас детей не будет? Вы об этом подумали? Папенька, я..., я не знаю, что ответить, вы боитесь, что я останусь старой девой, я не хочу выходить быстрее, потому что мне жить с этим человеком всю оставшуюся жизнь. С вашего разрешения, уберу чай и иду на прогулку...

Пётр Константинович молча, кивнул, а ловкая Агнесса быстро убрала опустевший за беседой чайник и розетку с клубничным вареньем, которое так любил пожилой купец, а после этого пошла прогуляться в городской парк. В этот раз неумолимый календарь показывал июнь, на улице безветренно, пригревало ласково солнышко, а Агнесса гуляла с маленьким томом стихов по улице, настолько же красивая, полувоздушная в цветочном платье, и насколько и печальная. Агнесса любила читать на большой чугунной скамейке в городском парке, в её кругу чтения входили как поэты, так и прозаики, Данте, Гюго..., но стихи она любила намного больше. Здесь же, в парке, она часто читала святое Евангелие. А ещё на этой же чугунной массивной скамейке в парке она любила мечтать, кормить голубей и размышлять о будущем. Вот и сейчас, прикрывшись стихами, она ещё раз обдумывала свою предыдущую жизнь и эту поднадоевшую тему замужества. Духовно-приходская жизнь, ласковые родители, учителя и книги..., так она жила до двадцати двух лет, пока отец и мать не решили твёрдо, что «прелестнице доченьке» пора замуж. Агнесса понимала беспокойство родителей, но не торопилась соглашаться, ведь от этого решения зависела вся остальная жизнь..., но доверия особого никто из женихов не вызвал..., а так хотелось ей встретить в первую очередь родственную душу. Чтобы понимать друг друга с полуслова, чтобы жить одним и тем же, но среди женихов не было такого человека...

...Потом уже Агнесса зачиталась стихи, затем вернулась домой к обыденным делам с мамой, добродушной весёлой тучной купчихой Верой Сергеевной, но нерешённый вопрос мучил всю дружную семью Смирновых. В прочем, особо грустить было некогда, ведь после обеда их уже ждала модистка, нужно было сшить платье на обед у барона Мишеля де Сифа. Модистка, пожилая француженка в старом чепце, долго возилась с примеркой ярко-голубого, пышного, как облако, и обильно украшенного кружевами платья для Агнессы.

...Подготовка к званому обеду была очень хлопотной, но через несколько дней Агнесса вместе с многочисленными гостями восседала на нарядным богатым столом в ярко-голубом платье, подобном облаку, и, от скуки, то снимала, то снова одевала атласные туфли с бантиками, периодически поправляя пшенично-золотые букли, перевязанные тёмно-синей лентой с тоской в глубинно-синих веждах. Эта официальная обстановка и одинаковые темы для разговоров поднадоели Агнессе. А в это время между гостями барона Мишеля де Сифа, среди которых были и другие претенденты на руку юной очаровательной девушки, шёл светский разговор:

– Господа, а вы не задумывались, о какой старости вы мечтаете? Некоторые люди считают, что есть мудрая старость, когда старшему поколению есть, чему полезному научить младшее, а некоторые говорят, что старость – это лишь болезни и дурость. А что думаете вы?

– Для меня старость – это опытность, поэтому автори-

тет старшего поколения должен быть беспрекословен! Они больше прожили! – с видом важного индюка, поправляя пышные усы, подчеркнул Мишель де Сиф.

– А для меня старость, наоборот, – лишь маразм! Эти возрастные люди забывчивые консервативные маразматиками, с которыми неинтересно, я за прогресс, и могу всё объяснить с научной точки зрения, в том числе процесс старения... – пессимистичным тоном подметил студент Фома, а Алексей Виноградов, поправив красивую блестящую тёмно-шоколадную шевелюру, артистично кивнул, добавив:

– Да, чаще всего старость – это маразм и беспамятство, усталось от жизни, а ещё именно пожилые люди чаще всего критикуют мои работы, потому что уже не могут вникнуть в их глубокий смысл...

– А я считаю, что у старости нет единого рецепта, как и у юности, более того, я считаю, что по-настоящему мудрая старость есть, но это плод тяжёлых трудов над собой, умение делать правильные выводы из ошибок, подстраиваться под новшества, умение следить как за благополучием, души, так и тела, получается, мудрую старость мы заслуживаем мудрой юностью, более того, думаю, что внутренний, душевный, и биологический возраст не всегда совпадают, сударыня... – Высказал свою мысль граф Семён Степанович, поправив седые, как серебро, но аккуратные модные бакенбарды, которые удачно сочетались с его аристократичным модным нарядом.

Тут Агнесса наконец-то оживилась, понимая, что интересная фраза Семёна Степановича её зацепила, на личике появился неподдельный интерес вместе со словами:

– То есть, вы хотите сказать, что человеку ровно столько лет, насколько он ощущает себя в душе? А как же его настоящий возраст? И вы весьма благосклонно относитесь к моде, но разве, по-вашему, мода не развращает душу, как думают многие возрастные люди?..

– Да, я считаю, что внутренний и биологический возраст не связаны между собой, а ещё я не согласен с тем, что любая мода развращает душу, если мода украшает, не мешает гармоничной личности, то я вовсе не против. – Ответил Семён Степанович, расправив красивые стройные плечи (тут Агнесса впервые обратила внимание, что Семён Степанович имел красивую величественную осанку, а так же в целом спортивное приятное телосложение).

– Значит, вы любите балы и театры, ведь это неотъемлемая часть модной светской жизни, так же мне интересно, как вы относитесь к крепостным театрам...

– Да, балы я люблю, блестяще танцую, считаю, что танцы объединяют и полезны и для души и для тела, иногда посещаю балеты, самое прекрасное по моему скромному мнению искусство-с, но являюсь ярким противником крепостных театров, думаю, что это очень жестоко и неразумно. Обращаясь с крестьянами по человечески, как с достойными людьми, можно не только оправдаться перед Богом и сыскать

славу «добрého кормильца», но и получить больше прибыли...

– А что вы ещё любите? – поинтересовалась Агнесса с мыслью: «Не знаю, как это у него получается, но его хочется слушать, если бы не возраст и вопрос о детях, пожалуй, в него можно было бы влюбиться...».

– Я люблю любое движение, страстный поклонник фехтования и конной езды, много читаю, поклонник Данте и Шекспира, люблю поэтов и баснописцев, особенно Эзопа...

Агнесса смущённо опустила ресницы, мило разругнулась, когда Семён Степанович очень даже оценивающе посмотрел на голубое платье – облако девушки, без сомнения пока Семён Степанович ей нравился больше остальных ухажёров.

«Но ему к сожалению, уже шестьдесят лет, он мне не подходит...» – напомнила себе со вздохом Агнесса, и решила пообщаться с другими гостями, поэтому она повернулась к барону, решив продолжить интересный разговор:

– Боюсь, месье, вас не поддержали, у нас пока двое противников авторитета старших, и один нейтралитет. А что вы скажете о балах и крепостных театрах?

– О, нет-нет, я большой противник балов и театров, – с неприятным акцентом ответил барон Мишель, – там нет скромности, все в таком непотребном виде, поэтому я предпочитаю чтение, у меня большая и очень красивая библиотека, много книг с иллюстрациями, вам, как читающей де-

вушке, должно понравиться... , всегда беру на пикники и отдых книгу...

«Это хорошо, достойная библиотека, да ещё и с иллюстрациями, это здорово, но, боюсь, о-о-очень боюсь, что я с ним дальше пикника из дома выходить не буду. Позеленеть от тоски можно...» – решила Агнесса, и обратилась к Фоме:

– А вы-с из простой семьи, привыкшие к другим видам отдыха? Каким же? Чем вы заняты, когда не пишете научные трактаты?

– Я предпочитаю простые пешие прогулки, потому что они освежают ум для научных свершений, если бы не знать, давно бы стал известным учёным, кстати, физики объяснили, почему человеку нужен отдых, а театры я считаю, знать придумала от скуки... – с деловым видом ответил Фома.

«Мда-а-а, весь повёрнут на науке..., хм..., а что Алексей Виноградов ответит?» – подумала Агнесса, и спросила молодого привлекательного художника:

– А что вы думаете о балах и театрах, Алексей?

– Я думаю, что это интересное времяпровождения, сударыня, но балы – это очень дорого и праздно, а театры уже интересней, я люблю искусства, так как сам не последний художник, считаю, что искусства интересны в любом виде... – Алексей тряхнул при этой фразе шикарнейшей темно-шоколадной гривой волос. А потом последовала небольшая, но занимательная лекция об истории театра.

«Да,... интересные он вещи рассказывает, жаль, что при

всех талантах почти нищий, но в качестве кандидата в женихи сойдёт...» – подумала Агнесса, и перед ней встала старая проблема: все женихи хороши по-своему, но ни к кому не лежало сердце по-настоящему, искренно.

– А что вы скажете о роли женщины в семье, многоуважаемые судари? О воспитании своих детей? Сколько в идеале хотели бы детей, чему хотите научить? – спросила Агнесса, ведь этот вопрос для невесты был самым актуальным.

– По мне-с, так всё очень просто: жена должна беспрекословно подчиняться мужу так же, как и дети отцу, а, если что-то не так в семье, розги решат все задачи. И детей, а я хочу не меньше пяти, буду учить в первую очередь католическим молитвам, ведь это великое счастье и благословение Бога: быть отцом... – ответил, слегка картавя, барон.

«Да уж, великое счастье, но только не для твоих детей и жены...», для твоих это скорее каторгой будет...» – подумала с беспробудной тоской в бездонном взгляде Агнесса, но стала слушать других претендентов.

– Ну, не знаю-с, по мне на слепом авторитаризме надёжных отношений не построишь, – возразил, поправляя романтические подкрученные усы, Алексей Виноградов, – По мне жена и муж в семье должны быть на равных правах, а главное, что их должно соединять – это любовь, страсть, совместные интересы. А дети..., я за попустительский стиль воспитания, пусть с детства привыкают к самостоятельности, без любви и сюсюканий, более успешными будут в будущем..., а

в идеале, если муж и жена по-настоящему влюблены в друг друга, то можно и без детей прожить...

Агнессу явно не вдохновила позиция Виноградова по отношению к детям, поэтому она решилась на уточняющие вопросы:

– Неужели-с вам совсем не мечтается иметь детей? А какой же по-вашему, главный смысл брака? И неужели вы думаете, что попустительский стиль воспитания сделает ваших детей более ответственными и самостоятельными? Не будет это им во вред? Я против авторитарного воспитания, но считаю, что невозможно разрешать ребёнку всё, это опасно для него. Неужели вы даже в камин разрешите своему чаду залезть-с или посудой играть?

– Да, сударыня, я не стану следить за своими детьми. Мне, кажется, что можно хорошо жить и без детей, если нет ни желания, ни средств, как у меня, в конце концов, когда в отношениях у мужа и жены взаимопонимание и любовь, то всегда можно родить ещё ребёнка. Для меня намного важнее отношения с женой, чтобы со временем не терять привлекательности друг для друга...

«Мда-а-а, явно не сошлись на взглядах на детей...» – сделала вывод Агнесса, но тут Алексея перебил Семён Степанович:

– А я вот-с какой интересный вывод сделал, наблюдая за своим любимым племянником Кирюшей, что он впитывает всё, как губка, то есть, если хочешь чему-то научить свое-

го малыша, просто сам начни это делать каждый день. Хочешь, чтобы мальчик учился хорошо? Чаще рассказывай, какие ты получил привилегии благодаря учёбе, помогай, повторяй, что учиться не только нужно, но и интересно. Хочешь, чтобы ребёнок молился, соблюдал посты? Чаще молись при нём, сам начни соблюдать посты, делись случаями, когда молитва помогла тебе. Хочешь обучить галантным манерам? Сам будь образцом хороших манер. То есть, хочешь воспитать ребёнка, воспитай сначала себя, а ещё, прежде чем запретить или поощрить, обязательно объясняй, почему ты поступаешь так, запреты без пояснений не работают. Проверено на опыте, что ребёнок любит подражать взрослым, причём не, только в добродетели, но и недостатках. В отношениях мужчины и женщины важнее всего уважение, иногда даже важнее любви...

«...Важнее всего уважение, иногда даже важнее любви... – эта мысль врезалась в память Агнессе, потому что она была полностью согласна с этой цитатой графа Долгопятова. Рассудительной красавице хотелось не любви, а уважения своего мужа, а ещё Агнессе показалась интересной его мысль о том, что ребёнка нужно учить примером.

– А вы близки с племянником, ваше сиятельство? Сколько Кирюше лет? Чем он увлекается? Почему у вас нет своих детей? – стала с неподдельным интересом расспрашивать Агнесса.

– Кирюше всего восемь лет. Да, я очень близок с племян-

ником, Кирюша набожный, ласковый, добрый мальчик, а так же мой крестник, любит играть, как и все детки, у него много игрушек, любит подвижные игры, животных. Мы с ним любим скачки, вместе выкармливали цыплёнка в коробке, кроликов ходим кормить. К сожалению, жена не успела родить, но в её случае лучше б и не старалась, это сугубо личная история, не уверен, что у меня ещё будут дети... – честно сказал граф Долгопятов

«Вот в том-то всё и дело, что у вас, скорее всего, уже детей не будет, поэтому вы мне и не подходите, хотя слушать приятно, вдобавок, я не готова растить чужого племянника...» – решила для себя Агнесса.

– Ну, не знаю, я б не хотел бы быть многодетным отцом, это очень тяжело, по-моему, сударыня, достаточно одного-двух детей на семью, а жена всё-таки должна слушаться мужа, я думаю, что равноправия быть не может. Чему хочу научить детей? Честности, а так же хочу, чтобы они хорошо учились и получили приличную работу... – протянул важно Фома Парамонов.

...А светская галантная беседа длилась дольше двух часов и здорово наскучила весёлой Агнессе, которая норовила отвлечься от разговоров, рассматривая замысловатые картины в обеденной зале с мифическими героями, Ахиллом, Гектором из Илиады, Орфеем, тапирами и Венерой, а ещё сидела и читала корешки книг в большом дубовом шкафу: Шекспир, Мольер, Бомарше, Данте, рыцарские романы, Руссо, мифо-

логия...

Агнесса тоже много читала, жаловала и рыцарские романы, и мифологию, но больше всего любила стихи, так как в них чувствовались живые эмоции, жизнь во всех её проявлениях, то, чем жила сама юная милая кокетка, ей так хотелось найти такого человека, с которым ей будет интересно и легко...

...Но не было такого...

Потом Агнесса обратила внимание, что граф Семён Степанович тоже перестал участвовать в дискуссиях, тоскливо поглядывая на шкаф с книгами и... тоже на картины.

Агнесса стала внимательно разглядывать графа. Высокий, спортивный, не худой, не толстый, а среднего телосложения, одетый по последней французской моде в благородный синий цвет, с ровной величаво осанкой, он был хорош. И короткая седая, как серебро, стрижка и бакенбарды украшали его, но морщины не только на лице, но и на руках безжалостно указывали на его возраст: шестьдесят лет. Нет, без сомнения Агнесса уважала его за силу воли и мудрость, но не настолько, чтоб выйти замуж.

«Кажется, его сиятельству Долгопятову тоже наскучили книжные рассуждения, хм, интересно, а как он относится к живописи?» – с интересом подумала Агнесса, и, не зная, с чего начать, тактично обратилась к барону Мишелю де Сифу:

– У вас, ваше благородие, красиво в имении, много инте-

ресных полотен...

– Да, – раздался приятный баритон Семёна Степановича – Имение обставлено с большим вкусом, изяществом, много достойных известных картин, комплимент вашему вкусу...

– О, спасибо, мои друзья, я знал, что не зря старался... – как и обычно, с некрасивым акцентом ответил барон.

Как и обычно, приехав со званого обеда домой под вечер, Агнесса помолилась и устроилась поуютней с книжкой в огромном мягком бежевом кресле: ещё не пришло время для сна, но ей просто хотелось побыть наедине с самой собой...

...Без сомнения из женихов Агнессе пока больше всего нравился Семён Степанович, тактичный, интересный, умный человек, который уважает не только себя, но и окружающих... да, он был бы идеальным женихом, если бы не почтенный возраст и вопрос о детях. Он был гармоничной личностью, но не настолько, что столь миловидная обаятельная Агнесса вышла замуж за графа по доброй воле.

Глава «Пожар на складе»

...Так прошли ещё две недели. Нет, не прошли, а пролетели за молитвами, книгами, вышиванием, трудолюбивой Агнессе некогда было, и думать о скуке, весь день расписан по минутам. А в тот вечер Агнесса приехала из церкви, переделась в кипенную кружевную сорочку с нежно-розовыми атласными бантами, напевая нежный мотив старинного романса, расплела из причёски длинные пшеничные блестя-

щие локоны, с комфортом раскинулась на большой мягкой кровати, задёрнула кружевной полог и крепко уснула...

...Это была характерная особенность Агнессы, спала она удивительно крепко, и снились ей только хорошие сны: птицы, море, райские сады..., а ещё она и ребёнок. Юная красавица не знала, откуда она во сне часто видела эту красивую пухленькую голубоглазую, в воздушном сиреневом платье девочку, но всем сердцем желала в замужней жизни родить такую.

Проснулась она часа в три ночи, от того, что внизу происходил какой-то шум: все домочадцы, мать, дородная добродушная купчиха Вера, сам купец и многочисленные слуги громко переговаривались, топотали, шумели, и даже в своей комнате Агнесса слышала крики отца:

– Что?! Как весь склад погорел?! Как?! Я разорён!!! Что, нельзя было потушить вовремя?! Почему я узнаю об этом последний?! Что делать?..

Агнесса, укутавшись в белый тёплый палантин, застыла в дверях, наблюдая развитие грустной сцены.

– Вот..., умоляю, не сердчайте, барин. Не знаю, кто так сделал, но весь склад погорел, весь. Кто? А Бог их знает, этих нехристей, конкурентов, темно, не особо разглядишь, а сторож пьяный... – с почтительным поклоном ответил слуга, молоденький паренёк, сняв красивый чистенький картуз, видать, ожидал хозяйского гнева.

– Как это что делать?! – весело, в шутовском тоне с укра-

инским акцентом, возмутилась Вера Сергеевна, поправляя нарядный расписной бордовый платок— Известно, что делать, Агнесса-то у нас видная невеста, женихи помогут!

...Вот теперь Агнесса почувствовала себя в самой настоящей ловушке судьбы, своеобразной жизненной темнице, от чего она съёжилась, укутавшись в белый тёплый палантин, обвивавший её стройные покатые плечи: теперь ей придётся идти замуж за того, кто просто даст отцу деньги. Для юной идеально-картиночной красавицы Агнессы чувствовать себя не влюблённой невестой, а вещью, которую скоро кто-то купит, было невыносимо, но постепенно она свыкалась с этой мыслью...

...Пётр Константинович скорее оделся и вместе с пареньком-слугой умчался куда-то, видать, разбирать последствия пожара. А Агнесса тихо села с мамой за резной нарядный стол и прошептала:

— Маменька, как вы думаете, что из этого получится?

— Кровинка моя хорошая, ничего, выкарабкаемся из трудной ситуации, отец в займы возьмёт у кого-то из женихов, ты выйдешь замуж, а отец торговлю снова наладит...

Настроения спать не было, и мать и дочь, молча, взялись за вышивание нарядных салфеток. Утром, к шести часам, снова Пётр Константинович вернулся домой, со слезами в бледно-голубых веждах, разбитыми пенсне в руках, а на круглом лице виднелись лишь усталость и волнение.

Вера Сергеевна бросилась навстречу мужу, обняла его

мягкими нежными крупными руками за могучую шею, тот погладил жену по шёлковым блестящим пшеничным кудрям и тихо изрёк:

– К сожалению, ничего спасти не удалось, самое ценное, склад, сгорел, теперь, чтоб не пойти по миру, у нас надежда только на выгодное замужество Агнессы, значит партии Алексея Виноградова и Фомы Парамонова исключаются...

Услышав эти слова отца, юная прелестница слегка вздрогнула и хотела возмутиться, но отец не позволил ей это сделать, перебив:

– Итак, хорошая моя любимая дочь, не вздумай капризничать и перебирать, хотела за красивого, но бедного, я тебе раньше давал такую возможность, а сейчас ты выполнишь свой дочерний долг без единого комментария, не забывай, что долг каждой порядочной девушки и любящей дочки, это порадовать родителей удачным замужеством и внуками!

Впрочем, расстроенная, бледная от волнения и усталости Агнесса и не собиралась особо перечить родителям, воспринимая со смирением это горькое известие: выбор для неё всё равно был нелёгкий, ни к кому сердце особо не лежало, унижительна была сама ситуация, но девушка понимала, что уже ничего не исправить...

Мысленно сетуя на нелёгкую женскую долю, девушка снова уткнулась в вышивание, спать после всех переживаний совсем не хотелось...

«Ну, одно хорошо в этой угнетающей ситуации, – решила

для себя милашка Агнесса, – что Фома Ильич беден, и мне не придётся выходить замуж за этого зануду масона, с которым от скуки с ума сойти можно...».

Уже днём, к обеду, после молитв, Пётр Константинович взялся писать письма барону Мишелю де Сифу и графу Долгопятову, текст которых вполне совпадал, кроме адресатов писем, и тому, и тому уважаемый купец обещал руку и сердце любимой дочери сударыни Агнессы Петровы, если те дадут займы под низкий процент.

Отправив письма, пожилой, полненький, но предприимчивый купец Пётр Константинович помчался снова по торговым делам, а Агнесса вместе с мамой, обаятельной Верой Сергеевной, занялась заготовлением варенья и различных солений.

– Не расстраивайся, доченька, всё равно тебе никто не нравился, а замуж выходить придётся, а все мужики одинаковые, просто слушайся мужа, рожай детей, помни, что любая женщина в первую очередь мать и жена, а всё остальное приложится... – при этих словах Вера Сергеевна нежно погладила дочку по золотым буклям.

Агнесса с горечью вспомнила свои мечты о той гармонии, когда муж и жена не просто делят супружеское ложе и терпят друг друга, а именно любят, а так же дышат одним и тем же, понимая друг друга с полуслова. Однако, милая девушка быстро прервала свои мечтания одной здоровой мыслью: отец на грани разорения, сгорел целый склад, поэтому её личные

амбиции лучше убраться на дальний план.

Этой ночью Агнесса не смогла уснуть, думая о своём будущем: с французским бароном Мишелем она превратится в затворницу и многодетную мать, а вот с его сиятельством графом Семён Степановичем..., Агнесса не знала, сойдутся ли они характерами, но её огорчало, что у них не будет своих детей. А ещё при всём уважении к мудрости Семёна Степановича, девушка не знала, как к ней отнесётся графский племянник Кирюша, всё-таки мальчику уже семь лет, у него уже свои желания и капризы. Вдобавок, в этом возрасте дети обычно собственники, требуют от взрослых много внимания, а вдруг этот мальчик не захочет делить крёстного с незнакомой тётёй?..

Так Агнесса и пролежала до утра, не сомкнув усталых бездонных морских глаз...

Как ни пыталась юная прелестница оттянуть утро, оно, не слушая ничьих аргументов, всё-таки взошло на эту грешную землю красивым солнечным таинственным светом и молодым туманом, который утром скрывал тайны наступающего дня, где скрывались либо главная удача, либо главное огорчение её жизни...

Пётр Константинович тоже переживал за дочь, но его логика была более консервативная: лучше уж за кого-то замуж, чем остаться в старых девах, и, в отличие от Агнессы, он понимал, что его первая гильдия и выгодная торговля делали дочь завидной невестой, теперь же женихи скорее сдела-

ют ему одолжение. Девушка разливала чай за завтраком, когда прибежал жалкий худющий крепостной мальчишка барона, с неуклюжим поклоном подал Петру Константиновичу записку от Мишеля де Сифа, и тут же убежал, как трусливый зайчонок. Пётр Константинович с важным видом поправил большое пенсне и с волнением и лёгкой дрожью в руках вскрыл письмо...

Вера Сергеевна и Агнесса не смели дышать от переживания, Девушка побелела, наблюдая за реакцией отца, и увидела, как ясный лик затуманился от разочарования, и даже бледно-голубые глаза казались абсолютно серыми, но немая сцена продлилась недолго, ведь разочарованный купчина воскликнул:

– Вот свинья этот французский барон! А ещё, скряга, смеет «вашим благородием» именоваться! Заломил такие проценты, что я никогда выплатить не смогу! Всё, кровинка моя, за барона ты замуж не идёшь...

Почему-то Агнесса выдохнула с облегчением: замуж за барона ей не хотелось, поэтому стали ждать ответа от графа Семёна Степановича Долгопятова. Вечером, где-то примерно в шестом часу, дверь в уютный кабинет Петра Константиновича приоткрыла красивая крупная женщина с толстой блестящей русой косой в старом, но чистом синем сарафане, с низким поклоном она подала письмо, мелодично, напевно произнеся:

– Барин, извольте принять письмо от его сиятельства Дол-

ГОПЯТОВА...

У Агнессы снова отлила краска от щёк, почти вцепившись в мать, она ждала вердикта, а Пётр Константинович открыл дрожащими руками с последней надеждой на благополучное разрешение ситуации конверт, и тут же радостная светозарная улыбка осветило его лицо, и громко был провозглашён вердикт:

– И так, радуемся, семья Смирновых, милейший сударь его сиятельство граф Долгопятов сказал, что даст нужную мне сумму безвозмездно, а не в займы, и ты, доченька любимая с родительским благословением выходишь замуж, да не за абы кого, а самого графа, его сиятельство! Дочка, приготовься по высшему разряду, завтра, прежде чем объявить о помолвке, ты едешь знакомиться с графским крестником Кириллом! Он написал, что в подарок игрушек не покупать, хватает, да и не полагается женщине подарки дарить, а купить сладости...

Тут же сияющий от счастья Пётр Константинович ласково обнял дочурку, нежно поцеловал три раза в бархатные бледные щёчки, а вот смущённая взволнованная Агнесса с трудом натянула улыбку, после чего девушка медленно обмякла и еле удержалась, схватившись за пухлую мягкую руку матушки, Веры Сергеевны.

– Дорогая, что это с ней? Мы с трудом избежали разорения, а ещё я ей выбрал самую выгодную партию, а она недовольна? – забавно и мило надувшись, возмутился Пётр Кон-

стантинович, пытаясь расцеловать обмякшую дочь.

Вера Сергеевна же помогла дочери красиво выпрямиться, с деловым видом поправила большой красивый расписной жёлтый платок и крупные коралловые бусы, весело, немножко с украинским свойственным для неё акцентом ответила:

– Свет очей моих, да что ты такое говоришь?! Как тут быть не довольным?! Это от счастья, хорошая наша, обмякла, от счастья, была ведь дочерью богатого купца, а станет настоящей графиней! Её сиятельством!

Надо сказать, что мать, конечно, солгала, нисколько Агнесса не обрадовалась нужде выходить замуж за столь пожилого жениха. Теперь она очень жалела, что в своё время, до пожара, когда отец и сваха предлагали девушке выбор, не вышла замуж за Алексея Виноградова. Но заносчивого слащавого художника она тоже не любила, единственное, что привлекало Агнессу в нём, так это изящная аристократичная внешность и возможность иметь детей, а граф ей, как личность, а не как жених, очень даже нравился, да и деньги отцу были нужны, поэтому смиренно девушка натянула широкую красивую улыбку, и пролепетала:

– Да-да, милый папенька, от счастья...

Купец же приобнял бережно дочку и заботливым тоном изрёк:

– Вот, другое дело! Помни, что твоё женское дело это следить за хозяйством, слушаться мужа, быть достойной и представительной дамой в высшем свете, чтобы ему не было

стыдно за то, что женился на худародной девице, ты должна выглядеть и вести себя, как у них положено, любить графского племянника, ну и своих детей родить. У тебя всё получится, ты же у меня умница и красавица, будь счастлива, дитя любимое моё...

«Конечно, родить! Легко учить вам меня, а потом, если не получится, обвинять, а что, если он, как мужчина, уже не может ничего?! Я ж потом в глазах людей виноватой буду, а вдруг у него не может уже быть детей?» – мысленно возмутилась явной несправедливостью милая девушка, но не посмела высказать свою мысль, а с фальшивой радостью на бледном лице промолвила:

– Да-да, ... конечно, я помню обязанности хорошей жены, я буду стараться..., с вашего разрешения, я пойду с маменькой на рынок, прогуляюсь, свежим воздухом подышу и куплю пряников разноцветных Кирюше...

Не дожидаясь ответа, Агнесса вытащила мать на улицу...

А на улице гуляли нарядные господа и сударыни, продавались ткани, платки, ленты, бусы, пряники и леденцы, радостно галдели ватаги ребятишек...

– Агнесса, а теперь скажи честно, ты чего так испугалась, когда отец стал тебя с грядущей свадьбой поздравлять? Ты чего ожидала? – ласково, с доброй улыбкой спросила тучная милая Вера Сергеевна дочь, поправляя пучок из блестящих пшеничных волос.

– Не знаю, матушка, – задумчиво протянула Агнесса,

нервно теребя атласные ленты у богатого кружевного капора, который она быстро одела покрыть золотые букли, – Он, конечно, замечательный человек, мудрый, образованный, аристократичный, с ним интересно общаться. Только как с личностью, а не как с кавалером, меня смущает его возраст и вопрос, а будут ли дети вообще?

– Доченька, ты давай, ерундой не майся, главное, он денежный и титулованный человек, в добавок, ты сама говоришь, что в целом, он тебе приятен, а дети... . Ну, он человек в возрасте, скорее всего детей уже у него не будет своих, но, если будет требовать, чтобы родила общего, сделаешь, как моя лучшая подруга, мадам Лиза, её старый богатый сморчок хотел детей, так она родила от любовника-цыгана двух здоровых красивых мальчиков, а мужу солгала, что её дед был цыганом, а она сама тоже смуглая кареглазая шатенка, он поверил... – весело подмигнув, намекнула Вера Сергеевна, покупая нарядный атласный большой кулёк разноцветных пряников.

– Как-то жестоко по отношению к мужу. Ладно, всё равно я не была ни в кого влюблена, просто я хотела ещё немного подождать настоящую любовь, но, видно не судьба, так что давай сюда пряники, и лучше посоветуй, что мне завтра одеть в гости... , хочется быть нарядной... – тихо, мелодично ответила Агнесса.

– Солнце моё, я уверена, что его сиятельство будет в восторге от того очень пышного зефирно-розового платья, в ко-

тором ты сама похожа на изысканный сладкий десерт... – ответила заботливо Вера Сергеевна.

... На следующий день в тоже время Агнесса с помощью любимой маменьки и служанок облачилась в шикарное пышное, украшенное воланами и бантами зефирно-розовое платье, а вместо буклей ей сделали строгий пучок. Тут как раз прибыла красивая, расписанная амурами карета, которую за своей невестой послал Семён Степанович Долгопятов. Конечно, девушка волновалась, но старалась вести себя естественно, будучи наблюдательной и умной. Звучит пафосно, но Агнесса искренно пыталась понравиться жениху и наладить крепкую дружбу с Кирюшей.

... Где-то в районе двух часов Агнесса прибыла на место встречи, в имение графов Долгопятовых. О, да здесь царила красота: красивые, как с картинки, деревенские домики, аккуратные хозяйственные постройки и красивый, украшенный колоннами барский дом с голубоватой покраской.

«Хм, красиво, конечно. Уж в чём, а во вкусе и хозяйственности ему не откажешь...» – сделала для себя вывод мысленно Агнесса.

Тут на крыльце появился сам Семён Степанович, как всегда высокий, в модном костюме, с тросточкой, а за ним стоял в нарядной рубашке с лосинами очень милый мальчик. Рыжеволосый, со смешными веснушками, солнечный мальчик трогательно прижимался к Семёну Степановичу и обязательно улыбался (я думаю, логично было сделать вывод что

мальчик-симпатяга и был графский крестник Кирюша).

Агнесса, с лёгкой отдышкой от волнения, подошла и с дешурной улыбкой мягко молвила:

– Моё почтение-с, ваше сиятельство, а это и есть ваш племянник?

Семён Степанович приветливо улыбнулся и галантно поцеловал ей ручку со словами:

– Драгоценная моя сударыня Агнесса Петровна, это вы мне сегодня оказали великую честь своим присутствием, вы теперь моя невеста, и я не намерен откладывать свадьбу в долгий ящик. Вы сегодня очаровательны, а так же разрешите сделать комплимент вашему изысканному наряду. А это мой племянник и крестник, Кирюша... – тут Семён Степанович обратился к солнечному мальчику, – Кирюша, не вежливо заставляя гостью стоять в дверях, давай пригласим на чай. Хочешь потом похвастаться игрушками?

Мальчик с довольным видом кивнул, и служанка проводила их в нарядную, обитую бархатом и украшенную картинами известных художников гостиную. Первое, что бросилось в этой роскошной гостиной в глаза Агнессе, так это генеалогическое древо. Большое, охватывающее аж одиннадцать поколений, красивое, где в наливных яблочках были записаны все данные о родовитой родне, без сомнения, украшало гостиную лучше иных картин, ведь было сделано с большой любовью к своим предкам и семье. Рядом деревом висело несколько портретов предков и известных картин, а в целом

богатая бархатная светлая гостиная имела атмосферу уюта. «Да, мило, – решила для себя мысленно Агнесса, – можно сказать, что мне повезло, если бы не вопрос о детях...», но тут им подали чай, и девушка со смущённым видом поспешила разлить ароматный лавандовый чай со словами:

– А я Кирюше пряников в цветной глазури привезла, можно ему дать к чаю-с?

– Конечно, драгоценная моя сударыня, можно, – ответил Семён Степанович и тут же обратился к Кирюше, – Вот видишь, какая добрая тётя Агнесса, цветных пряничков нам в качестве гостинца привезла, будем дружить с ней?

На это рыжий солнечный обаятельный мальчик звонко произнёс, хрустя пряником:

– Бу-у-у-дем, она хорошая, такие красивые цветные прянички привела и сама похожа на принцессу из сказки...

– Точно, устами младенца глаголет истина, она похожа на принцессу из сказки! – с доброй нежной улыбкой поддержал мысль мальчика Семён Степанович, а на душе у Агнессы повеселело, ведь она очень боялась, что графский племянник не примет её, будет капризничать, обижаться на каждую мелочь, ревновать, не слушаться.

Теперь, когда этот милый конопатый мальчик легко и безоговорочно её принял, Агнесса изумилась и умилилась, радостно воскликнув:

– Ты такой душка, ты похож на солнышко! Ну, что, погрыз прянички, хочешь показать мне свои игрушки?

– Конечно, тётя Агнесса, с радостью! Пойдёмте в детскую! – нетерпеливо воскликнул мальчик, вцепившись в изящное запястье купеческой красавицы.

Мальчик через резные расписные двери повёл Агнессу в свою комнату, а девушка продолжала идти за Кирюшей, осматривая усадьбу. Красивые комнаты, картины, изысканный уют...

В одной из тёмных гостиных взгляд Агнессы упал на большой поясной портрет весьма интересной женщины. Высокая, стройная, с интересной сложной причёской из блестящих чёрных, как египетская ночь, волос, в которые были вплетены диковинные фиолетовые цветы, в ярко-синем пышном платье с открытыми полными плечами. Зимний яркий цветотип таинственной неземной красавицы привлёк внимание Агнессы, она обратила внимание на подпись, которая гласила: «Её сиятельство графиня Евангелина Витальевна Долгопятова». «Хм, – подумала Агнесса, – надо будет спросить, что это за таинственная дама, и нет ли портрета первой жены графа, а, если это она, то почему же скончалась так рано?..».

И, наконец, Агнесса, и Кирюша оказались в детской с большим мягким дорогим ковром, на котором умиротворённо расселись игрушки: нарядные гусары, большой цветастый клоун с красным носом, плюшевый белый медведь, мягкая игрушка-мышонок с сыром, нарядная карета с лошадкой, которая заводилась на ключик, большой мяч и кубики, на по-

лочка были расставлен книжки, кровать имела тюлевую нарядную занавеску. В углу стоял небольшой стол со стулом для занятий с чернилами, перьями и промокашками.

– Посмотрите, тётя Агнесса, что чего прелестная карета, её заводишь ключиком золотым, лошадка начинает ножки переставлять, карета двигается, а я в ней гусаров катаю, а ещё они у меня воют, а это клоун, он очень смешной, а этого мышонка зовут Сыр Сырыч, он сыр любит. А здесь кубики с картинками, с этим мишкой я сплю. Вам нравится? Правда, же милые игрушки? Вам понравились? А за столом я уроки делаю, у меня всего первый год ещё учителя есть, мне нравится читать, а вот писать не очень, крёстный журит меня, что я пишу криво, как курица лапой...

Агнесса, тронутая наивностью доброго мальчика, искренно, располагаяще и широко улыбнулась и промолвила:

– Конечно, это самые лучшие игрушки, которые я только видела. Научишь меня, как правильно заводить карету, где там нужно рассадить гусаров, чтобы они все доехали?

Кирюша кивнул и с довольным выражением личика уселся на пушистый ковёр и стал учить Агнессу заводить карету, потом они вместе рассадили внутри ярких нарядных гусаров, милая девушка радовалась играм с графским племянником, как будто сама была ещё ребёнком, расспрашивая его попутно обо всём:

– А ты крёстного любишь? Он добрый или строгий? А что ты изучаешь? Учёба даётся тебе легко или тяжело?

– Ой, очень люблю, мы вместе и играем, и занимаемся, и гуляем, он научил мен кроликов за ушки держать, и цыплят кормить, и на лошадке ездить, он добрый. Учёба мне даётся не тяжело, я уже математику хорошо учу, закон Божий, читать умею, только писать мне не нравится, не получается, всё криво да криво, крёстный меня за это журит иногда. А ещё дядя заставляет меня есть полезную, но невкусную еду и соблюдать скучные манеры, но я не обижаюсь, потому что он добрый и без повода ничего заставлять не будет. Раз говорит так, значит, знает, зачем это нужно...

Тут Агнесса не выдержала и искренно рассмеялась на наивные жалобы ребёнка, который говорил тоже самое, что и она в восемь лет и скорее ласково успокоила, положив нежную дамскую ручку на плечико мальчику:

– Не волнуйся, когда мне было восемь лет, как тебе сейчас, я тоже не любила писать, а ещё не понимала, зачем нужно есть полезную еду и соблюдать манеры, но именно потому что я слушала старших, соблюдала манеры и кушала полезную, но невкусную еду, я стала такой взрослой и красивой. Ты меня сам сравнил с принцессой из сказки...

Мальчик в ответ мило улыбнулся, судя по всему, ему понравилась такая реакция «тёти Агнессы» на его детские бедки.

– А ты выйдешь за крёстного замуж? – уточнил солнечный мальчик, с неподдельным интересом поглядывая на Агнессу.

– Ну, да, ... – смущённо протянула девушка, опустив

взгляд своих глубинных морских глаз в пол, – А ты хочешь, чтобы крёстный на мне женился? Мы с тобой тогда будем дружить?

– Конечно, – обрадовался искренно мальчик, и у Агнессы отлегло на сердце, – Мы будем дружить, ты со мной играть будешь, когда крёстный занят, с уроками будешь помогать...

– А своих родителей ты помнишь? – спросила Агнесса, немножко покраснев от волнения, ведь не знала ничего о его родителях, и могла нечаянно причинить мальчику обиду.

В ответ тот притих, задумчиво перебирая в руках карету, нарядных гусаров и цветастого клоуна, а потом ответил:

– Маму я не помню, а папу сослали в Сибирь..., я часто, когда карету завожу ключиком, представляю, что мы с крёстным к нему в гости едем. Это же не страшно, правда, что маму не помню, а папа в Сибири, ты же всё равно выйдешь замуж за дядю, а мы с тобой дружить будем?..

Агнесса нежно, по-матерински обняла Кирюшу и промолвила:

– Не волнуйся, ты ни в чём не виноват, и дядя тоже, поэтому обязательно будем дружить с тобой, и, конечно, я выйду замуж за дядю...

Кирюша улыбнулся и смешно уткнулся носиком в мягкую ладошку Агнессы, потом снова вместе с девушкой взялся за игрушки, девушка же подумала: «Надо будет спросить у его сиятельства, за что отправили в ссылку его брата, и где мама Кирюши..., странно, что он её не помнит. Может, погибла

при родах? Или уехала вместе с мужем в Сибирь?..».

И тут в дверях наконец-то появился сам Семён Степанович и с располагающей улыбкой весело произнёс:

– Кирюша, хороший малыш, вы уже полтора часа с тётёй Агнессой играете, тебе нужно уже заняться уроками, а тётё Агнесе со мной побеседовать...

Кирюша без лишних споров тут же со вздохом встал, и пошёл за стол, Агнесса же, довольная, что знакомство прошло гладко, встала с мягкого ковра, правила пышные зефирно-розовые юбки и подошла к Семёну Степановичу и тихо спросила:

– Скажите, сударь, Кирюша всегда такой милый ребёнок или только при мне? И что-с случилось с его родителями?

– Да, он очень покладистый ребёнок, я рад, что вы-с с ним подружились. Что-с с родителями? Давайте выйдем в гостиную, не хочу при Кирюше рассказывать. Ну, мой младший брат связался с либералами в политическом кружке, идеи которых мне совершенно не близки и не понятны, а потом их за что-то арестовали, в суть я не вникал, приговорили к ссылке в Сибирь. Э-эх, мне кажется, я до сир пор слышу, как горько плакал он тогда, как просил меня пустить Кирюшу с ним в Сибирь, а я не согласился, понимал, что ребёнку там плохо будет, он у нас мальчик нежный, домашний, не уживётся он с бойкими детьми каторжников. Мне кажется, что я и сейчас слышу, как он упрекал меня в бессердечности по отношению к нему, и как я просил подумать в первую очередь о сыне,

а не о себе, о себе раньше надо было думать, когда ввязывался во всякие странные политические кружки, на что он ответил: «Не смог смотреть, как люди страдают!», на что я отчитал его: «Что тебе до всех есть дело, а до своего ребёнка нет?!». Звучит жестоко, но, увы, это так. Так, и не примерившись, уехал он, а Кирюша со мной остался, не дал я ему жизнь загубить. А мама Кирюши... не жена была моему брату, а... (Семён Степанович стыдливо прокашлялся...) ну, дама сердца, балерина, которая совсем не принимала участия в жизни сына. Учитывая эти два факта, у Кирюши есть проблемы со сверстниками, родители не хотят, чтобы с ним их дети дружили. Вот такая у нас невесёлая история...

Агнесса в глубокой задумчивости села в кресло в голубой гостиной. Почему-то она сразу поняла, что лёгкой её жизнь после замужества точно не будет. «Мдаа, пока я привыкну к этим тонкостям дворянской жизни, с меня семь потов сойдёт. Действительно, грустная история, но Семён Степанович прав, как никогда, я бы тоже не смогла думать о нищих крепостных или угнетённых низших слоях общества ценой благополучия своего ребёнка. Семён Степанович мудрый человек. Какая жалость, что у него уже не будет своих детей...».

– Я понимаю, будет непросто, но я думаю, что вместе мы-с как-то решим эту проблему, у Кирюши обязательно будут друзья... – только и сумела выдать Агнесса, а потом, вспомнив свой второй вопрос, снова оживилась. – Милейший мой сударь, меня ещё очень заинтересовал порт-

рет некой графини Евангелины Витальевны Долгопятовой, я правильно понимаю, что это ваша жена? А что же с ней случилось, почему она ушла такой молодой?

– Ну, это тяжёлая история... – трогательно замялся Семён Степанович, и стал рассказывать, и в каждом слове его чувствовалась необыкновенная боль, как, будто он ещё не до конца пережил эту историю, – Да-с, вы правильно поняли, что это моя первая жена. Помнится, драгоценная моя сударыня Агнесса Петровна, я говорил, что нахожусь в статусе вдовца. Да, я овдовел давно, ещё молодой. Женился я, когда мне было ещё двадцать лет, причём на девушке, которую искренно любил. Она была всего на год старше меня, её иконописная внешность очаровательное правильное личико нравились мне с детских лет. Мы родились в дружественных семьях, наши родители часто оставляли нас вместе играть, сначала я был в играх «папой», она «мамой», а куклы – дочками. А так же в салки, прятки и жмурки. Постарше уже вместе и рисовали, и читали, и гуляли на ярмарку. Она была интересным человеком. Завораживающая, как зима, вот это точное сравнение. И, когда пришёл срок, я посватался, она согласилась, и наши родители были счастливы. Так мы прожили два года в каком-то прекрасном Рае, а потом..., а потом все её подруги забеременели, родили первенцев, мальчиков и девочек. Я помню, что жена сначала просто начала волноваться. Ещё через два года у всех знакомых родился второй ребёнок, а её стали упрекать в женской несостоятель-

ности. Я пытался уговорить её не волноваться, не слушать их желчных разговоров, всем знакомым говорил, что причина во мне, предлагал взять приёмного ребёнка. И, конечно, ездил сам по святым местам, молился о ребёнке, оплачивал дорогостоящее лечение. Прошло ещё пять лет, жена ездила на воды, к германским врачам, я ходил во время крестного хода босиком, постился, молился перед иконой святым Иакиму и Анне, а наши знакомые родили уже третьего ребёнка. Потом, на десятый год наших мытарств, аховые подружки посоветовали ей какую-то бабку-ведунью, мол, она на пояс заговор шепчет, исполнишь в поясе супружеский долг, и всё, будет у вас малыш. Я старался её отговорить от этой затеи, я вообще, как, и положено христианину, не признаю никаких ведуний и колдуний, но она в ответ лишь плакала. Плакала, что хочет детей, а Господь наш Иисус Христос к ней не милостив, говорила, что всё равно пойдёт к ведунье, только тайно, если я не разрешу. Но я не согласился, как бы это строго от меня не звучало, я чувствовал интуитивно, что этот грех никому счастья не принесёт, пытался внушить ей, что эта загадочная ведунья всего лишь шарлатанка, но разве можно остановить человека, который в отчаянии? Она сговорилась с одной девкой, что та принесёт ей пояс от ведуньи или ночью, или когда меня дома не будет, и глубокой зимней ночью я проснулся от того, что услышал её истошные крики. Что именно случилось, я сразу не понял, просто понёсся вихрем по винтовой лестнице вниз, чтоб скорее помочь, хотя не по-

нял, что именно случилось. Внизу увидел, как она корчилась от боли на ковре, а на талии был повязан толстый бисерный пояс. Почему-то я сразу догадался, что дело в нём, попытался сорвать, но у меня обожглись руки, тогда уже не осталось сомнения, в чём беда, застёжка оказалась крепкая, пока я сорвал, пока сбегал за водой, сбрызнул, она уже не очнулась, врач потом сказал, что были слишком сильные ожоги...

Агнесса с грустью слушала эту историю, слегка побледнев, подумав: «Если у него в молодости были проблемы с деторождением, то сейчас и подавно не на что надеяться. Грустно..., хотя, видно, что человек он принципиальный, честный, и Кирюша само солнечное чудо и океан обаяния..., не знаю, что из нашего брака получится, но то, что как личность, он мне нравится, я не сомневаюсь. Хорошо с ним. Понимаю его первую жену, в такого человека невозможно не влюбиться...».

Семён Степанович же на это с облегчением выдохнул, как будто после этой исповеди ему стало легче, кто-то не осудил его, а разделил его боль и переживания.

– Что ж, сочувствую... – протянула Агнесса, но тут же перешла на другую тему, чтобы не было неловкой паузы, – А что касаясь нашей свадьбы, вы уже определились, в каком храме мы будем венчаться? Я надеюсь, что вас не смутит небогатое приданное, учитывая, при каких обстоятельствах вы, сударь, посватались ко мне...

– Драгоценная моя сударыня Агнесса Петровна, меньше

всего я обратил внимание на ваше приданое, вы-с настолько чудесны, что я соглашусь жениться на вас, даже если вы будете бесприданницей, вашему папеньке сейчас нужна помощь, я это понимаю. Я хочу, чтобы наше венчание состоялось в Исаакиевском соборе это самый величественный собор не только в России, но и во всём мире. Вам-с нравится эта идея?

– Да, – с натянутой улыбкой ответила Агнесса (девушка ещё не до конца пришла в себя после объяснения о первой жене графа), – Мне-с тоже очень нравится Исаакиевский собор, поэтому, милейший сударь, я полностью одобряю-с ваш выбор...

Семён Степанович кокетливо многозначительно улыбнулся, Агнесса разругалась от его взгляда, подумав: «Мы знакомы без году неделя, а я уже так к нему привыкла... даже жутко, как так привыкнуть можно быстро!».

Ещё с час Агнесса и Семён Степанович обговаривали все вопросы, связанные со свадьбой, и на прощание снова галантно поцеловал ручку, а потом Агнесса отправилась домой в графской карете, расписанной амурами.

Уличной погодой правил тёплый вечер, когда грохочущая роскошная карета прибыла к дому Смирновых.

Вера Сергеевна, поправляя наспех сделанный пшеничный блестящий пучок, выскочила к дочери, чмокнула её в щёчку и с волнением в голосе стала расспрашивать:

– Ну, что, доченька, как прошла встреча? Графский крест-

ник не капризный ребёнок? Вы нашли общий язык? Когда свадьба? Он приедет к отцу в гости? А нас с отцом пригласят на свадьбу? А его сиятельство хоть учтив с тобой? Ну, не молчи, дочурочка, рассказывай!

Агнесса нежно приобняла маму и начала своё повествование:

– Маменька, не волнуйтесь, сейчас всё расскажу. Кирюша очень хороший добрый мальчик, мы с ним прекрасно поладили, играли вместе. Его сиятельство сказал, что приедет один раз на обед к нам, и сразу решит все финансовые дела с отцом, так что папенька может вздохнуть спокойно. Свадьба будет через месяц, и вы, конечно, будете главными гостями. Его сиятельство сама галантность, и мне понравилось проведённое с ним время... но, матушка, он прекрасен, но знаешь... у нас с ним не будет детей. Первая жена хотела ему родить. Ничего не вышло, а он тогда совсем молодой был. Грустно, что у такого достойного человека не будет детей...

Вера Сергеевна погладила дочурку по золотистой макушке и многозначительно произнесла:

– Ну, дочурочка, хорошая моя, не переживай, это такая мелочь. Другое дело, если б ты не могла родить, а муж хотел детей, а так я понимаю, что родить в обязательном порядке, он требовать не будет, а станешь богатой вдовой, родишь от того, от кого захочешь. И не надо мне твердить, Солнце моё, что я слишком прагматичная и бессердечная. Я просто жизненная. Быть богатой вдовой очень даже выгодно, заодно по-

ка свою настоящую любовь поищешь, тем более, как человек он тебе нравится. Так что за детей не переживай, будут, но, когда овдоеешь...

Агнесса смущённо опустила взгляд глубинных морских глаз в пол и отмахнулась рукой, она знала, что не может к этому так легко относиться, как её мать: Семён Степанович был для неё эталоном, и Кирюша вызвал у неё сочувствие, не могла честная девушка их так подвести. И уж тем более девушка не смогла бы изменить обаятельному Семёну Степановичу. Он теперь стал для неё самым лучшим (не считая поднадоевшего вопроса о детях).

«Ладно, постараюсь поверить, что дело всё-таки было в графине Евангелине Витальевне, а не в Семёне Степановиче, хотя звучит это глупо...» – решила для себя девушка, а матушке сказала:

– Ладно, маменька, вряд ли вы мне что-то посоветуете в этом деле, с вашего разрешения я пойду переодеваться и молиться...

В прочем, спокойствие теперь Агнессе только снилось. Такая пышная свадьба отнимала много сил и времени, но, стоит заметить, что Агнесса, Кирюша и Семён Степанович за время подготовки неплохо сдружились. Агнесса с радостью играла с Кирюшей, гуляла с Семёном Степановичем в имении, вместе они дружно и без напряжения решали свадебные хлопоты. Так прошла первая неделя свадебных хлопот, когда случился первый неприятный для Агнессы инцидент.

...Агнесса укладывала своё приданное и личные вещи по сундучкам в милом домашнем бордовом платье с беленькими воротничками, напевая какую-то несложную, но нежную мелодию, когда вера Сергеевна, щеголяя нарядным жёлтым платком, подошла и тихо сообщила:

– Дочурочка моя милая, там Алексей Виноградов зачем-то приехал, не знаю, что именно ему нужно, но ты поговоришь с человеком?..

Агнесса мило женственно пожала плечами, искренно не понимая, что отвергнутому кавалеру от неё понадобилось, но мелодично ответила:

– Что ж, меньше всего меня интересует мнение Алексея Виноградова по поводу грядущей свадьбы, но пусть проходит, поговорю с человеком...

Алексей Виноградов прошёл в комнату, а Агнесса красиво выпрямилась и смерила его равнодушным взглядом. Да, он красив: каштановая пышная шевелюра блестела от солнечного света, улыбка была безупречно белоснежна, лицо украшали кокетливые усики-стрелочки...

«Да,... если бы я вышла за него замуж, точно б родила красивых здоровых детей..., да только он сам сказал, что детей не хочет, ему не на что просто вырастить их...» – подумала Агнесса, но поняла, что молчаливая пауза получилась неловкой, произнесла:

– Моё почтение, сударь, порошу заметить, что я вас не приглашала, поэтому у меня к вам-с вполне логичный во-

прос, зачем вы приехали?

На это Алексей томно вздохнул, подошёл поближе к Агнессе, аристократичным жестом протянув пышные гладиолусы, романтично протянул:

– Любезная моя сударыня Агнесса Петровна, я слышал, что вы-с в качестве жениха выбрали его сиятельство графа Долгопятова не по личной доброй воле, а исходя из финансовой выгоды, ибо отец ваш был на грани разорения из-за пожара. Мне кажется, всем в такой ситуации ясно, что вы-с, простите меня за прямолинейность, выходите замуж за «денежный мешок» и титул. И я решил дерзнуть и предложить вам обмануть его сиятельство, как только он даст обещанные вашему папеньке деньги, мы с вами сбежим! Сбежим во имя той вечной любви, о которой пишут писатели и поэты с античных времён, той страсти, той бури эмоций, во имя которых Елена Троянская сбежала с принцем Парисом. Вам, столь романтичной утончённой особе пойдёт образ сбежавшей невесты. Как вам-с такая хитрость?

Агнесса смутилась, стыдливо раздумянулась. Без сомнения, внешне Алексей был красавец, настоящий ловелас, другая бы с воплями восторга упала в объятия ему, но только не Агнесса. Внешность избранника её совсем не волновала. Быть может раньше Агнесса бы и согласилась на это, но только не сейчас, когда она прикипела к Семёну Степановичу всей душой и несла моральную ответственность за дальнейшую судьбу Кириюши. У графской семьи и так репутация бы-

ла не самая лучшая, бездетный граф с племянником, родители которого куртизанка-балерина и политически преступник и так осуждаемы в дворянском свете, а, если к ним ещё добавить и сбежавшую невесту, это перечеркнёт будущее как самого Семёна Степановича, так и Кириюши...

Нет, без сомнения это было бы настоящим предательством, которое Агнесса себе не простила никогда, ведь теперь их, двух таких похожих интересных людей и маленького Кириюшу объединяло что-то общее. То, ради чего можно было пожертвовать своими интересами. Не всеми, но некоторыми, например, страстным желанием родить дочь.

После длительного молчания Агнесса, окончательно приняв решение, Агнесса тихо, но уверенно ответила:

– Сударь, я, конечно, всё понимаю, я произвожу впечатление мадмуазель, которая выходит замуж за «денежный мешок», или выражаясь более простым языком, по расчёту, но это не ваше-с дело, милейший. Мой ответ будет нет-с, ни с кем я сбегать не собираюсь со своей свадьбой, меня в моём возрастном женихе всё устраивает...

Тут Алексей весьма криво язвительно ухмыльнулся и прервал Агнессу вопросом:

– Оу, вас, моя любезная сударыня, устраивает даже то, что у вас не будет детей? И возраст, и внешность жениха не испугнули-с? Я был о вас лучшего мнения, думал, что такую достойную милую умную прелестницу нельзя так просто купить... (Почему-то при этих словах Агнесса вздрогнула, а

взгляд морских глаз наполнился слезами, слишком жестоким ей показалось это суждение, хотя и не безосновательным, но всё равно ранящим, как лезвие, ей казалось, что это несправедливо по отношению к Семёну Степановичу.) Но, право-с, милая моя, я прошу вас одуматься, неужели вам может нравиться такой возрастной жених? Разве ж вы-с пустоцвет какой-то, чтобы прозябать в браке без детей? Неужели вам не хочется, сударыня настоящей любви, пылкой страсти-с? А мы бы перехитрили его, сбежали, когда он уже расплатился за вашего отца, поверьте мне-с, это замечательная затея...

Агнесса потупила взор и отвернулась: вот именно этой фразы она и боялась. Такая молва сгубила первую жену графа, теперь она идёт по её стопам, но Агнесса искренно привязалась к Семёну Степановичу и Кирюше...

...Они стали для неё смыслом жизни, радостью, светом в окошке, неугасимость которого зависит и от неё теперь. Ах, как Агнессе хотелось детей, просто до сумасшествия, но предать она не могла...

«Ах, какая жалость, какая жалость что у такого замечательного прекрасного человека, как Семён Степанович, и не может быть детей! Но он же не виноват, что его мать-природа стороной обошла, он достойный набожный светлый человек, который заслуживает счастья!» – подумала Агнесса и побелела, понимая, что иного решения здесь быть не может для неё, человека чести, спокойно, но твёрдо она произнесла:

– Нет-с, спасибо, я не собираюсь ни с кем сбегать, искать какой-то мифической страсти, и я отнюдь не Елена Троянская, ищущая счастья там, где его нет и не будет. И не надо оперировать детьми, я никогда не скрывала, что хочу детей, тем больше, тем лучше, но только, сударь, не от вас, вы-с воспитывать никого не собираетесь, сами говорили, что у вас на детей денег нет, и вам и так не плохо живётся. Я надеюсь, что явно дала понять, что мой ответ всё-таки нет-с...

После чего девушка вернула злосчастные гладиолусы обратно незадачливому любовнику. Алексей на это лишь зло ухмыльнулся и ответил:

– Что ж, я уговаривать вас, сударыня, не стану, да только что-то мне подсказывает, что вы-с сами через какое-то время наведаетесь ко мне в гости, чтобы изменить своему мужу. Что именно, моя милая любезная сударыня мне так «подсказывает»? История первой супруги его сиятельства, я думаю, что вы-с на кануне свадьбы уже ознакомились с этой грустной историей, а вы знаете, милая, как в наше время в свете относятся к бездетным парам – как к людям третьего сорта. Поэтому, если изволите поменять своё мнение-с, моя мастерская находится там же, где и раньше...

От такого удара бледная Агнесса хлопнула крышкой сундука с личными вещами, и с негодованием на нежном личике прикрикнула:

– Если уж я и изменю своему мужу-с, то это будете точно не вы, бестактный жестокий нахал, бесстыжий ловелас, ко-

торый настолько безразличен ко всему, что не касается его, что я вам бы не только жену и детей, а даже кошку не доверила! Да, сударь, вы не ослышались, извинений не ждите. До свидания-с...

Алексей Виноградов только тряханул каштановой шевелюрой и направился к выходу, А Агнесса вспомнила голубоглазую пухленькую девочку из своих снов и расплакалась...

... Да, ей было больно, словно кинжал вонзился в глубину души, ведь отказ Виноградову означал поставить крест на своей мечте стать матерью, но боль быстро утихла...

... Доченька, – послышался из-за дверей голос Веры Сергеевны, – Дочурка, у тебя точно всё хорошо? Что-то сударь Алексей вылетел злой и красный сейчас, а ещё..., хм, мне послышалось, что ты заплакала...

– Матушка, не знаю, как он моим приёмом, а я очень даже недовольна его бестактным поведением. Представляешь, – искренно возмутилась Агнесса, продолжая попутно заваривать душистый чай к обеду, – предложил мне обмануть Семёна Степановича, получить деньги, а потом сбежать, ну, логично, что я отказалась, а он заявил, что у меня тогда не будет детей, и я сама ещё приду к нему, а Семён Степанович просто купил меня! Согласитесь, милая маменька, просто неслыханная наглость!!! Это ж ещё додуматься до таких слов нужно! Я отказала, вот и злой он такой. Я... я, конечно, расстраиваюсь из-за того, то у меня не будет детей, но не до такой же степени, чтобы унижаться! И я... я не смогу уже

передать Семёна Степановича, он замечательный достойный человек, я не хочу подвести его...

На это тучная обаятельная Вера Сергеевна ласково приобняла дочь и со вздохом ответила:

– Я советовать в этой ситуации лучше не буду, Солнце моё, просто знай, что ты всегда встретишь мою поддержку. А на счёт Алексея Виноградова я бы не была такой категоричной, он красивый, быть может, со временем, когда ты, ласточка моя, уже будешь замужем за его сиятельством, ты и правда обратишься к нему, от него были б дети красивые. Впрочем, я не имею права за тебя решать такие важные вещи, но я никогда б не смогла пожертвовать своим счастьем ради счастья мужчины...

Агнесса стыдливо опустила взгляд бездонных морских вежд в чайник, убрав за маленькое ушко золотую прядь волос. От этих размышлений ей становилось тошно. Ну, не по душе честной Агнессе измены, а вот детей хочется...

– Ладно, – подытожила разговор Агнесса, – давай как-нибудь в другой раз лучше поговорим на эту тему...

Так настал день, когда граф Семён Степанович Долгопятов приехал в гости на обед к Смирновым. Агнесса готовилась к приезду радостно, как никогда раньше, ведь она уже привыкла к Семёну Степановичу, помогала Вере Сергеевне и служанкам накрывать на стол, потом наряжалась, в этот раз выбрав богатое, обильно украшенное бантами голубое платье, оттенявшее её хрупкую красоту и закрепив изящную

брошь на платье, а пшеничные букли были скреплены на затылке изящной сапфировой заколкой.

Агнессе очень хотелось ответить на гостеприимство Семёна Степановича тоже большим радушием, она старалась подготовиться идеально, и радостно побежала на встречу графу, как только услышала стук кареты. Конечно же, граф тоже волновался, поэтому расплылся в довольной обаятельной улыбке, когда девушка радостно выбежала ему на встречу.

– Драгоценная моя сударыня Агнесса Петровна, я очень рад вас видеть, вы сегодня прелестны, как и обычно, просто несравненны. Я по вам-с скучал, моё чудо, но позвольте-с всё-таки сначала переговорить с вашим отцом по поводу денег.

После этого Семён Степанович неспешно направился в кабинет к купцу Петру Константиновичу. Миловидный скромный сероглазый купец с искренним добродушием поправил пенсне, погладил окладистую бороду, которая казалась серебристой из-за седины, и бросился приветственно обниматься со словами:

– Ваше сиятельство осчастливили меня своим приездом! Ах, сударь, это так прекрасно! Лучше партии я для моей милой Агнессы и представить-с не мог! Вы-с, помнитесь за руку сударыни Агнессы обещали мне-с по родственному безвозмездно помочь деньгами, чтобы я склад мог восстановить погоревший склад...

– Да-с, конечно, я помню свои обещания, вот, – тут граф достал нарядную большую расписанную зимними узорами лакированную шкатулку и подал Петру Константиновичу, – Этих денег будет более чем достаточно, чтобы восстановить склад, купить необходимый товар и спастись от разорения, что вы, сударь, собственно и хотели. И прошу вас обращаться ко мне не по титулу, а по имени-отчеству. Мы всё-таки теперь-с родня...

По всему виду Семёна Степановича было заметно, что ему неприятно, ведь всем в этой ситуации было ясно, что как раз согласия Агнесса не давала, просто потому что её мнение никто спрашивать не стал, отец и зять договорились между собой...

...Конечно, любому человеку хочется, чтобы его любили, и Семёну Степановичу тоже хотелось, чтобы Агнесса не просто подневольно вышла за него замуж, а именно полюбила, но граф понимал, что это почти невозможно, поэтому в этой сцене было что-то противное для всех её участников. Пожалуй, кроме купчины, который радостно принял деньги и обнял со словами:

– Что же, мой хороший зятёк родной, береги дочурку мою любимую...

В прочем, сама Агнесса, которая так долго и старательно готовилась к приезду графа, уже свыклась с мыслью о себе, как о «товаре на рынке невест», и вежливо усадила дорогого гостя за нарядный стол, украшенный цветами стол. Сразу же

завязалась непринуждённая светская беседа, жених и невеста мило держались за руки, а Агнесса думала: «Но неужели такой интересный умный человек не заслуживает счастья? Однозначно, заслуживает, даже не знаю, почему он выбрал именно меня. Может, потому что я более ответственная, чем мои сверстницы?..».

Глава «Графиня Агнесса Петровна Долгопятова»

Вот, настал и сам долгожданный день свадьбы.

Свадьба вышла на редкость красивая, пышная, торжественная. Рано утром Вера Сергеевна и девушки-служанки разбудили Агнессу музыкой из заводной красивой музыкальной шкатулки в виде балерины, и началось роскошное облачение: сначала белоснежное кружевное нижнее бельё, чулочки, корсет и панталончики, изящные атласные вышитые золотом туфельки. Затем само роскошное необъятно пышное белоснежное платье, украшенное золотым шитьём и нежно-розовыми крупными розами на лифе.

Затем пшеничные длинные волосы девушки завили в упругие букли, а у свадебного наряда Агнессы появились аксессуары: белые атласные перчатки, нежно-розовый палантин, тоненькие золотые браслеты и украшение из трёх крупных жемчужных нитей.

При окончании сборов тучная Вера Сергеевна позолоченной иконой Божьей матери «Умиление» благословила любимую ненаглядную доченьку, и вереница стройных украшенных большими цветочными гирляндами из белых и розовых

роз, ирисов и ромашек и разноцветными лентами в гривах резвых гнедых лошадок с громким шумом двинулась к Исакиевскому собору, где должно было состояться само венчание. Сказать, что Агнесса волновалась, значит, ничего не сказать. Это был главный день в её жизни, поэтому хотелось, чтобы всё прошло идеально. В большом пышном соборе собрались многочисленнее гости, батюшка в праздничном золотом наряде венчал новоиспечённую пару, но сквозь стройное церковное нежное торжественное пение в мощном соборе слышалось, как ехидные гости подтрунивали:

– Да уж, жених-то староват для невесты! Ему б в пору жене в доме престарелых искать, а он туда же, за молодой девушкой!

– Да как старику не стыдно? Он либо бессовестный, либо дурак, раз решил на старость лет жениться на молодой девушке!

– Старый, богатый, титулованный, да даже не особо умный человек поймёт, что она по выгоде замуж выходит!

– Да ясен пень, что за «денежный мешок» замуж она вышла! Не в тех годах он, чтобы в него влюбиться можно было!

Семён Степанович подавленно склонил голову, было видно, что ему неприятно. Агнесса, заметив эту грустную ситуацию, нежно погладила своей девичьей ручкой его по плотной мужской руке и мягко улыбнулась, прошептав:

– Не волнуйся, всё в порядке...

В нём чувствовалась сила, несмотря на то, что морщи-

ны на лице выдавали возраст, рука была мышечная. Агнесса кокетливо заправила золотые букли за маленькое ушко, заигрывая взглядом, а Семён Степанович в ответ обаятельно улыбнулся. Что-то невидимое связывало этих двух людей...

... Да, под любовью можно понимать разное, но без сомнения Агнессе Семён Степанович не казался стариком, а имел свой шарм...

...Сказали бы ей с год назад, что она выйдет за шестидесятилетнего старика, Агнесса бы просто не поверила или расстроилась, посчитав это худшим вариантом, но сейчас уже всё было по другому...

...И, наконец-то торжественная венчальная служба кончилась, Агнесса и Семён Степанович бережно аккуратно поцеловались и, не дождавсь поздравлений, продолжили праздник (никто почему-то из близких и толпы гостей, желавших повеселиться на чужой свадьбе не пришло в голову подойти и поздравить сразу, как священник разрешил поцеловаться, настолько всех смутил этот неравный брак).

Сначала пышно украшенная цветочными гирляндами длинная вереница карет отправилась смотреть красоты Санкт-Петербурга, гости пили шампанское, гудели, шумели, обсуждали последние светские новости, а Агнесса медленно и плавно подошла к грифону, и вдруг вспомнила старинную примету: чтоб мечта сбылась, нужно погладить эту диковинную статую и подумать желание...

Агнесса женственно протянула руку в белоснежной пер-

чатке на лоб мифическому таинственному существу, погладила и во всех нежных красках вспомнила пухлую милую голубоглазую девочку из сна, как играла с ней в куклы, как та звонко смеялась, и подытожила свою мечту: «Хочу родить дочь...»... и сама же мысленно зло посмеялась над собственной наивностью: «Ну, да, лучше и не мечтать о таком, чтоб не разочароваться, как графиня Евангелина Витальевна, дети по воздуху не плавают, так что придётся распрощаться с этой мечтой или...».

И тут же девушка спешно и смущённо убрала руку с мифического чудовища, понимая, что её мечта вполне осуществима, но отцом будет уж явно не пожилой добрый почтенный Семён Степанович, а любой... (Агнесса не любила этого грубого слова, но как-то само всплыло в памяти) любовник.

Да, им может стать красавец Алексей Виноградов, молодой умный Фома Парамонов, а, может, будучи же дамой, она встретит ту самую большую любовь, о которой грезила.

О, да, ради этой мечты стоило совершить подлость!

Но тут знатные гости вместе с женихом и невестой отправились в имение на торжественный бал, в нарядном зале в обилии белых цветов играла торжественная музыка, полонез, вальс, мазурка, котильон...

Молодая пара ловко и красиво открыла туром вальса свадебный бал, Семён Степанович с трогательной бережностью ловко и грациозно вёл Агнессу во всех танцах.

Красивые танцующие пары напоминали ярких порхаю-

щих бабочек, Семён Степанович прекрасно вёл Агнессу в танце, а девушка смотрела на его обаятельную добродушную улыбку, и взгляд её морских бездонных глаз медленно наполнялся слезами: она поняла, что не сможет предать этого доброго обаятельного человека, который стал для неё таким важным. А, значит, на мечте стать матерью можно ставить крест. Да, даже мама говорила Агнессе, что пожилому мужу и изменить не грех, но Агнесса поняла, что не сможет так унижить столь достойного человека. Не способна она на подлость, а любая измена – в какой-то мере подлость.

...Полонезы сменялись вальсами, котильонами, польками, и так к двум часам ночи веселье кончилось, гости стали разъезжаться по домам, а жениха и невесту проводили в опочивальню.

Семён Степанович с довольным видом домашнего кота растянулся на кровати, которую украшал дорогой балдахин, и нежно потянул за руку Агнессу, на что девушка кокетливо, но не без иронии ответила:

– О, какие мы романтические натуры! А я уж подумала, что мне сразу переодеваться в ночную сорочку придётся, а у нас ещё и первая ночь будет?

Впрочем, нежные движения крепких рук графа убедили девушку, что первая брачная ночь у них будет вполне удачная, ласково и бережно, стараясь не причинять боли, крепкие руки сначала развязали шнуровку, отправили на пол кипенное платье с нежно-розовыми цветками, многочислен-

ные свадебные аксессуары, а затем бережно и нежно побежали по юному телу...

...На следующее утро Агнесса проснулась от шума. Звонкий задорный смех Семёна Степановича и Кирюши раздавался из гостиной. Агнесса с трудом приподнялась с кровати, после вчерашнего бала у него не просто гудели ноги, а болели и горели, можете представить себе, как девушка была удивлена, услышав, что шестидесятилетний мужчина с утра пораньше не просто встал после такого бала, а очень даже прытко и ловко играет с маленьким шустрим ребёнком?

Агнесса позвала служанку, сенную девку, та помогла новоиспечённой графине одеться в нарядное платье в цветах и капор, а потом девушка вышла в гостиную, где Кирюша шумно и весело играл с любимым дядей.

– Доброе утро, мои благородные мужчины, а что это вы у меня расшумелись с утра пораньше? Во что играете?

Семён Степанович мило смутился, а Кирюша, смешно подпрыгивая, залился смехом и ответил:

– Просто в прятки, в догонялки! Тётя Агнесса, идёте с нами гулять, мы кроликов будем кормить капустой...

– Дорогой, откуда в тебе столько энергии? – искренно восхитилась Агнесса, – Я, совсем молоденькая... (она чуть по привычки не сказала «девушка», но вспомнила вчерашнюю ночь, и поправила сама себя) женщина, и еле отошла от бала, а ты в восемь утра уже на ногах бегаешь с ребёнком!

Семён Степанович на это принял загадочное выражение

лица, многозначительно переглянулся с Агнессой и ответил:

– Что ж, просто сам Господь Бог со мной...

Агнесса тяжело вздохнула... «сам Господь Бог со мной»..., эта фраза немножко разозлила Агнессу, в душе появился незримый протест, хотелось возмутиться: «Да, сам Господь Бог с тобой? Тогда же почему он не дал детей тебе? И почему я должна разделить крест бездетности вместе с тобой, каким бы ты потрясающим человеком не был?..»

На деле она лишь очень мило женственно улыбнулась и бросила:

– Ладно, пойдемте, погуляем и покормим кроликов, но я, конечно, восхищена вашей активностью...

... Через несколько дней в жизни графа и его молодой жены произошло важное мероприятие: они, как супружеская пара, впервые должны появиться в дворянском свете вместе, их на бал пригласила дальняя родственница графа, графиня Елена Дубошитова, там Агнессе нужно было блеснуть своей красотой и найти подруг...

Задача, признаться честно, не из простых, в дворянский свет не принимали каждую титулованную простушку, которой удалось красиво по-дворянски нарядиться, нужно было вести себя соответствующе. Агнесса долго репетировала, изучала этикет, подбирала наряд и, что было важно, аксессуары, ведь ни одна приличная дама в том веке не поедет на бал без белоснежных атласных перчаток, веера и шёлкового узорчатого лёгкого палантина.

Семён Степанович всячески старался поддержать Агнессу, уговаривал:

– Не волнуйся, радость моя солнечная, золотце моё, всё получится, ты уже подготовилась, всё выучила, выглядишь шикарно, будет у тебя успех, найдёшь ты подруг...

...Графиня Дубошитова встретила гостей весьма радушно, расцеловала «дорогих родственников любезного Семёна Степановича и ненаглядную Агнессу Петровну», проводила в зал. Нежная изысканная музыка лилась волшебной рекой, пары кружились в изящных танцах, а Агнессу сразу же обступили несколько авторитетных в свете дам и их блистающих от драгоценностей дочерей...

Агнесса волновалась, но старалась не подавать виду, разнаряженные в помпезнее платья с яркими бантами и бриллиантовые украшения дамы покрутились вокруг неё и... к великому ужасу Агнессы в лице самой старшей и богатой дамы с пенсне внесли ей приговор:

– Слишком простая, не достаточно аристократичная для светского общества!

А разнаряженные дочери с перьями марабу в причёсках демонстративно презрительно фыркнули и отошли подальше за дамами.

Сказать, что Агнесса огорчилась, значит, ничего не сказать. Она не просто огорчилась, а была разбита и унижена, пытаясь понять, что с ней не так: и манеры есть, и одета не дешевле их...

...Но Семён Степанович поддержал молодую жену, сначала тёплой крупной рукой погладил её по покатоному плечу, мягко улыбнулся, шепнул:

– Ничего страшного, сейчас уладим...

После чего граф подошёл к хозяину дома, мужу достопочтенной многоуважаемой графини Дубошитовой, толстому важному генералу (ещё раз Агнесса убедилась, что Семён Степанович и телом и духом моложе своих шестидесяти, заметив, что сорокалетний генерал из-за лишнего веса, обрюзглости и пышных усов выглядит ровесником Семёну Степановичу) и вежливо попросил:

– Ваше превосходительство, тут-с, такое недоразумение вышло, что подружки вашей милейшей супружницы не признали себе ровней мою молодую жену, хотя она ничем не хуже их ни по наряду. Ни по образованности, только за её купеческое происхождение, хотя сословная принадлежность жен всегда равна мужу, то есть она теперь без сомнения её сиятельство. Не могли б вы-с пригласить сударыню Агнесу Петровну на танец, чтобы помочь ей реабилитироваться? Вы-с хозяин бала и к вам прислушаются быстрее, нежели ко мне, если вы пригласите её на танец, к ней будут по-другому относиться...

Весёлый усатый толстый генерал с задорным смехом ответил:

– Ваше сиятельство, не переживайте, эти ж дамы глупы, как курицы, покудахчут о неравном браке да и успокоятся,

а мы-с поможем Агнессе Петровне, – Тут же приветлив генерал подошёл и обратился к Агнессе, – сударыня Агнесса Петровна, разрешите вас на котильон...

Агнесса кивнула, и генерал легко и ловко понёс её в танце, веселье удалось, а потом все остальные танцы красавица танцевала с мужем. Те солидные дамы в бриллиантовых украшениях и пёстрых бантах уже снисходительно прощали Агнессе её присутствие, и даже сама юная красавица поверила, что теперь у неё точно всё будет хорошо. Поверила, пока одна из молодых красавиц в алом пышном платье вдруг подошла и язвительным тоном изрекла:

– Сочувствую вам, сударыня, что пришлось вам за старика замуж идти, всю жизнь чужого Кирюшу растить... хи-хи...

Агнесса, молча, уткнулась лицом в ладони с самым настоящим разочарованием. Больно было в душе, хотелось доказать, что она ничем не хуже их.

... Так нерадостно прошёл для красавицы этот бал. В прочем, такое фиаско Агнесса потерпела только на первом балу, их с Семёном Степановичем приглашали редко, но всё-таки совсем из дворянского света не отбросили, а с той красавицей в алом пышном платье, что язвительно отметила про «чужого Кирюшу» Агнесса даже подружилась. Это казалась очень знатная особа, княжна Наталия Уварова, молодая невеста очень богатого и родовитого князя. Подругой для Агнессы она оказалась неплохой, быстро обучила юную нежную Агнессу премудростям светской жизни, часто брала

с собой и другими дворянскими девушками на чаепития, но вот только норвила сострить в адрес Агнессы:

– Чужого Кирюшу всю жизнь растить будешь, со старым мужем молодость прожигать, не повезло бедняжке, скажи судьбе спасибо, что подруга хорошая появилась!

Агнессу эта жалость в свой адрес бесила внутри, хотелось возмутиться в ответ: «Он – несчастный человек, которому не повезло в молодости, но я его люблю!», но на деле у юной графини лишь получалось поддакивать сплетницам, ведь от них зависел её успех в свете.

Дома же драма сменялась чаще всего доброй комедией: то Кирюша смешно пытается улизнуть от обязанности прописывать, то на прогулке что-то интересное случится, Агнесса оказалась очень хозяйственной и экономной, умела угодить Семёну Степановичу, а тот в ответ был ласков, заботлив, баловал красивыми нарядами, старался сделать из юной красавицы светскую львицу...

Так пролетели первые три месяца совместной жизни, Агнесса уже прикипела к Семёну Степановичу всей душой, ведь он оказался и умным, и весёлым, и благородным не только по титулу, но и характеру. Граф оказался тем самым человеком, с которым можно, как в её мечтах, «жить одним и тем же, дышать одним и тем же...».

Глава «Всё будет не так просто, как казалось...»

...Но только главной проблемы Агнессы это не решило, чуда не случилось, от нежной и страстной любви ребёнок так

и не родился. Агнесса часто бывала в церкви, ходила босиком на Крёстный ход вместе со Семёном Степановичем, вымаливая ребёнка, посещала многочисленных врачей...

Агнесса самым тщетным образом попыталась себе внушить, что всё дело в бесплодности первой жены, а она ещё мало является женой графа «и душой, и телом», чтобы забеременеть, но в душе понимала, что беременность при хорошем раскладе может случиться и в первую брачную ночь. Тяжёлый выбор между мечтой и честностью никто не отменял.

Надо отметить, что отвергнутые женихи не простили Агнессе её выбор в пользу, по их словам, «денежного мешка», и скоро появилась первая возможность проверить отношения графа и Агнессы. Дело в том, что Агнесса заметила, что за её спиной стали язвительно шептаться. Конечно, юная красавица забеспокоилась, её и раньше-то не сильно любили, а скорее терпели в свете, а тут ещё и сплетничать о ней стали...

И вот на прогулке с другими знатными девушками нежная прелестная Агнесса в перламутровой «амазонке» обратилась к княжне Наталье:

– Как вы думаете, ваша светлость-с, почему в последнее время обо мне сплетничают?

Черноволосая высокая надменная красавица княжна презрительно фыркнула и ответила:

– Хм, сударыня моя подруженька, так нынче все обсуждают, что у вас-с, прошу-с прощения, появился любовник,

молодой бравый дворянин-гусар, весьма обаятельный поручик, и он недавно предал огласке вашу связь, вот так-то, а в качестве доказательства у него ваша брошь. А я, сударыня, не удивлена, вы хороши собой и достойны чего-то более старика...

У Агнессы всё в душе перевернулось, в глазах потемнело, а в горле начало першить: такой наглости юная прелестница не ожидала! В мыслях Агнесса перебирала все последние события с вопросом: «Так, я точно знаю, что верна мужу. Тогда кому может быть выгодно, ну, или просто интересно нас с Семёном поссорить? Кому? Кому я в последнее время делала что-либо плохое, за что меня можно невзлюбить и оклеветать?». Логично, что миловидная девушка сразу вспомнила, как негативно, с ненавистью и осуждением среагировали на выбор Агнессы другие претенденты на её руку, в поле подозрения попали все трое отвергнутых: и Фома Парамонов, барон Мишель и Алексей Виноградов. Так же Агнесса не исключала, что её могли оклеветать кто-то из светских барышень из зависти её выгодному неравному браку, ведь не всем везло выбиться из простых купеческих семей в дворянство. Окончательно запутавшись в мыслях, а, главное, совершенно не понимая, что теперь с этими сплетнями делать, красавица остановила гнедого коня и с трудом вымолвила:

– Давайте-с остановимся, мне нужно попить водички, я-с плохо себя чувствую...

Черноволосая и красивая, издали напоминавшая манера-

ми дочь фараона, а не простую дворянку, княжна Наталия высокомерно хмыкнула, поспешив съязвить:

– Ничего, сударыня, не переживайте, ваш-с старый муж всё равно не сможет наказать вас за измену, да и общество, скорее всего, посчитает ваш поступок прощительным, не век же чужого Кирюшу растить...

На эти слова Агнесса смерила властную княжну таким злым взглядом, что высокомерная Наталия робко отступила назад, а от бывшего превосходства в манере вести себя по отношению к Агнесе не осталось и следа, а юная графиня так смерила злым взглядом подружку, подумав: «А ведь у меня нет точной уверенности, что это не она клеветница, всегда общается со мной, как с низшим глупым существом! Замучила своими едкими комментариями! Как они замучили меня, постоянно принижая Семёна! Да вам всем до его харизмы, как до звезды!!!». Но вслух молодая графиня не посмела высказать свои эмоции, а лишь закусилла пухлую губу, жадно глотнула воды из кувшина, ещё раз из-под лобья глянула на княжну Наталию и ответила:

– Сударыня, предупреждаю вас, что со мной опасно шутить на эту тему, я всегда хотела иметь детей, но у меня пока нет такой возможности, но мужа я люблю, несмотря на разницу в возрасте, поэтому, если хотите укрепить наш дружбу, уважительно отзывайтесь о его сиятельстве-с...

Княжна Наталия удивлённо захлопала ресничками, с презрением глянув на Агнессу, а молодая графиня быстро и лов-

ко вскочила в своей перламутровой амазонке на гнедого коня и выпалила:

– Мне нужно поговорить с этим человеком!

Но в этот день Агнесса не смогла найти главного виновника своего позора, «липового» любовника, и решила отправиться домой, тем более скоро Семён Степанович должен был приехать со службы, а у Кирюши заканчивались уроки, молодая милая графиня планировала поиграть с ребёнком. Солнечный веснущатый Кирюша с озорным видом и залихватским смехом выбежал на встречу девушке с радостными воплями:

– Уррааа!!! Тётя Агнесса приехала, сейчас играть со мной будет!

Агнесса постаралась мило улыбнуться, но у неё получилось это неважно, мягко выражаясь, с большим трудом она выдавила из себя:

– Ну, пойдём-пойдём мой родной хороший в детскую, доставай заводную карету, солдатиков и клоуна...

Молодая прелестная графиня старалась сосредоточиться на игре, но мысленно снова и снова переживала по поводу клеветы: «Зачем?! Кому нужно заниматься этой ерундой и клеветать на меня?! Меня и так еле терпят, и то, только благодаря тому, что я подружилась с княжной Наталией Уваровой, но я и ей не доверяю. И что с этим делать? Как среагирует сам Семён, когда до него дойдут слухи? Хоть б не поверил, а то ещё вернёт родителям с позором... Я не понимаю,

кому могла помешать моя скромная персона...».

Агнесса расстроилась. Почему-то в памяти вспомнились самые добрые светлые моменты их небольшой супружеской жизни с графом Семёном Степановичем, как по вечерам на прогулке он укутывал её в тёплую шаль, как они любовались звёздами на балконе, как у камина читали баснописцев в безмятежном покое...

... И сильные руки, ласкавшие её в ту самую первую брачную ночь...

Неожиданно Агнесса для себя поняла, что Семён Степанович вызывает у неё не только уважение, но и какой-то интимный интерес...

«Хм..., – с загадочной улыбкой подумала юная красавица, – что же в нём такое есть, что заставило меня не только уважать его, но и полюбить? Хорошее отношение? Сила? Мышцы? Он некрасив на лицо, морщинист, но сил и мужественности хоть отбавляй. В прочем, сейчас это не важно, но я решила точно, сегодня у нас с Семёном будет в спальне жарко..., а потом сама всё ему расскажу, и пусть он как-то спасает честь нашей с ним семьи! Да, нашей общей семьи! Он..., он должен мне поверить, если любит меня!».

Скоро закончил свои служебные обязанности и приехал домой сам граф Долгопятов и в первую очередь поспешил нежно обнять Агнессу, а та женственными ручками теребила то седые волосы в модной стрижке, то бакенбарды, то гладила крепкие сильные мужественные плечи...

– Дорогая, свет очей моих, я по тебе скучал, думал на службе о тебе, ты мне даже ночью снишься, так я тебя люблю, так люблю возвращаться к тебе со службы... – произнёс граф Симеон с такой глубоко нежностью, что у Агнессы сердце ёкнуло.

Нет, он самый любящий и заботливый, она его никогда не предаст.

– Дорогой, я тебя с работы тоже всегда с нетерпением жду... – тихо ответила Агнесса, но тут они оба рассмеялись, потому что их двоих обнял Кирюша, которого они сначала не заметили, – Ладно, пойдём ужинать, я уже приказал нам накрыть на стол.

Тёплый ужин в уютной столовой пришёлся всем по душе, а потом Агнесса и Семён Степанович, немножко поиграв с Кирюшкой и почитав ему сказку на ночь, удалились в свою спальню.

...Агнесса, стыдливо разругавшись, охватила графа за талию и запустила руки под рубашку, прошептала:

– О, да, мой силач, этого момента я ждала весь день! Я скучала по тебе тоже, давай разделим сегодня супружеское ложе...

Семён улыбнулся с выражением лица кота, которому дали сметаны и ловко развязал корсет, скинул домашнее платье на пол с нежным шуршанием, и их губы встретились...

Да, если бы страсть можно было измерить градусами, тут точно уже был бы лесной пожар.

И только после этого Агнесса решилась на разговор о случившемся инциденте:

– Семён, силач мой, самый лучший на свете мужчина, представляешь, что сегодня случилось?! Уму не постижимо! Какой-то гусар утверждает, что я изменяю тебе с ним, этой наглой клеветой он опозорил нас в дворянском свете! Мне сказали, что у него моя брошь, но я честно, никому ничего не дарила, и даже не очень-то поняла, о какой именно броши идёт речь, мои украшения все на месте. Милый, поверь, что мне нужен только ты, и разберись с ним, чтобы о нас не сплетничали! Я пришла в твой дом невинной, ты это знаешь, я люблю тебя, и мне не зачем было бы так позорить себя, кому именно выгодно меня очернить, не знаю, но хочу, чтобы ты разобрался с этим делом...

Семён тяжело вздохнул и закрыл глаза, что-то изнутри колело пожилого графа..., да, несмотря на возраст, он был силен, как зрелый лев, но морщины упрямо напоминали о том, что граф не молод, мягко выражаясь, а ещё история первой жены, которая так фанатично пыталась забеременеть...

На этот раз Семён Степанович решил поверить жене, но нехороший осадок всё равно остался, а единственное, что он смог ответить, было:

– Ладно, верю тебе, душа моя, верю, что ты не виновата, разберусь...

На следующий день супруги Долгопятовы каждый по своему начал борьбу с этим позорным инцидентом.

Для начала Агнесса проверила все свои украшения, абсолютно все были настоящими, неподдельными, среди них была и крупная малахитовая брошь в виде ящерицы, это украшение особенно хорошо запоминалось из-за оригинальности и дороговизны, и её Агнесса надевала с зелёным палантином на званый обед у одного из коллег мужа. Естественно, вывод напрашивался, что речь идёт об этой броши, но как же так получилось, что эта брошь, которая у неё на месте, вдруг оказалась в руках какого-то проходимца? Не раздвоилась же?..

С мыслями об этом Агнесса занялась привычными хозяйственными делами.

Пока у Агнессы и её верных служанок кипели в руках домашние дела, Семён Степанович с трудом справлялся со служебными обязанностями, думая о том «сопернике», клевете, и главном вопросе: «а что с этим теперь делать?»...

Старый хороший друг графа Долгопятова, князь Андрей Суриков с ухмылкой высокомерно бросил:

– О, что-то наш молодожён не выглядит счастливым! Или до тебя дошли слухи о любовнике твоей молодой жены? А ты головой думал или нет, когда покупал себе в жёны это чудесное юное очаровательное создание и решил ей перечеркнуть молодость?

У Семёна Степановича сразу голова закружилась, а в памяти так не вовремя всплыли сцены из молодости, когда Евангелина, устав от бесконечного лечения, совсем не боль-

но колотила его могучую грудь маленькими кулачками и кричала: «Ненавижу тебя, Симеон!!! Ты виноват, в том, что у нас нет детей, ты выставил меня на посмешище!!! У кошки котята есть, у собаки щенки, у пичуги птенцы, у яблони яблоки, а у меня никого нет! Это из-за тебя, ты мне жизнь испортил!».

Так некстати было это воспоминание...

– Слушай, – выдавил недовольно из себя граф Долгопятов, – ты как бы мой лучший друг, мог бы и смолчать, лучше помоги найти мне этого поручика, вместе заставим его замолчать и брошь заберём...

– Ладно, буду помогать тебе, раз такое дело, но ты подумай над моими словами... – процедил сквозь зубы Андрей Суриков.

Как только рабочий день окончился, в кабинете Семёна Степановича снова появился Андрей Суриков, с очень даже довольным видом и, смешно поведя бровью, сообщил:

– Симеон, подними голову от документов, я тут с помощью знакомых узнал всё про того поручика, это всего лишь какой-то молоденький гусар, и..., сударыня Агнесса и впрямь не виновата, брошка-то у него не настоящая, малахитовая, а, так, стекло. И, слушай, дружище, что было дальше: самое интересное, что он сознался, что его подкупили, но кто так и не сознался, сказал, что за определённую сумму готов вернуть брошь и распространить обратную новость...

Семён Степанович с облегчением выдохнул, ему казалось,

что с души камень упал, и уже в другом настроении он ответил:

– Ну, что, друг ты мой верный, пошли, оседлаем коней, доскачем до этого горемычного любовника, заплатим ему, да и всей истории конец...

Скоро верные друзья и правда прибыли в маленький домик, где их встретил высокий подтянутый усатый кавалер в гусарской форме со словами:

– Моё почтение, сударь, я правильно понял, что вы хотите выкупить у меня брошь многоуважаемой Агнессы Петровны?

У Семёна Степановича аж дыхание от наглости перехватило, а лицо перекосило, поэтому он прикрикнул:

– О, да, подлый нахал, ты всё верно понял!!! Сколько ты хочешь за то, чтобы из твоих же уст звучало опровержение, а брошка отправилась ко мне в руки? Кто был заказчик клеветы?

Гусар насмешливо ухмыльнулся, подавая вид, что не особо испугался грозного тона графа Долгопятова, и ответил:

– О, ваше сиятельство, не так уж много, сорок серебряных рублей, и опровержение гарантированно, это вдвое больше, чем заплатили мне за клевету-с, а вот назвать заказчика-с не могу, дело чести-с, обещал ему...

Семён Степанович с нескрываем отвращением бросил в руки проходимцу мешочек с деньгами и грубо закончил разговор:

– И знайте, сударь, что вы подлец, а я всё равно доберусь до правды, кто вам-с заплатил за клевету! Давайте, давайте-с брошь сюда!

Бравый военный подал брошь – зелёную ящерицу, а Семён Степанович моментально разбил подделку в руках, слегка поранив ладонь, и поспешил уехать...

Агнесса с радостью бросилась в объятия мужа, к его приезду она выполнила все хозяйственные дела, сделала с Кириюшей уроки и хотела вместе с Семёном Степановичем почитать Библию. Сначала Они нежно и уютно устроились у камина, он заботливо укрыл её покатые плечи шалью, граф хорошо разобрался в Священном Писании, а молодая красавица училась у него...

Потом Семён Степанович уложил Кириюшу, почитав тому сказку на ночь, и они снова, как и тогда, слились нежной парой в спальне, а из уст летели слова любви:

– Я люблю тебя, и поверь мне на слово, мне не нужны другие мужчины, я хочу детей только с тобой, только от тебя... – шептала Агнесса, когда руки графа обвились вокруг её талии.

– Верю! Верю... – шептал граф, целуя её сочные, как персик, губки.

...Граф был силён, как зрелый лев и при этом нежен, и это делало его неотразимым для Агнессы, несмотря на его возраст.

Глава «Трудная история»

...В прочем, забыть надолго об этом инциденте паре никто не дал, через неделю Семён Степанович и его ненаглядная Агнесса решили посетить самую модную у дворянства выставку картин. Прохладным дождливым днём Агнесса сняла нарядное, отороченное беличьим мехом пальто на руки галантного графа, они вместе с другими дворянами шли в огромных богатых залах, любовались изысканными произведениями искусства...

... Тут у Агнессы дыхание спёрло от возмущения: у Алексея Виноградова в его зале, а он, как художник, конечно, тоже присутствовал, стояла самая настоящая карикатура на них с Семёном Степановичем! Именно карикатура, потому что на картине возраст графа Долгопятова был сильно преувеличен, в жизни Семён Степанович выглядел более молод, а вот себя Агнесса узнала без труда. Такая вот утончённая издёвка над их «неравным браком», да только Агнесса, влюблённая в графа, не поддержала жалость к себе, а посчитала карикатуру издевательской по отношению к человеку, которого любила. Несчастную девушку аж покорило от обиды, но тут появился виновник неприятной ситуации, Алексей Виноградов. Как всегда, тряханув романтично богатой каштановой шевелюрой, с презрением глянул на Агнессу...

– Вы! – тут уже Агнесса не выдержала и сорвалась на гневный громкий тон, – Вы, сударь, подлый жестокий человек! Зачем вы нарисовали карикатуру на нас? Его сиятельство со-

вершенно не похож на себя, он свеж и силён в жизни, а вы специально преувеличили, чтобы высмеять нас, сделать мне-с больно! Не получилось-с!

Алексей Виноградов важно разгладил усы-стрелочки и ответил:

– Что ж, моя милейшая сударыня Агнесса Петровна, я понимаю вашу-с обиду, но разве вам самой не противен неравный брак? Разве же вам не хочется любви и детей? Да, я причинил вам боль, но я же могу вам и помощь, мой прекрасный дивный цветок, понимаете, ваш брак не может быть препятствием для настоящей любви, нашей кипящей страстной любви, мы бы могли сбежать, сбежать, чтобы стать по-настоящему счастливыми в нашей любви. Вы-с образец неземной красоты, я тоже хорош собой, у нас бы точно были самые красивые дети...

Агнесса тяжело вздохнула и почувствовала некое неприятное ощущение в покатых красивых плечах, словно что-то давило на плечи. Конечно, это лишь метафора, но точно выражавшая эмоциональное состояние красавицы, ведь на ее плечи легла ответственность за решение: она так хотела детей, а слащавый художник и впрямь был хорош собой, их общие дети могли бы быть идеалом красоты, эталоном. Но, если в начале отношения Агнессы и пожилого графа были построены на уважении, то сейчас ситуация изменилась, брак уже держался на любви, и ради этого чувства Агнесса была готова пожертвовать своей мечтою ради любви.

– Нет, – решительно и твердо прозвучал ответ молодой графини, – страсть и любовь в нашем странном дуэте есть лишь у вас, вы, сударь, видно, меня не поняли в первый раз, что ж я повторю снова, что жалость мне не нужна, я не чувствую себя особой страдальницей из-за неравного брака. Я – не Елена Троянская сбегать ни с кем не собираюсь. И я не понимаю, на что вы рассчитываете, когда унижаете меня и тут же объясняетесь мне в любви, звучит..., ну, по крайней мере глупо. Такая любовь больше похожа на издевательство и отсутствие элементарного уважения. Никогда не понимала людей, которые не могут простить объекту страсти выбор другой партии. А теперь признайтесь, что вы и барон де Сиф причастны к истории с брошью!

Даже со стороны было видно, каким пристыженным и обескураженным стал сразу Алексей Виноградов, он не ожидал такой прозорливости от Агнессы, несколько минут стоял молча, а потом с волнением продолжил разговор:

– Ну, да-с, вы верно догадались, это мы с его благородием придумали так ловко, но поймите, это же ради вашего блага, прекрасная сударыня, теперь вы увидели, что вас-с никто не осуждает, а большинство людей считают ваш проступок логичным, и можете предаться без страха осуждения настоящей любви и страсти...

Агнесса, кажется, еще больше разозлилась на Алексея Виноградова и всех своих оппонентов, у нее было такое чувство, будто ей в душу плюнули.

– Знаете, сударь, а вот после этой наглости точно нет-с, уже окончательно...

Агнесса развернулась и с оскорбленным видом развернулась, и неожиданно для всех подошла к Семену Степановичу и... нежно поцеловала его сначала в подбородок, а потом в губы! Алексей Виноградов брезгливо скривился, а сильный пожилой граф расцвел в довольной улыбке, такой своеобразной жест ему пришелся по вкусу. Он никак не мог узнать, о чем его супружница переговорила с художником Виноградовым, но этот потрясающий жест придал им обоим уверенности в любви...

На следующем балу у губернатора Агнесса в шикарном пышном нежно-сиреневом платье, богато украшенном кружевами, и такими же сиреневыми перьями в пшеничных буклях и с перламутровым жемчугом на шее произвела фурор! Все хотели танцевать с ней, пожилой граф по праву мог гордиться молодой женой, а завистливая княжна Наталия Уварова на фоне красавицы Агнессы потерпела настоящее фиаско.

А потом Кирюша заболел, маленьким рыжим комочком свернулся мальчик в своей кроватке под нежным мягким одеялом, а Агнесса и Семен Степанович заботливо крутились у его кровати: читали ему, развлекали, играли с ним, таская игрушки, то клоуна, то мягкого мышонка, то книжку с яркими картинками, старались подкормить сладеньким...

О, как мило смущались романтично настроенные супру-

ги, когда, одновременно проверяли температуру у Кирюши или поправляли мягкое одеяльце и при этом их руки соприкасались...

– А вы же всегда будете любить друг друга, правда? Как в сказке? – спросил Кирюша за чтением книжки.

– Конечно, – с доброй нежной женственной улыбкой ответила Агнесса, а Семен Степанович кивнул головой, а дальше, случайно, но очень мило, они сказали хором, – всегда, обещаем...

В прочем, счастье этой «неравной» пары продлилось относительно недолго, пока Семен Степанович пропадал на службе, а Агнесса была занята хозяйством и воспитанием солнечного, но чрезмерно подвижного Кирюши, у ее отвергнутых женихов созрел новый план.

... Как-то вечером барон Мишель де Сиф, для того, чтобы исполнить этот план, затаился у старой, но крепкой деревянной калитки. Он заранее узнал, что там живет комнатная служанка Агнессы, и, когда дородная простушка с вороной косой шла с работы, то неожиданно схватил ее за руку. В ответ та с видом маленького напуганного воробышка громко пронзительно взвизгнула, но барон с неприятным нерусским акцентом поскорее начал успокаивать девушку:

– Не бойтесь, красавица, не обижу, а будешь умницей, то и деньги неплохие получишь, 20 рублей...

– Ааа,... а что я должна буду за это? – спешно, не совсем очнувшись от страха, протараторила простушка-служанка с

вороной косой, на что французский барон ответил:

– О, право, сударыня, я не попрошу у вас ничего предрас-судительного, но вы имеете доступ к гардеробу молодой ба-рыни, за такие хорошие деньги я прошу вас сущую мелочь: найти в гардеробе вашей барыни нежно-сиреневое украшен-ное кружевами платье и принести мне отрезок ткани от это-го платья, время вам даю всего два дня. Через два дня буду ждать вас, милейшая сударыня, и только когда получу нуж-ный отрезок ткани, вы получите свои деньги. Я думаю для вас такая хорошая сумма далеко не лишняя, правда?

После этого барон Мишель де Сиф манерно поцеловал простушке пухлую руку, а у девушки-служанки отпал вся-кий испуг, она кокетливо улыбнулась, в смущении теребя во-роную косу, и кивнула со словами:

– Что вы, барин, не стоит, все, что нужно, сделаю, я поняла задачу...

...А через два дня барон де Сиф получил желанный отрезок ткани, а предательница деньги. Надо отметить, что Аг-несса так была поглощена своей жизнью, что пропажу не за-метила, ведь нужно и по хозяйству справиться, и родителей проведать, и с Кирюшей поиграть, и с уроками рыженько-му конопатому непоседе помочь, и выглядеть, как настоящая графиня, и посещать светские мероприятия.

... Об этой подлости Агнесса узнала одним не самым удачным днем, когда их с Семеном Степановичем должны были пригласить на бал к одному важному чиновнику Юрье-

ву, естественно, молодая графиня собиралась на бал с мужем, нежно-голубое платье, цветы перья, воздушнее блондинистые блестящие букли...

Граф Долгопятов выглядел модно и свежо под стать жене, будто возрастной, но сильный лев. Таким он нравился Агнессе, напоминая зрелого льва, который находится в зените силы...

...Но мальчик-слуга принес вместо двух приглашений одно приглашение и пояснительное письмо, все сразу заволновались: что же пошло не по плану? Семен Степанович с деловым видом разглядел седые бакенбарды и громко зачитал приглашение:

– Приглашение на бал для его сиятельства графа Семена Степановича Долгопятова без супружницы, отказ принять ее светлость Агнессу Петровну написан в пояснительном письме...

Семен Степанович нахмурился, а выражение лица Агнессы стало кислым, тогда граф взял с нарядной расписной тарелочки пояснительное письмо. Прочитал про себя...

И вдруг резко развернулся на Агнессу с таким обозленным зверским видом и посмотрел таким уничтожающим пронзающим взглядом, что красавица поспешила отклониться назад в испуге и далеко не грациозно села от неожиданности в мягкое бархатное кресло, а мальчик-слуга ойкнул и спрятался за дверь на всякий случай. С большим трудом Агнесса спросила с искренним непониманием:

– Дорогой мой, что случилось? Только не надо так на меня смотреть, будто решил меня прикончить прямо сейчас, я тебя люблю...

– Милая моя хорошая, а вот лгать мне не надо, знаю, что не любишь, – недовольно перебил красавицу Агнессу Семен Степанович, – Я так догадываюсь, что ты опять будешь оправдываться, но в письме написано, что тебя не приглашают на бал за неверность мужу! Вот так! Пишут, мол, у студента Фомы Парамонова, любовника твоего, кусок ткани от твоего платья бального, сиреневого, того самого, котором ты была балу у губернатора, и даже не знаю, как реагировать на это! Обидно мне, ведь нам так хорошо с тобой вместе, но..., – тут Семен Степанович тяжело вздохнул, словно у него на груди висел тяжелый камень-булыжник, а потом продолжил, – второй раз такое?! Второй раз на тебя клеветают?! Что-то уж слишком подозрительно и подрывает мое доверие к тебе! А, может, это и не клевета вовсе?! Как доказать людям обратное, чтоб нас хоть немножко стали уважать в дворянском свете?! Я думал, что с тобой обрету то самое долгожданное семейное тихое счастье, которое у меня не получилось с первой женой, но пока я с тобой обрел целый ворох проблем! Говори как на духу, было у тебя что-то со студентом Фомой Парамоновым?

Агнесса, наконец-то осознав, что происходит, так же неуклюже вскочила с большого бархатного кресла, вцепилась в крепкую руку графа с возмущенным видом, кипящим

возмущением в глубинно-синих веждах и бойко уверенно ответила:

– Что-о-о?! Да как ты можешь сомневаться в моей верности! Я тебя люблю, и, поверь, мне нужен только ты! Не было у меня ничего со студентом Парамоновым, и быть не могло, пусть он и молод, но настолько прост, убог, что даже посмотреть не на что! Если бы ты приревновал меня к стоящему красивому мужчине, то я бы еще поняла, но к этому несуразному тощему созданию?! Зубрилке, ботанику, который головы от книжек не поднимает. Я не знаю, за что такое недоразумение, как Фома Парамонов, можно полюбить. Поверь, я никогда не сделаю такую подлость, просто они втроем не могут простить мне мой выбор, что я так легко досталась тебе, любимый, вот и вредят нам, кляузничают, а люди, им только дай повод для сплетен, у них не заржавеет. Любят люди посплетничать, любят, и ничего с этим не сделаешь...

И после этого Агнесса нежно и женственно прижалась к большой и сильной груди Семена Степановича и с любовью и страстью поцеловала его сначала в подбородок, а затем губы, и в этом полном эмоций поцелуе было все: любовь, нежность, лава страстей, уверения в верности. От таких поцелуев у Семена Степановича «сносило крышу», он напрочь терял холодный рассудок, поддаваясь океанической штормовой волне страстей и любви. Он не мог не верить ей: женщина, которая целовала его с такой любовью, не могла лгать и обманывать, поэтому подумав: «Ладно, поверю ей, за этот

поцелуй еще и не то простить можно», спросил, поглаживая ее по воздушным романтичным медовым буклям:

– Ну, и, ненаглядная красавица моя, что делать с этим будем? Тебя ведь не будут теперь на бал приглашать, а роль домоседки тебе не к лицу...

Мальчишка-слуга, увидев этот романтичный красивый поцелуй, расслабился, не особо вникая, в чем была причина гнева изначально, но понимая, что гроза миновала, хихикнул, и поспешил сбежать, а мало ли...

...Что-то уж больно этот нежный и страстный поцелуй больше походил на чисто временное перемирие, нежели на окончательную победу любви...

– Милый, – наконец-то Агнесса прервала поцелуй словами, – Я думаю, нам нужно восстановить мое честное имя, в прошлый раз разоблачить клеветников помогло то, что брошь оказалась подделкой, стекляшкой, а настоящая брошь благополучно хранилась у меня. Я ни с кем, кроме тебя не была и никакого отрезка ткани никому не дарила, значит, опять должен быть какой-то подвох. Может, барон Мишель де Сиф и Фома просто, как в прошлый раз, заказали себе отрезок точно такой же ткани, а мое платье целое? Надо проверить...

Агнесса красиво и женственно за счет приятно округлого тела поднялась в спальню, достала нежно-сиреневое платье и вскрикнула от неожиданности: у платья действительно был отрезан кусок красивой кружевной ткани на подоле! Теперь

оправдаться будет намного сложнее...

Помолчав какое-то короткое время, Агнесса догадалась: «Кто-то из служанок или крепостных девок помог барону де Сифу!» и громко гневно пронзительно закричала:

– Кто продался?! Узнаю, так точно забью!!!

Семен Степанович, услышал крик и быстро, прытко поднялся к Агнессе, глянул на нежно-сиреневое платье, которое принесло на балу у губернатора его любимой жене такой успех, заметил недостающий кусок ткани и снова поглядел на супружницу тем самым кипящим пронзающим уничтожающим взглядом, что и при прочтении письма со словами:

– Ну, что, боль моя головная, я не знаю, правда ли ты ни в чем не виновна, или просто оправдаешь себя сейчас, но в этот раз тебе свою невиновность будет доказать намного тяжелее! Эх, а ведь говорила, что любишь, что детей от меня хочешь, что мои года и седые волосы и не портят меня, прижималась к груди моей, когда мы романтично укутывались в плед вдвоем, училась от меня священному писанию...

Агнесса, решительно откинув блестящие сочно-пшеничные кудри за спину, кинулась на крепкую шею графа Долгопятова и уверенно твердо стала уговаривать:

– Но я, правда, ни в чем не виновна! Это кто-то из служанок продался, срезал ткань с платья! Мы обязательно вместе разберемся с этой сложной ситуацией! Лучше просто поверь мне, что я люблю лишь тебя и помоги вычислить, кто из слуг продался и вынес отрезок платья, а тот пусть сдаст заказчи-

ка клеветы! Ну, и дальше будем действовать по обстоятельствам...

После этого она глубоким и задумчивым романтическим взглядом посмотрела на морщинистое лицо, поглаживая тыльной частью ладони, затем погладила могучие плечи... да граф Долгопятов был не молод, лицо покрыли морщины, но мужественность, сила перекрывали все недостатки Семёна Степановича, и он сам чувствовал, как она наслаждалась объятьями...

«Нет, изменить она не могла, это, конечно, только клевета... мы справимся с этим...» – решил для себя Семён Степанович.

– Э-э-э, дорогая моя, – устало протянул Семён Степанович, – боюсь, что такой план действий не пойдёт, предателя мы уже никак не вычислим, предлагаю другой выход: как ты выяснила, в прошлый раз заказчиками клеветы оказались другие отвергнутые женихи: барон де Сиф, Фома Парамонов и Алексей Виноградов. Попытаюсь с ними поговорить, может, откупиться деньгами или еще как-то договориться, выудить из них признание, если они пойдут на встречу, то это очень хорошо, обвинение снова можно будет считать ложным, а тебя – реабилитированной, а на бал я не еду без тебя, хот, наверное, это глупое решение...

Тут из-за двери пугливо выглянул рыжеволосый маленький Кирюша, было видно, что он очень взволнован, услышав в детской громкую речь взрослых, и первое, что спросил сол-

нечный конопатый мальчуган, было:

– Крестный, тетя Агнесса, вы что, поссорились? Пожалуй-ста, не надо, не ругайтесь, я вас очень люблю...

При этом мальчуган прижался к ним обоим, а Агнесса поспешила погладить его по рыжей макушке и заверить:

– Что ты, Кирюша, хороший милый мой, не волнуйся, мы не ссоримся, просто у нас возникли взрослые проблем, которые нужно было обсудить, и все...

Мальчишка сразу открыто заулыбался и убежал к игрушкам, а Семен Степанович сказал:

– Ну, раз уж так получилось, что на бал мы в этот раз не едем, то поеду, поговорю с Алексеем Виноградовым, я очень надеюсь, что на этом неприятная история для нас закончится...

Семен Степанович уехал, а Агнесса погрузилась в грустнее мысли: о клевете, Кирюше и грядущей бездетности...

Почему-то, когда Агнесса вспоминала тот самый сон о белокурой голубоглазой пухленькой девочке, ей становилось тяжело на душе: неужели ей никогда не светит счастье стать матерью?..

Да, молодой графине было до боли обидно, что ее оклеветали и не пригласили на бал. Она так старательно продумывала каждую мелочь своего образа и в наряде и поведении, ей хотелось веселиться, нравится другим людям, общаться, а из-за какой-то клеветы она лишилась того, что составляло для нее важную часть жизни, но еще обиднее было вспоми-

нать тот сон. Тот сладкий и желанный сон, в котором она стала матерью...

...И тут Агнесса зарыдала с такой силой, что слышала, наверное, вся прислуга, так у нее накипело на душе!

А это оказалось не последнее потрясение за вечер, с разницей в десять минут пышногрудая дородная служанка доложила:

– Ваше сиятельство, тут к вам-с визит хочет нанести некий сударь Фома Ильич Парамонов, прикажете пропустить?

Агнесса тяжело вздохнула, быстро вытерла слез кружевным платочком, прокашлялась, подумав: «Как же он не вовремя! Какая нелегкая его сейчас принесла? Ладно, все равно я хочу объясниться, поэтому можно приказать пропустить его...».

– Да, проводите его ко мне, я очень хочу поговорить этим сударем...

Как только незадачливый студент-интриган зашел в комнату, Агнесса грубо и без всяких вежливых приветствий спросила:

– Ну? Зачем вам-с клеветать на меня? Вы, сударь Фома Ильич даже не знаете, как унижаете меня своей клеветой!

В ответ молодой человек галантно поцеловал Агнессе нежную ручку и ответил неприятно холодным тоном:

– О, милейшая сударыня моя, любезная Агнесса Петровна, поверьте-с, я ни в коем случае не хотел вас унижить, на-

оборот, вы-с божественно хороши собой и я желал показать вам, что вы-с достойны лучшего мужчины, чем ваш муж. Да-с, на данный момент вы замужем, но ведь это ничего не значит, неужели вы не видите своего же счастья? Да, Алексей Виноградов гордый самовлюбленный красавец, у которого вы были бы сто первой женщиной, который вас непременно б обманул, но я ведь не такой! Я люблю вас, зову вас с собой! Давайте сбежим! Вы же ведь так погубите свою молодость и красоту, у вас не будет детей, вы будете жалеть об этом всю жизнь! Уверяю вас, я не такой, как Алексей, я буду заботиться о вас-с, у нас будут дети..., умоляю, давайте сбежим...

Тут студент Фома стал перед красавицей Агнессой на колени и попытался поцеловать ей руку, но молодая графиня сильно толкнула его со словами:

– Но я вас не люблю! Не люблю! Ни с кем сбежать не собираюсь! Я люблю своего мужа и мне все равно, что все об этом думают! Сударь, я, конечно, понимаю, что выгляжу по крайней мере странно, когда говорю, что люблю человека, за которого вряд ли вышла б замуж по доброй воле, меня толкнули обстоятельства на это решение, но за это время я успела полюбить его! Так что прекратите, не нужно уговаривать, шантажировать меня детьми, я хочу детей и мне очень больно каждый раз, когда меня уговаривают на измену, давя детьми, когда на меня клеветают, это великая страсть, но не любовь! Любовь должна радовать, а не делать больно! И если я и рожу, то только от мужа! Прошу, если в вас есть хоть капля

простого уважения ко мне, верните отрезок ткани от сиреневого бального платья, в котором я была на балу у губернатора, и все!

И тут графиня Долгопятова снова заплакала с мыслью: «Как же я устала нести свой крест бездетности и всеобщего презрения, может я не права, отказывая им? Но по-другому я тоже не могу...», а шокированный Фома сначала отпрянул, помедлил, внимательно рассматривая плачущую Агнессу, а потом с неохотой и раздражением достал кусок тончайшего нежно-сиреневого шелка с кружевом и подал Агессе...

Красавица выхватила у него ткань, закончив разговор:

– Спасибо вам, сударь, что приняли мое решение, теперь прошу, не мучайте меня, уходите...

...А тем временем разгневанный Семен Степанович приехал к Алексею Виноградову в мастерскую, в простом помещении, которое было заставлено незамысловатыми натюрмортами, нарядными альпийскими пейзажами и портретами полуобнаженных красивых, но корпулентных дам, приторно пахло красками.

Алексей Виноградов наконец-то заметил графа Долгопятова, деловито потрянул темно-шоколадной гривой волос, неспешно разгладил усы-стрелочки и начал разговор презрительным тоном:

– О-о, сударь роконосец, вы-с изволили навестить меня? С чего бы это?

Разозленный, кипящий от обиды Семен Степанович в от-

вет с такой силой ударил слащавого красавца-художника, что тот с воплем упал назад, толкнув на пол очередной натюр-морт и портрет полуобнаженной итальянки...

...Эти два мужчины рядом казались такими контрастными:

В Семене Степановиче ощущалась мужественность, сила, величественная осанка, не смотря на возраст, он казался раза в два сильнее Алексея, который в принципе не обладал мужественностью. Единственное, что во внешнем виде молодого художника было более-менее запоминающееся, так это нежное личико с усиками-стрелочками и пышная грива шоколадных волос, словно метелка, он казался невзрачным и неопрятным подростком на фоне Семена Степановича...

Пожилой граф даже улыбнулся, ощущая некое превосходство над соперником...

– Так, а теперь слушайте-с меня внимательно, Алексей, смеяться я над собой никому не позволю! Скажите, откуда у вашего друга Фомы Парамонова тот отрезок сиреневой ткани и что вам нужно от моей драгоценной супруги?

Алексей резко соскочил с пола и резко ответил:

– А если она вас, сударь, не любит, не любит, что с этим можно поделаться?! Она так молода и хороша собой а вы загубили ее юность, купили у недотепы отца, а этот бессовестный купец-неудачник! Он должен был отдать ее за кого-то из нас! Да, и я, и Фома Ильич влюблены в вашу жену, но на вашем месте я бы не стал так смело утверждать, что ее изме-

ны – клевета! Вы, сударь, плохо ее знаете!

В памяти Семена Степановича всплыл тот момент, когда зимним холодным вечером они с Агнессой нежно обнимались, укрывшись теплым пледом, как только он представил, что Агнессу так же нежно мог обнять кто-то из этих «проходимцев», то картина с полуобнаженной итальянкой полетела на пол, разбившись вдребезги.

– Вы, что, сударь, с ума сошли?! – закричал Алексей, – Я столько времени писал этот портрет итальянки!!!

– Заслужил, не возмущайся! – грубо бросил Семен Степанович, и взволнованный, поспешил на этот раз уйти...

...Хотя неприятно повисло удушающее странное ощущение, что, будто соперники еще не договорили, и продолжение у этого разговора будет...

...Когда Семен Степанович приехал домой, Агнесса бросилась на шею мужу и страстно поцеловала его сначала в подбородок, а потом в губы, и Семен Степанович успокоился, очередной раз решив для себя: «Нет, женщина, которая целует с такой любовью, не может лгать и изменять... не может! Это клевета!».

– Милый, – прошептала в ответ Агнесса, – а вот и тот отрезок ткани от платья, в котором я была на балу у губернатора, мы сможем вновь доказать мою невиновность..., а где я его взяла, это уже не важно...

... На следующий день утром Агнесса поехала проведать мать и отца, достопочтенных купцов Веру Сергеевну и Пет-

ра Константиновича. Смешной пышный купчина, который, к слову, не только смог восстановить торговлю, но и разбогатеть еще больше, с довольным видом потер пенсне с радостным возгласом:

– О-о, моя хорошая, кровинка наша приехала нас проведать! Наконец-то, благослови тебя Бог!

Вера Сергеевна в цветастом желтом платке и с пышной пшеничной гулькой ловко подвинула мужа и бросилась обнимать дочь, причитая:

– Милая хорошая моя, решила нас проведать, мать с отцом уважить! Проходи, на улице холодно, чай горячий с клубничным вареньем будем пить...

Агнесса отряхнула липучий снег, села в кресло, а предприимчивая Вера Сергеевна разлила пахучий чай, рассказывая о том, как нынче хорошо идут торговые дела у Петра Константиновича, какие у нее вкусные соленья получились, и какие светлые воспоминания оставила свадьба Агнессы и графа Долгопятова...

– Матушка, – прервала ее Агнесса, – это все, конечно, хорошо, рада я, но я на этот раз приехала посоветоваться: я очень хочу родить, прям сил нет ждать, не знаю, что делать с этим, может, ты какие лекарства аль снадобья знаешь, чтобы помочь мне?

Вера Сергеевна тяжело вздохнула, нервно поправляя большой пучок из блестящих пшеничных волос и большой ярко-желтый платок с бахромой, и прошептала:

– Ой, милая дочурка моя, туго дело, туго, уж не знаю, как часто он в таком возрасте делит с тобой супружескую постель, но вряд ли ты можешь родить от него(Агнесса при этих словах нервно стеснительно хихикнула, и подумала: «Не знаю, что у нас с ним будет насчет детей, а на супружеском ложе он очень даже хорош, умеет мне доставить удовольствие», но вслух ничего не сказала). Дочурка, мы тогда из-за сгоревших складов отдали тебя замуж по выгоде, а не по любви, но если ты останешься богатой вдовой, то это же еще лучше! Сможешь потом распоряжаться всеми деньгами, выйти второй раз замуж по любви, жить с тем человеком припеваючи. А кто сказал, что это будут обязательно или Фома Ильич или Алексей? Быть может, ты найдешь кого-то получше! Поэтому, дочурка, слушай, вот тебе в колечке змеиный яд, как-нибудь за ужином подсыпь его сиятельству, и этот отягощающий неравный брак кончится навсегда...

Вера Сергеевна достала из расписной в русском стиле шкатулки большой перстень с красивым рубиновым камнем, но Агнесса с минуту посмотрела на перстень взглядом глубоко озадаченного и оскорбленного непотребным предложением человека, потом положила нежной рукой рубиновый перстень обратно в расписную шкатулку и произнесла недовольно:

– Маменька, да вы слушать меня умеете?! Я просила средство для беременности, причем мужа я люблю, он очень приятный и мужественный человек, и рожать я хочу только от

него! И точка! Поэтому, маменька, я прошу не издеваться надо мной морально, не советовать того, что я не хочу делать, а если б и захотела бы, то не смогла, а помогать! Ма-тушка, ты меня не понимаешь, как я люблю этого мужчину, но при этом так хочу детей! От него! Это такая мука...

Вера Сергеевна с огорченным видом покачала головой, нервными движениями убрала шкатулку с перстнем и тихо промолвила:

– Прости, доченька, просто вряд ли ты родишь от него... , он видный мужчина, но уже пожилой, ну, конечно, можете поездить на богомолья, можешь во власянице босой в крест-ный ход пойти, может, за границу к врачам обратитесь, на воды пусть тебя свозит...

Агнесса не выдержала и заплакала, вспоминая о плачев-ной судьбе первой жены графа, и с недоумением думала: «Ну, за что же такому прекрасному человеку, как Симеон, такая кара, как бесплодие?!».

На этом в этот день неприятности молодой графини Дол-гопятовой не закончились, а только начались.

Вечером Семен Степанович и Агнесса повезли Кирюшу на бал-утренник для дворянских детей, рыжеволосый коно-патый мальчуган хотел играть и танцевать с другими детиш-ками, но родители этих ребят были настроены против Агнес-сы и Семена Степановича, и детей подговорили плохо отно-ситься к Кирюше, девочки отказались с ним танцевать и иг-рать. Мальчики то подножку подставят, то толкнут, бедный

Кирюша только успевает падать, встать да плакать, не дают ему другие детишки потанцевать и поиграть, а один мальчик понапористее в итоге облил Кирюшу чаем! Наш маленький солнечный Кирюша не выдержал, искренно по-детски разревелся, Агнесса обняла его, осторожно вытерла слезки мягкой ладонью и предложила Семену Степановичу:

– Милый, я вижу, что дети его не смогут принять, они враждебно настроены родителями, они так и продолжают издеваться над ним, давай заберем Кирюшу домой... мне тоже больно признавать, что мы виноваты перед Кирюшей, но ничего не сделаешь...

Семен Степанович поморщился, ему конечно, было больно признавать, что Кирюша не смог адаптироваться среди дворянских деток, но пришлось принять эту горькую правду и втроем уехать.

Но спустя два дня в дом Долгопятовых пришла и радостная весть: гордая красавица княжна Наталия Уварова решила помочь подруге реабилитироваться и пригласила на бал их с Семеном Степановичем, если молодая графиня будет танцевать весь вечер с мужем, то все обвинения с нее снимутся.

Ах, как Агнесса волновалась, продумывала каждую мелочь, шила безупречное пышное платье цвета кофе с молоком и с золотым кружевом, выбирала самый белоснежный атлас для перчаток, перья в пшеничные воздушные букли, палантин, разучивала новые танцы, репетировала перед зер-

калом, как и что по этикету положено сказать...

От желания, чтобы все прошло идеально, Агнессу просто колотило.

И вот, наконец-то желанный день! Семен Степанович соответствовал красивой молодой супруге и выглядел как положено статусному зрелому мужчине. Полонез, вальс, котильон и мазурка в светлом классическом зале...

... Конечно, Агнесса танцевала только с Семеном Степановичем, и сначала все шло хорошо, но потом княжна Наталия, которая сегодня выглядела особенно отталкивающе из-за ярко-бордового открытого платья, позвала Агнессу в сторонку к столику с чаем и фруктами и таинственно взволнованно прошептала:

– Милейшая сударыня Агнесса Петровна, я тут хотела поговорить, такой у меня личный важный разговор..., в общем, я уже не раз слышала, что у вас-с проблема: вы-с не можете родить ребенка, хотя мечтаете об этом. Я вас, как подруга, прекрасно понимаю, не век же чужого Кириюшу растить, хочется личного счастья, хочется, вот и страдаете, а вот что вам предложу: есть у меня один знакомый кавалер, просто красавец, ах, какой кавалер! Работает секретарем у моего жениха, ну, он мне самой давно нравится, если бы вы-с изменили бы мужу с ним, то у вас были хорошие дети. А вот собственно, и он...

И Наталия изящным жестом с высокомерной ухмылкой указала рукой на одного из гостей, высокого симпатичного

молодого мужчину с русыми длинными волосами. Он не был особо красив, просто молод мил и симпатичен, но не более.

У Агнессы дыхание от злости сперло, а внутри все горело, а в голове по сотому кругу вертелась лишь одна мысль: «Ну почему?! Почему какой-то посредственный человек имеет счастье стать отцом, а мой любимый самый лучший Симеон нет?! Где справедливость?! И как это мучительно ради любви снова отказываться от возможности стать матерью...».

– Вы меня не правильно поняли, мадмуазель, – ответила недовольно Агнесса, – я ни в чей помощи и советах не нуждаюсь, мужу верна и справлюсь сама...

И с испорченным, втоптаным в грязь настроением молодая графиня подошла к Семену Степановичу и тихо мелодично предложила:

– Дорогой, давай поедem домой, я уже устала, мы себя реабилитировали, и этого достаточно на сегодня...

Но, собственно, успокаиваться на этом Агнесса не собиралась, на самом деле ее эпопея с попытками забеременеть только начиналась: молитвы святым Иакиму и Анне, поездки на святые купели, прием немецких препаратов, крестные ходы, сопровождаемые насмешками многодетных важных подруг-матерей...

Глава «Последняя надежда»

...И так холодная снежная зима сменилась романтической весной, кругом цвели яблони, рябины...

У всех весеннее, пасхальное, приподнятое настроение,

люди улыбались, улицы Санкт-Петербурга выглядели нарядно, будто тоже, как и жители, ждали весны...

...Увядала одна Агнесса, составляя резкий контраст с весной: недавно молодая графиня в монастыре попала под дождь и сильно простыла, выздоровление шло медленно и тяжело, ибо соединились душевная рана и телесная болезнь. Семен Степанович не отходил от любимой ни на шаг, нежно подтыкал одеяльце, проверял ладошкой температуру, следил, чтоб лекарства давались по часам, поил с ложечки, читал ей стихи, чтобы не было скучно, и часто думал: «И за что же мне крест бездетности? Сначала первая жена, теперь Агнесса. Несчастливая моя любимая Агнесса разделила со мной крест бездетности, так тяжело смотреть, как она мучается из-за меня..., я ж ее люблю и так хочу ее радовать. Может, отпустить ее к другому человеку? Бред, я не смогу без нее, но и не хочу, чтобы она страдала из-за меня...».

Маленький Кирюша тоже сопереживал болеющей Агнессе, пытался порадовать рисунками, показывал ей новые игрушки и книжки, крутился, как маленький олененок или лисенок возле больной мамы. Многие знакомые приезжали проведать Агнессу, не всем ревнивый Семен Степанович доверял, особенно Алексею Виноградову, хоть и оба раза выяснилось, что Агнессу оклеветали, но какое-то нехорошее чувство осадка осталось, поэтому он попросил присмотреть за Агнессой того самого самого давнего надежного приятеля Андрея Сурикова...

Все разрешилось одним весенним солнечным днем, когда солнечные зайчики на грязном снегу и проталинах предвещали теплый день.

Дело в том, что княжна Наталия не переставала все это время сплетничать об Агнессе, пересказывая с пренебрежением ее истории о лечении, и в тот день Алексей Виноградов снова появился на пороге дома Агнессы, о чем ей доложила пышногрудая служанка в русском убранстве.

– Что ж, – прошептала Агнесса, – даже не знаю, дать ему возможность выговорится или сразу не пускать, в прочем, решение мое прежнее, а выслушать человека мне не тяжело, поэтому пропустите...

Алексей Виноградов как всегда романтично тряханул густой ярко-каштановой шевелюрой, поцеловал с томным видом ручку Агнессе и начал томным голосом речь:

– О, моя милейшая сударыня, я слышал, что вы-с болеваете, что ж, в следующий раз будете осмотрительнее во время ваших религиозных поездок, так же я слышал, что вы-с по-прежнему безуспешно пытаетесь забеременеть, умоляю вас, давайте сбежим во имя нашей великой любви, у нас будут красивые дети, ведь вы-с мечтаете об этом. Ну, зачем вам-с этот старик, когда у вас есть я, молодой и красивый поклонник, ваш преданный воздыхатель, не верьте ничьим словам, будто б у меня сотни дам, я жду вас-с! Неужели вам-с самой не надоели эти муки, лекарства, ночные молитвы за дарования чада? Ради чего?! Ради верности старику, который этого

не ценит?! Со мной, красивым молодым мужчиной вы-с бы после первого раза забеременели!

После этого слащавый художник вложил молодой графине в руку алую розу. Бледная и потная от простуд Агнеса устало закатила морские глаза, а душа снова запылала от несправедливости: «Ну почему, почему у такого достойного, самого лучшего, интересного и любимого человека, как Семен Степанович не может быть детей, а этот гулена опять шантажирует детьми...», как же это больно, ненавижу Алексея за эту боль...», а после этого вскрикнула:

– Ненавижу вас-с! Ненавижу! Умоляю, не мучайте меня, уйдите! И розу свою заберите! Я верна мужу! И не лгите мне о любви, делаете больно – значит, не любите..., а вас-с все равно не люблю, я люблю мужа..., и он не старик, а представительный зрелый мужчина...

Алексей Виноградов недовольно хмыкнул и поспешил уйти со словами:

– Вы еще раскаетесь в своих словах!

Естественно, Андрей Суриков не оставил это без внимания, ловко и быстро он вскочил на гнедого коня и поскакал к Семену Степановичу, который в это время общался со сослуживцами, и из его кабинета можно было услышать:

– Я не могу, я весь на нервах, она никак не поправляется, прямо чахнет на глазах, я ее и с ложечки поил, и лучшие лекарства покупал, но не понимаю, что еще могу сделать для нее...

В ответ кто-то из коллег стал уговаривать сочувствующим тоном:

– Не волнуйтесь так, сударь, ваше сиятельство, выздоровеет, все еще наладится, вы-с такой приятный презентабельный мужчина, милейшая сударыня Агнесса Петровна сама красота и обаяние, дайте ей пока от простуды поправиться, восстановиться, водички побольше, травяные настои, а потом, как она оклемается от простуды, можно цветок «Рапунцель» попить для беременности...

– Да какая ей сейчас беременность, – задался возмущенный голос графа Долгопятова, – ей бы сначала из этой тяжелой простуды вкарабкаться, а потом уже можно и дальше о беременности думать..., и пили мы с ней и цветок «Рапунцель», и я мужские трав пил, ничего не помогает..., я уверен. Если б не душевная травма из-за бесплодности, она бы не заболела тогда под дождем так тяжело...

– Да, – послышался другой сочувствующий голос, – тяжелая ситуация..., может, ваше сиятельство, вам супругу на воды в Германию отвезти, как она поправится? Как вообще так получилось, что драгоценная сударыня так сильно простыла?

– Да я уже сам не знаю, что делать! Сначала Евангелина, теперь моя милая Агнесса, замкнутый круг какой-то! Хоть разводить! И сам замучился, и ее довел! Я сам не ожидал, что моя любезная Агнесса может так тяжело заболеть, просто мы столько молим Бога о чаде, и приехали в один даль-

ний монастырь, а она пошла на службу одетая по-весеннему легко, а в знак покаяния так еще и босая, по грязному снегу, а потом погода резко ухудшилась и пошел прохладный весенний дождь. Нет, не только от дождя она заболела, но и от душевного перенапряжения, и это так больно осознавать... я на все готов, лишь бы она выкарабкалась из этой проклятой простуды, больше никаких прогулок босой или во власянице! Хватит! Прямо не знаю..., я бы и словечка о чаде не проронил, но она у нас так молода и хороша собой, и, логично, что хочет родить. Ах, если б она забеременела, то это – придел счастья, она б сразу пошла на поправку... – глаголил Семен Степанович и даже поморщился и нервно задышал, чтобы сдержать слезы и не заплакать, ведь все-таки он важный граф, а не мальчишка.

А плакать хотелось...

Тут в дубовую гулкую дверь постучал взволнованный Андрей Суриков и тихо вымолвил:

– Друг мой, выйди на минутку, поговорить надо...

Семен Степанович со всей свойственной ему величественностью почти незаметно смахнул слезу и вышел к другу в прохладный коридор со словами:

– Что случилось? Что за спешка?

– Друг ты мой, – протянул Андрей, – вот, в чем дело. Приезжал к твоей любезной Агнессе Петровне никто иной, как сам Алексей Виноградов, и, можешь считать меня свиньей, но я подслушал их разговор, она и правда ни чем не виновата.

та, сама сказала, что верна тебе, но... он все-таки ее уговаривал сбежать с ним...

Пожилой граф принял гневный вид вулкана, который готов сейчас уничтожить все вокруг и крикнул:

– Что?! Ну, все, допрыгался, художник! На дуэль! Сейчас же!

Уже через полчаса Семен Степанович находился в мастерской Виноградова. Так же едко пахло краской, вокруг стояли картины с натюрмортами, пейзажами и полуобнаженными красивыми дамами, Алексей Виноградов писал букет цветов, но обернувшись от работы и увидев графа Долгопятова в таком бешеном состоянии, уронил картину на пол с мольберта.

– Дуэль!!! – крикнул без всяких приветствий граф с таким разозленным видом, агрессивно швырнув белоснежную перчатку, а, что художник смешно упал на мольберт, – жду вас через час в лесу недалеко от вашей мастерской!..

... В это время врач пришел к Агнессе, молодая графиня тяжело закашляла, приветствуя тучного пожилого медика в пенсне, на что тот степенно промолвил:

– Ваше сиятельство, мое почтение, я смотрю, вы все так же кашляете, и температура держится. Вы-с все лекарства принимаете?

– Да, сударь, – ответила, покашливая, болезненно-зеленоватая Агнесса, – температура есть, меня по вечерам знобит. Я все предписания выполняю, лекарства не пропускаю,

но пока кашель и насморк держится, а еще в последнее время меня стало сильно тошнить, часто стал болеть живот, и я поправилась, а муж не замечает этого, балует меня вкусеньким, чтобы я лучше выздоравливала. Переживет за меня, любит, говорит, что я все равно красивая и стройная...

Пожилой тучный врач в пенсне мило улыбнулся и сказал: – Ну, что ж, давайте-с вас осмотрим, любезная сударыня...

Через какое-то время довольный сияющий лекарь радостно объявил:

– Сударыня моя любезная, я вас поздравляю с вашим многуважаемым супругом, у вас будет малыш!

О, какова была реакция Агнессы! Глядя на ее вмиг приятно порозовевшее лицо можно было увидеть целый космос эмоций: от щенячьего восторга до религиозного блаженного состояния, словно сейчас произошло великое необъяснимое чудо, а не просто беременность, казалось, Агнесса светится изнутри, как весенний распутившейся цветок.

– Повторите, повторите-с это еще раз! – воскликнула молодая графиня, на что обаятельный тучный доктор по-доброму рассмеялся и снова радостно возвестил:

– Сударыня, родите вы мужу наследничка скоро! Тяжел вы-с!

Восторг в душе Агнессы просто бурлил: вот оно, долгожданное семейное счастье, которого так долго и тяжело они с Семеном ждали! Наконец-то! От счастья Агнессе хотелось

кричать и танцевать, но она сдержала себя просто соскочив с кровати, как будто и не было ни тяжелой простуды, ни температуры и, отсыпав врачу золотых монет за благую весть, выскочила в нарядную расписанную райскими птицами гостиную. В первую очередь молодая графиня обратилась к личному слуге графа Долгопятова:

– Скажите, где сейчас его сиятельство! Мне нужно с ним объясниться тед-а-тед!

Несчастный слуга так замялся, что возбужденная Агнесса заподозрила что-то нехорошее, переспросив:

– Так где же его сиятельство?

На что слуга робко выдавил из себя, заикаясь:

– Н-н-на дуэли с сударем А-А-Алексеем Виноградовым...

Восторг на нежном лице взбудораженной Агнессы резко сменился настоящим леденящим ужасом, а затем преобразовался в крик:

– Я должна успеть!!! Покажите мне дорогу к дуэлянтам!!! К черту коня, его долго запрягать, пойду пешком!

... А в ту же пору в лесу, где грязный весенний снег смешался с землей на проталинах, а из этой неприглядной смеси романтично выглядывали подснежники и ландыши, готовились к дуэли Алексей Виноградов и граф Долгопятов, а расстроенный Андрей Суриков, выступавший в роли секунданта, мысленно сокрушался: «А-а-а, зачем я все сказал Симеону, они ж сейчас со злости точно прибьют друг друга! Не прошу себе этого!».

– Что ж, вы-с навредили сами себе этим вызовом, я вас прикончу! – крикнул Алесей Виноградов, на что граф Долгопятов ответил:

– Молчи, щенок!

Но Андрей Суриков не забыл свои обязанности секундан-та, как бы ни был расстроен, и начал считать шаги:

– Раз, два, три..., шесть, семь, восемь, девять...

И тут случилось невозможное, в доли секунды получилась ситуация, навсегда положившая конец этой истории, дело в том, что Виноградов, как и все молодые люди, хотел жить и решил смухлевать и выстрелить в спину графу Долгопятову на девятом шаге вместо десяти...

...И в этот критический момент на опушке леса в сопровождении того самого слуги и сенной девки появилась Агнесса и с криком сильно толкнула мужа, они упали в объятия друг другу, знатно извалявшись в холодном снеге и весенней грязи, а роковая пуля врезалась в толстое дерево...

...Все замолчали в шоковом состоянии, никто не подозревал, что Агнесса любит Семена Степановича настолько сильно, что готова погибнуть за него...

Когда первое оцепенение прошло, Семен Степанович закричал на Агнессу:

– Ты что делаешь?! Ты что делаешь?! Он бы убил тебя, если б ты не упала!!! Я же тебя люблю!!!

– Я тебя тоже люблю!!! – закричала в ответ Агнесса, – Никогда, слышишь, больше никогда так не рискуй собой!!!

У нас будет ребенок!!! Ты понимаешь, что Господь услышал нас, и что это значит?!! Ты станешь отцом!!! У нас будет малыш...

Реакцию Семена Степановича надо было видеть, сначала он застыл от неожиданности, будто его молния поразила, а потом одновременно и зарыдал и рассмеялся от счастья, а потом стал целовать Агнессу под радостные вопли Андрея...

Алексей Виноградов предпочел в униженном состоянии потихоньку удалиться, но было видно, что ему очень больно и унижительно, словно в гордом художнике потух какой-то огонь внутри...

...А через семь месяцев молодая графиня родила красивую пухленькую светловолосую кудрявую девочку из своего сна, Матрона, и никто и не сомневался в отцовстве графа, ведь дочь вышла копией отца, и ровный носик, и стать, и даже милые маленькие ушки, все как у графа Долгопятова. Их можно было увидеть счастливыми на прогулке вчетвером, Кирюша, Матрона, и супруги Долгопятовы...

...На этой счастливой ноте предлагаю оставить этих героев, дорогие и любимые читатели...